

СЛОВОСЛОВЪ

Издание Всеволода Соловьева.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

22 апрѣля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
 » съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
 » съ пересылкою во всѣ мѣстности
 Россійской Имперіи. . . . . 6 » — »
 » за границу. . . . . 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во всѣ города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
 За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 17.

1890.

Рукописи и письма, присылаемые въ контору, должны сопровождаться полной подписью и адресомъ отправителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для редакціи необязательно. Большія литературныя произведенія возвращаются только въ случаѣ полученія конторой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по понедѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

ПО БУХАРѢ.

Путевые очерки.

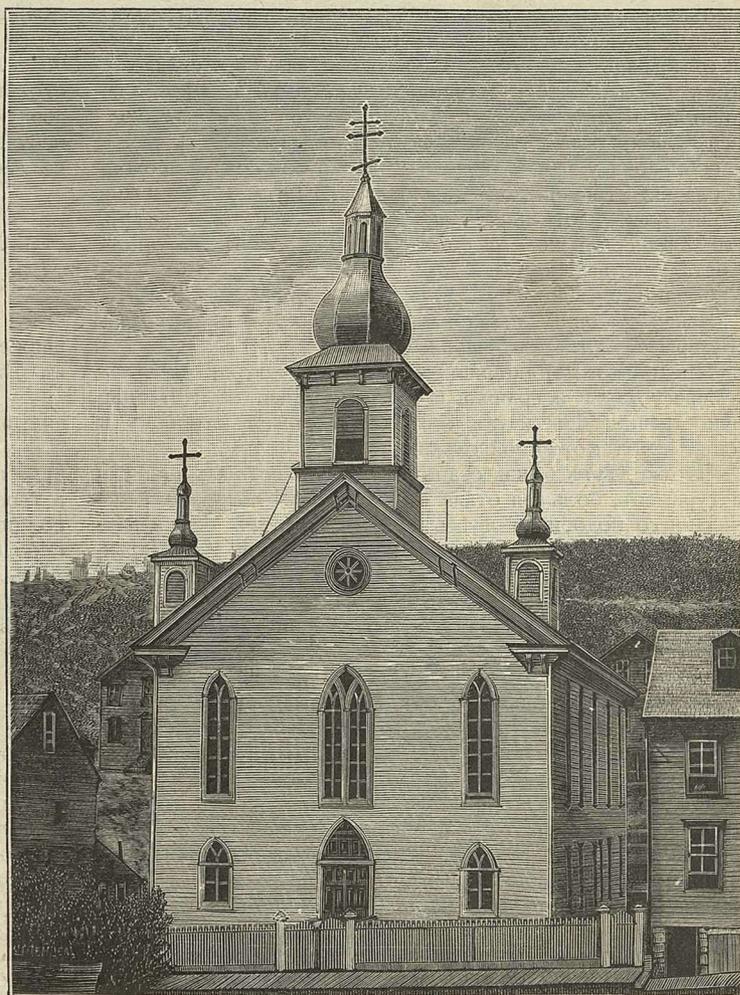
В. Обручева.

ыхтя и свистя, мчится русскій паровозъ съ длинною цѣпью вагоновъ по владѣніямъ его высокостепенства эмира Бухарскаго. Миновавъ сыпучіе пески, окаймляющіе правый берегъ Аму-Дарьи, онъ врѣзывается въ Каракульскій оазисъ и бѣжитъ вдоль зеленой, безконечной ленты полей и садовъ, мимо глиняныхъ стѣнъ и зданій, мимо смуглыхъ чернобородыхъ сартовъ въ пестрыхъ халатахъ и синихъ чалмахъ, провожающихъ удивленнымъ взглядомъ это адское измышленіе губительной цивилизаціи невѣрныхъ.

— Шайтанъ-арба! (дьявольская колесница) — промолвить сквозь зубы фанатикъ мулла, и, слѣдя гнѣвнымъ взоромъ за поѣздомъ, скрывающимся среди клубовъ дыма въ зеленой дали, погружится въ печальныя размышленія объ упадкѣ благочестія среди мусульманъ о преступной слабости эмира, дозволившаго урусамъ проложить шайтанъ-арбу черезъ „благочестивую Бухару“, этотъ оплотъ ислама. Съ сердечнымъ трепетомъ думаетъ онъ о грядущихъ событіяхъ, предсказывая въ недалекомъ будущемъ паденіе бухарскаго могущества и уничтоженіе самостоятельности Бухары. Съ сожалѣніемъ вспоминаетъ онъ о недавнемъ прошломъ, когда ни одинъ гяуръ не смѣлъ проникнуть въ благочестивую Бухару, не подвергая свою жизнь безчисленнымъ опасностямъ, когда владѣнія эмира были вдвое больше, чѣмъ теперь, обнимая всю долину Зеравшана, чудный Самаркандъ и Ташкентъ и граничили на востокѣ съ Коканскимъ ханствомъ, а невѣрные урусы возводили свои укрѣпленія только на Сыръ-Дарьѣ.

Развалившись на диванѣ вагона, пассажиръ любуется зеленою Зеравшанскою долиною, послѣ мертвеннаго однообразія гуркменскихъ степей и песковъ, и едва-ли подумаетъ о томъ, что толь-

Пенсильванія. — Первая русская греко-униатская церковь въ г. Шенандо.

ко двадцать пять лѣтъ тому назадъ ни одинъ европеецъ не смѣлъ проникнуть въ Бухару, не рискуя поплатиться жизнью; что только отважный венгерецъ Вамбери, переодѣтый дервишемъ и распѣвая стихи изъ корана, прошелъ это гнѣздо мусульманскаго фанатизма въ толпѣ оборванныхъ богомольцевъ, рискуя ежеминутно быть узнаннымъ, благодаря болѣе свѣтлой кожѣ и чужеземному облику лица и помышляя съ трепетомъ о грозившей ему, въ такомъ случаѣ, мучительной казни—побіенію камнями, за богоотступничество по закону Магомета; помышляя о загадочной смерти англичанъ Конолли и Стаддарта и другихъ пионеровъ науки.

Но всѣ эти ужасы прекрасно описаны г. Вамбери въ его книгахъ „Путешествіе по Средней Азій“ и „Очерки Средней Азій“, и повторять ихъ было-бы излишне. Я намѣренъ только передать впечатлѣнія путешественника, проѣхавшаго верхомъ черезъ Бухару болѣе года тому назадъ, когда продолженіе Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда было только что рѣшено окончательнымъ правительствомъ, но къ работамъ по сооруженію полотна еще не приступали и толпа желѣзно-дорожныхъ пионеровъ еще находилась въ Черджуѣ, откуда только смутные слухи о приближающемся нашествіи урусовъ и преувеличенные рассказы очевидцевъ о волшебной шайтанъ-арбѣ, дымившей на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, проникали въ благочестивую Бухару и волновали туземное население.

I.

Отъ Учъ-аджи до Репетека. Древнее русло Аму-Дарьи.

— Станція Учъ-аджи, поѣздъ стоитъ двадцать минутъ, буфетъ!

Этотъ возгласъ кондуктора разбудилъ меня и, приподнявшись на локоть, я посмотрѣлъ заспанными глазами на пыльное стекло вагоннаго окна. Ничего утѣшительнаго не представило моимъ взорамъ: все та-же печальная, песчаная пустыня, по которой мы ѣхали уже третій день; на голой песчаной площади возвышалось нѣсколько небольшихъ деревянныхъ домиковъ, привезенныхъ изъ Астрахани, нѣсколько землянокъ, сколоченныхъ изъ шпалъ и присыпанныхъ пескомъ, кибитка съ краснымъ флагомъ на высокомъ шестѣ и складомъ ящиковъ и боченковъ—станціонный буфетъ, вотъ и все; а на горизонтѣ, со всѣхъ сторонъ, словно желтое ожерелье, холмы песка, покрытые жалкой растительностью.

Я собирался уже перевернуться на другой бокъ и продолжать сладкій утренній сонъ (было только пять часовъ и еще не вполне разсвѣло), на очень узкомъ и жесткомъ диванѣ, набитомъ мочалой, но мой сосѣдъ, офицеръ желѣзно-дорожнаго баталіона, выглянувъ изъ окна, проговорилъ:

— Станція Учъ-аджи, граница бухарскихъ владѣній.

— Какая граница?—спросилъ я удивленно;— вѣдь границей Бухары служить Аму-Дарья.

— Нисколько; порядочная часть Бухары находится на лѣвомъ берегу Дарьи и граница проходитъ близъ этой станціи; конечно граница фиктивная, безъ пограничныхъ столбовъ и знаковъ, безъ таможенной охраны.

— Что-же, тутъ близъ станціи вѣроятно есть какіе-нибудь аулы туркменъ, большія стада?

— Ничего подобнаго! здѣсь на сотни верствъ безжизненная, безплодная пустыня, пески и пески до самой Аму-Дарьи; только вдоль лѣваго берега рѣки тянется узкая полоса культурной, орошенной земли, ограниченная съ одной стороны рѣкой, съ другой—песчаной пустыней; единственное жильѣ здѣсь—станціонныя постройки.

Мы помолчали; я смотрѣлъ на домики, на группу желѣзно-дорожныхъ солдатъ-кондукторовъ, бесѣдовавшихъ у вагона, на рядъ телеграфныхъ столбовъ, отдѣлявшійся отъ станціи куда-то въ сторону и исчезающій за песчаными холмами.

— Куда это проведенъ телеграфъ? спросилъ я.

— Къ колодцамъ, которые расположены въ пяти верстахъ отсюда, среди песковъ; тамъ паровая водокачка и живутъ машинистъ и рабочіе; вода проведена отсюда по трубѣ и течетъ прямо въ станціонный пунктъ.

— Значитъ—выселокъ въ пустынь; должно быть имъ очень весело жить тамъ, гдѣ нѣтъ даже развлеченія въ видѣ проходящихъ поѣздовъ. Но отчего-же не провели желѣзную дорогу ближе къ этимъ колодцамъ?

— Видите-ли, во время сооруженія полотна эти колодцы были намъ неизвѣстны; здѣсь на станціи то-же есть колодецъ, но съ очень плохой, солоноватой водой, которую даже

лошади пьютъ неохотно; но такъ какъ на картахъ другихъ колодцевъ указано не было, то провели полотно сюда; только попозже одинъ изъ рабочихъ, старикъ-туркменъ, вспомнилъ, что гдѣ-то по близости должны быть прѣсные колодцы, давно уже заброшенные, такъ какъ караваны изъ Мерва въ Чарджуй предпочитали болѣе сѣверную дорогу черезъ колодцы Эдилъ и Сейрабъ. Мы посулили е у награду и онъ отыскалъ группу изъ трехъ колодцевъ, занесенныхъ пескомъ; вода оказалась прекрасной, по вкусу даже очень похожей на нескую; колодцы возобновили, одинъ выложили камнемъ, устроили водокачку и доставляютъ теперь по тысячѣ ведеръ ежедневно на станцію.

Раздался третій звонокъ, свистки кондуктора и поѣздъ тронулся; унылая станція скрылась изъ виду и опять потянулись безконечной цѣпью, убѣгая въ даль, песчаные холмы, поросшіе рѣдкими корявыми кустами кизиль-дшузгана и печальнымъ деревомъ пустыни-саксауломъ, съ его тощей листвою, совершенно подобной длиннымъ зеленымъ волосамъ; мѣстами желтые склоны холмовъ уже зеленѣли свѣжимъ покровомъ молодой травы, такъ какъ была половина марта и весна въ полномъ разгарѣ.

Укачиваемый тряской вагона, мой собесѣдникъ снова заснулъ и вскорѣ я также послѣдовалъ его примѣру. Часа полтора спустя насъ разбудило неровное движеніе поѣзда, то ускореніе хода, то замедленіе его почти до полной остановки; офицеръ вышелъ на площадку, сейчасъ же вернулся и сказалъ сердито:

— Вы можете поздравить себя, ваше желаніе исполняется—начался песчаный буранъ и раньше вечера мы не приѣдемъ въ Аму-Дарью.

Я вскочилъ и взглянулъ въ окно. Картина песковъ совершенно измѣнилась: небо, покрытое недавно еще легкими розовыми тучками, совершенно потускнѣло, словно запылилось; на востокѣ солнце, поднявшееся еще невысоко висѣло матово-краснымъ шаромъ безъ лучей, а безчисленные песчаные холмы словно ожили, задвигались; съ каждой вершинки, съ каждаго бугорка взвивались струйки желтаго песка, словно дымъ изъ кучи угольщика неслись по вѣтру, разсыпались по склонамъ холмовъ; въ лощинахъ вѣтеръ также вздымалъ столбы песка и крутилъ ихъ въ видѣ маленькихъ смерчей; воздухъ былъ переполненъ песчинками, которыя придавали небу этотъ тусклый колоритъ, поглощали солнечные лучи и съ легкимъ скрипомъ ударялись о стекла вагонныхъ оконъ.

— Это и есть песчаный буранъ? спросилъ я.

— Онъ самый, но это только цвѣточки, а за слѣдующей станціей, гдѣ пески совершенно голые на шестьдесятъ верствъ, тамъ вы увидите всю прелесть заносовъ; экая досада!

— И это часто случается у васъ на дорогѣ?

— Не слишкомъ часто; сильные заносы, задерживающіе движеніе, подобныя сегодняшнему, случаются разъ или два въ мѣсяцъ а небольшіе при каждомъ вѣтрѣ.

— Но странно, теперь начало весны песокъ долженъ быть еще влажнымъ и не поддаваться вѣтру.

— Нисколько; влажнымъ онъ бываетъ только во время зимнихъ дождей съ половины ноября по половину февраля, а теперь, хотя дожди еще перепадаютъ по временамъ, но солнце грѣетъ уже настолько сильно, что поверхностные слои быстро сохнутъ; да и зимою достаточно нѣсколько теплыхъ дней, чтобы заносы стали возможны: вѣдь у насъ въ Крещеніе нерѣдко ходятъ безъ пальто—такая теплыня на дворѣ.

— Что же у васъ дѣлается лѣтомъ, во время бездожія, въ эту страшную жару, когда песокъ сухъ и малѣйшій вѣтерокъ долженъ поднимать его тучами?

— О, песокъ не такъ легокъ, какъ вы думаете и слабый вѣтеръ перекатываетъ только песчинки по землѣ, не поднимая ихъ на воздухъ; кромѣ того въ маѣ и іюнѣ здѣсь господствуетъ затишьѣ и заносовъ нѣтъ; самые опасные мѣсяцы—апрѣль, іюль, августъ, сентябрь.

Во время нашей бесѣды вѣтеръ все усиливался и окна вагона дребезжали подъ его порывами; поѣздъ то ускорялся своей ходъ, то замедлялъ его почти до полной остановки передъ большой выемкой, гдѣ рельсы сильнѣе засыпались пескомъ.

Понемногу проснулись и остальные пассажиры. Во время нашего четырехдневнаго странствованія, сначала по Каспійскому морю на пароходѣ „Кавказъ и Меркурія“ и затѣмъ въ вагонѣ Закаспійской желѣзной дороги, я со ісѣми перезнако-

мился, тѣмъ болѣе, что они также ѣхали въ Туркестанъ и мы собрались вмѣстѣ проѣхать малоизвѣстную Бухару, о которой намъ рассказывали всякіе страхи. Наше общество состояло, кромѣ меня и упомянутого офицера, изъ одного полковника, прослужившаго всю жизнь въ Финляндіи и вздумавшаго на старости лѣтъ перевестись въ Туркестанъ, его жены, очень милой пожилой особы и молодого инженера, исколесившаго съ научной цѣлью всю Закаспійскую область вдоль и поперекъ и занимавшаго насъ своими рассказами о жизни и нравахъ дѣтей пустыни — туркменъ и о негостеприимной природѣ песковъ и степей.

Полковникъ тревожно спрашивалъ всѣхъ и каждого о жизни въ Ташкентѣ и при видѣ печальныхъ степей и безбрежныхъ песковъ Туркмени начиналъ уже подумывать, что много проигралъ, промѣнявши прохладный климатъ и красивую природу Финляндіи на зной и безводныя степи Туркестана.

Теперь, во время сна, голова его приходилась подъ окномъ и мелкія песчинки, проникшія черезъ щели окна, усыпали густымъ слоемъ его воротникъ, лицо и волосы; бормоча проклятія на этотъ ужасный край, полковникъ очищалъ свою голову, съ остервенѣніемъ, большой щеткой, а супруга его, прикрывшаяся на ночь платкомъ, кротко улыбалась и урезонивала своего сердитаго мужа. Инженеръ также весь усыпанный пескомъ, выгладилъ крошечный полотняный мѣшечекъ и сталъ сметать въ него песокъ со всѣхъ подокошниковъ, чтобы опредѣлить діаметръ тѣхъ песчинокъ, которыя поднимаются вѣтромъ до высоты оконъ вагона, т. е. летятъ отъ семи до десяти футовъ надъ поверхностью земли. Полковникъ, въ сердцахъ на негостеприимную природу Туркмени, предложилъ ему за одно ужъ сосчитать всѣ эти песчинки.

Я полюбопытствовалъ узнать, откуда произошли всѣ эти безбрежные пески, разстилающаеся между Мервскимъ оазисомъ и Аму-дарьей, и инженеръ сообщилъ мнѣ, что приблизительно отъ станціи Учъ-аджи мы, изъ области рѣчныхъ наносовъ Мургаба, перешли въ область рѣчныхъ наносовъ Аму-Дарьи и что эти безбрежные пески относятся повидимому къ пескамъ рѣчнымъ и материковымъ, происшедшимъ изъ древнихъ песчаниковъ, отчасти размытыхъ Аму-Дарьей, отчасти же разрушенныхъ атмосферными дѣятелями, такъ какъ они очень мягки и рыхлы и, подъ вліяніемъ жары, вѣтра и дождя, постепенно распадаются въ порошокъ, который затѣмъ уже разносится вѣтромъ. Отдѣльные невысокіе увалы изъ этихъ песчаниковъ уцѣлѣли кое гдѣ среди пустыни и по берегамъ Аму-Дарьи; склоны ихъ и ближайшіе окрестности неизмѣнно покрыты совершенно голыми и передвижными буграми песка, обладающими типичной формой „бархана“ т. е. бугры, по формѣ напоминающіе копытную кость лошади и навѣянные единственно вѣтромъ изъ рыхлаго матеріала увала.

Съ теченіемъ времени на барханѣ начинаетъ появляться растительность, сначала травы, затѣмъ кусты и постепенно подвижные барханные пески переходятъ въ малоподвижные бугристые, по которымъ мы съ утра уже ѣхали; если туркменъ со своими стадами не начнетъ уничтожать растительность, закрѣпившую пески, тотъ же вѣтеръ постепенно разнесетъ бугры, разбѣгъ песокъ по котловинамъ и, работая рука объ руку съ растительностью, превратитъ бугристые пески въ слабо-холмистую песчаную степь („чуль“ по туркменски), густо поросшую травой и кустами. Такая песчаная степь тянется на сотни верстъ между Аму-Дарьей и Мургабомъ къ сѣверу отъ русско-афганской границы; въ такой степи не бываетъ уже песчаныхъ бурановъ — весь песокъ закрѣпленъ растительностью. Но если туркменъ, соблазнившись пастбищемъ, начнетъ ежегодно выгонять туда свои безчисленныя отары овецъ и козъ, которыя поѣдятъ траву, обгрызутъ побѣги кустовъ и взбодьютъ улежавшійся песокъ своими копытами, вѣтеръ начнетъ въ обратномъ порядкѣ преобразование песчаной степи въ бугристые пески. Вотъ почему всякій оазисъ, всякій аулъ туркменъ и всякій колодець въ пескахъ, куда пригоняютъ овецъ на водопой неизмѣнно окружены голыми сыпучими песками, возникшими благодаря дѣятельности человѣка и его стадъ.

Во время этого разсказа поѣздъ пронзительно свистнулъ и мимо оконъ мелькнулъ зеленый дискъ.

— Станція Репетекъ, сказалъ инженеръ; здѣсь мы можемъ выпить чаю съ песочкомъ.

— Пріятный напитокъ! пробурчалъ полковникъ.

— Что же дѣлать, будемъ пить какой есть, возразилъ я; но неужели и здѣсь буфетъ помѣщается въ кибиткѣ?

— Нѣтъ, въ старомъ вагонѣ, но вы видите, что окна вагона плохо защищаютъ отъ песка...

Поѣздъ остановился, мы направились къ дверямъ и стали спрыгивать съ высокой площадки на песокъ полотна. Но только что я успѣлъ сдѣлать это, какъ пришлось пожалѣть, что не остался въ вагонѣ — песокъ такъ и засыпалъ всё лицо, глаза, уши, ротъ и носъ; только закрывши лицо рукою и смотря сквозь пальцы, можно было идти къ буфету, не рискуя ослѣпнуть на время; въ буфетѣ мы всѣ стали чихать, отплевываться отъ песка, скрежетавшаго на зубахъ, и протирать глаза платками.

— Чудный край, гостеприимный край! ворчалъ полковникъ, захватившій огромный жестяной чайникъ, чтобы выпить чаю семейно, у себя въ вагонѣ; ему налили кипятку и, заткнувъ горлышко бумажкой, онъ пустился въ обратный путь.

— Да, не особенно пріятно промѣнять Финляндію на эти прелести особенно человѣку пожилому, обжившемуся на одномъ мѣстѣ и привыкшему къ умѣренному климату и домашнему комфорту! — скаеаль я.

— Какой же онъ военный въ такомъ случаѣ? возразилъ инженеръ; ворчитъ вѣчно какъ старая баба; даже его жена спокойно переноситъ путевыя непріятности, чѣмъ онъ, а ей бы скорѣе слѣдовало роптать на мужа, потащившаго её на старости лѣтъ къ чорту на кулички.

Мы занялись чаемъ, который дѣйствительно содержалъ нѣкоторый процентъ песка, налетѣвшаго во время переноса каждого стакана изъ вагона-кухни въ вагонъ-буфетъ.

— Что это за высокіе холмы? спросилъ я, указывая на какой то уваль, увѣнчанный цѣлой цѣпью голыхъ бархановъ и поднимавшійся на незначительномъ разстояніи отъ насъ.

— А это древній берегъ Аму-Дарьи; вы и не подозреваете, что то мѣсто, гдѣ мы теперь сидимъ, въ давно миувшія времена было покрыто мутными волнами древняго Оксуса, что вся станція Репетекъ находится на его высохшемъ руслѣ, а эта небольшая возвышенность составляла берегъ рѣки; оттого-то здѣсь прѣсная вода находится на незначительной глубинѣ подъ поверхностью земли — станціонныя колодцы имѣютъ всего одну сажень глубины.

— Что же, отъ древняго русла уцѣлѣла только эта ничтожная котловина, въ которой находится станція?

— Во первыхъ эта котловина далеко не ничтожна; изъ нашего вагона вы могли бы замѣтить противоположный берегъ, находящійся на разстояніи не менѣе версты отъ насъ, а къ сѣверо-западу и юго-востоку эта котловина тянется на двадцать верстъ; во вторыхъ, если вы поѣдете на юго-востокъ черезъ эту пустыню, вы встрѣтите цѣлую цѣпь такихъ котловинъ, большихъ и малыхъ, главныхъ и побочныхъ, съ одними и тѣми-же невысокими песчаными берегами, съ тѣми же сѣрымъ, шелковистымъ пескомъ на днѣ, совершенно подобнымъ находящемуся въ руслѣ современной Аму-Дарьи. Большая часть этихъ котловинъ окаймлена зарослями гребенщика — куста, который растетъ только близъ рѣкъ и водоемовъ съ прѣсной водой, а въ одной котловинѣ я видѣлъ островокъ съ цѣлой рощей старыхъ тополей и вербъ, которыя среди песковъ никогда не расгутъ; кромѣ того, почти въ каждой котловинѣ есть прѣсный колодець глубиною 1—2 аршина, вырытый туркменскими пастухами, тогда какъ въ окрестной песчаной степи колодцы очень рѣдки, очень глубоки и содержатъ горько-солѣную воду. Грандіозное впечатлѣніе производитъ эта безконечная цѣпь огромныхъ, безлюдныхъ котловинъ, теперь пустынныхъ и безмолвныхъ, а нѣкогда наполненныхъ волнами огромной рѣки.

— Но это русло примыкаетъ гдѣ-нибудь къ современной Аму-Дарьѣ или нѣтъ?

— Да, въ афганскихъ предѣлахъ, около Келифа; мнѣ не удалось проникнуть туда, такъ какъ афганцы стали очень подозрительны и не пропускаютъ никого черезъ границу, опасаясь русскихъ шпионовъ. У географовъ это русло извѣстно подъ именемъ Келифскаго Узбоа.

— Возможно ли опредѣлить, давно ли протекала здѣсь Аму-Дарья?

— Только приблизительно, такъ какъ свѣдѣнія, сообщаемыя римскими, греческими и, позднѣе, китайскими и арабскими географами, очень сбивчивы и туманны, такъ что ихъ можно толковать по произволу совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Судя по легендамъ, которыя передаются

изъ рода въ родъ среди туркменъ, рѣка навѣрно протекала по Келифскому руслу въ то время, когда въ Мервѣ жили „православные люди“, что, согласно исторіи, было отъ IV до VIII вѣка. Но двѣ любопытныя легенды указываютъ на IX—X вѣкъ, когда это русло осушилось и притомъ по волѣ человека, а не вслѣдствіе какихъ-либо могущественныхъ явленій природы.

— Какія же это легенды, расскажите пожалуйста!

— Извольте; первая называется „сказкой о Хазретъ-Али. Когда арабы, по волѣ Магомета, огнемъ и мечемъ обращали въ мусульманъ идолопоклонниковъ Востока, харезмійцы (живинцы), жители низовой Великой Дарьи или Джай-Хуна, отказались принять исламъ. Тогда Левъ Божій Хазретъ-Али, на своемъ райскомъ конѣ Дуль-Духъ, перескочилъ черезъ Аму-Дарью, явился въ замокъ Калифъ, схватилъ висѣвшій у сѣдла волшебный мечъ Зуль-Фукаръ и воскликнулъ: „Аллагу Акбаръ!“ (Великъ Господь) трижды ударилъ по горамъ, а отсѣченные скалы бросилъ поперекъ рѣки. Прегражденная каменной плотиной, рѣка хлынула въ расщелину на западъ. Харезмійцы, лишенные воды, признали ученіе пророка и умоляли возвратитъ имъ рѣку. Тронутый ихъ мольбами, Хазретъ-Али раздвинулъ обломки скалъ руками и Аму-Дарья снова потекла на сѣверъ къ Ховарезму (Хивѣ)“.

Вторая—легенда о харезмійской царевнѣ.

„Персидскій царь Фрейданъ полюбилъ харезмійскую царевну, но красавица не захотѣла жить въ его гаремѣ. Тогда царь, изъ мести харезмійцамъ, велѣлъ копать арыкъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, противъ Келифа и, запрудивъ рѣку

плотиной, направилъ ее на западъ въ пески. Всѣ подданные Харезмъ-Шаха упрашивали свою царевну спасти ихъ отъ безводія. Сжалившись надъ ними, она поѣхала въ Келивъ и сказала царю, что согласна быть его женой, если онъ разрушитъ плотину. Царь немедленно исполнилъ ея волю, но коварная невеста скрылась. Она скакала день и ночь на быстрыхъ кобылицахъ вдоль по Дарьѣ отъ Келифа до Ургенча и пріѣхала домой въ тотъ самый часъ, когда вода дошла до стѣнъ столицы Ховарезмъ. Фрейданъ пустился за ней въ погоню, но проскакавъ до Черджуя и не догнавши ее, махнулъ рукой на бѣглянку и вернулся въ свою столицу“.

— Молодецъ-баба!—сказалъ я;—но, судя по этимъ легендамъ, Аму-Дарья уже текла по современному руслу къ Хивѣ, когда арабы распространяли исламъ.

— Только половина ея; у Келифа она раздѣлялась на двѣ части; правая текла на сѣверъ къ Хивѣ, лѣвая на сѣверо-западъ въ Каспійское море; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ туркмены, изъ которыхъ многіе видѣли это западное русло и называютъ его „шоръ“ или „етты-шоръ“, т. е. семь шаровъ. Но постепенно Аму-Дарья засорила, занесла свое западное русло своими обильными осадками и воды ея повернули цѣликомъ къ Хивѣ; плотины, воздвигнутыя Хазретъ-али и Фрейданомъ, были послѣдними попытками повернуть Дарью въ покинутое ею западное русло...

Раздавшійся второй звонокъ прекратилъ нашу бесѣду и мы поспѣшили къ вагону.

(До слѣдующаго №).

На пестромъ коврѣ ароматныхъ цвѣтотъ,
При трепетномъ свѣтѣ луны,
Заснулъ онъ подъ лепетъ немолчный листовъ,
Подъ говоръ хрустальной волны.

Но, вдругъ, притаился шумливый ручей,
Замолкъ очарованный тѣсъ...
Онъ видитъ... качели изъ лунныхъ лучей
Спускаются тихо съ небесъ.

Онъ видитъ... съ улыбкой на ясномъ лицѣ,
Въ одеждѣ воздушной, какъ дымъ,
Вся свѣтлая, въ дивно-блестящемъ вѣницѣ,
Склонилась фея надъ нимъ.

«Мой мальчикъ! садись на качели ко мнѣ,
«Намъ весело будетъ вдвоемъ...»

«Вздымаясь все выше къ сребристой лунѣ,
«Мы въ лунное царство порхнемъ!»

«Ты слышишь-ли шопотъ, лобзанья и смѣхъ,
«Аккорды невидимыхъ миръ?..»

«То къ намъ приближается царство утѣхъ,
«Мой лунный, серебряный миръ!..»

Хотѣлъ онъ проснуться, но чуднаго сна
Онъ чары разсѣять не могъ...

А фея звала его, страсти полна,
Въ свой тайный, волшебный чертогъ.

И доло качалась и тѣла надъ нимъ;
Когда-жъ зааглась востокъ,

Умчалась она къ небесамъ юлымъ,
На ирudy его бросивъ цвѣтокъ.

М. Лохвицкая.

У К А М И Н А.

(Эскизъ).

В. Омелянскаго.

Послѣ обѣда Семень Петровичъ прошелъ въ свой кабинетъ, чтобы, по обыкновению, „отдохнуть“.

Это повторялось регулярно каждый день и успѣло уже войти въ привычку. Когда онъ отдыхалъ, по комнатамъ, въ особенности возлѣ кабинета, позволялось ходить только на цыпочкахъ и говорить не иначе, какъ шопотомъ.

Семень Петровичъ былъ среднихъ лѣтъ мужчина съ выразительнымъ, даже красивымъ, хотя нѣсколько оплывшимъ лицомъ. Все въ этомъ человѣкѣ, съ перваго же знакомства, обыкновенно всѣмъ нравилось: его увлекающійся умъ, его добрая улыбка, его тихія рѣчи, самая манера держать себя съ постороннимъ человѣкомъ; словомъ, въ сейчасъ-же, съ перваго раза, подпадали подъ обаяніе доброй и мягкой души.

Особенно привлекательны были блѣдные, голубые глаза Семена Петровича, такъ мило жмурившіяся, когда онъ смѣялся...

Семень Петровичъ былъ холостъ и имѣлъ средства. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ взялъ на воспитаніе оставшуюся сиротой послѣ смерти брата племянницу свою, Олю. вмѣстѣ съ ней по его приглашенію переѣхала къ нему и Софья Васильевна, его дальняя родственница. Это была его семья. въ кругу которой онъ проводилъ теперь время и съ которой уже успѣлъ сжиться.

Но былъ-ли счастливъ Семень Петровичъ? Да...—если мѣрить счастье общей житейской мѣркой. Онъ имѣлъ все, въ чемъ видятъ люди счастье и безъ чего они зовутъ себя несчастными. Его совѣсть не хранила тяжкаго воспоминанія ни

ИЗДАНИЕ ВЪСВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

29 апрѣля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
 » съ доставкой въ С.-Петербургѣ . 5 » 50 »
 » съ пересылкою во всѣ мѣстности
 Россійской Имперіи . . . . . 6 » — »
 » за границу . . . . . 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во всѣ города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
 За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 18.

1890.

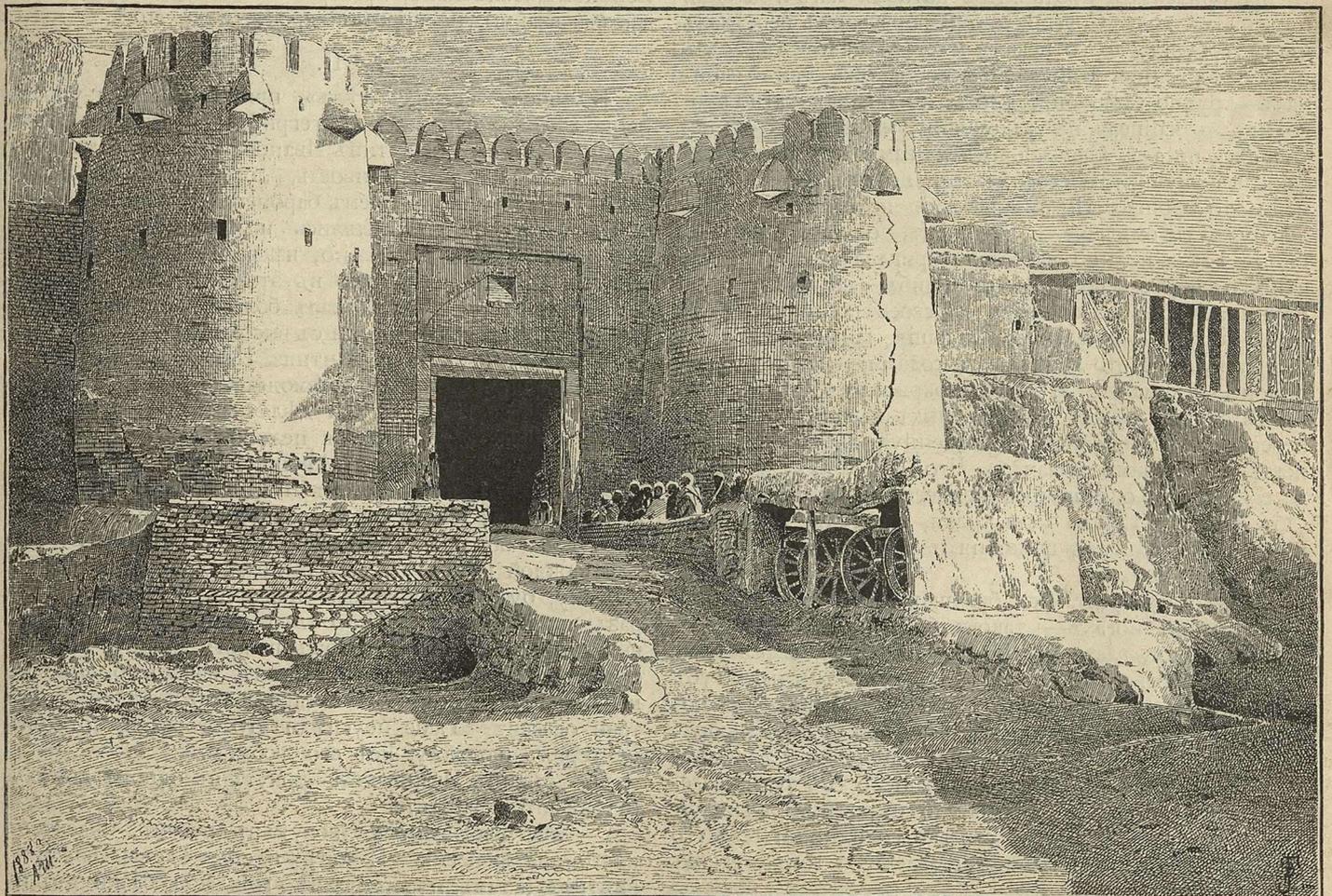
Рукописи и письма, присылаемые въ контору, долж-
 ны сопровождаться полной подписью и адресомъ отпра-
 вителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для
 редакціи необязательно. Большія литературныя произ-
 веденія возвращаются только въ случаѣ получения кон-
 торой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ
 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по пе-
 недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

Ворота Дервазъ-Имамъ въ Бухарѣ.

Рисоваль А. Шильдеръ.

Относительно судьбы ихъ онъ не задумывался; онъ зналъ про себя сумму, которая предназначена за каждой изъ нихъ, но при этомъ желалъ (совершенно естественно) выдать ихъ за «хорошаго человѣка», который прибавленія сразу не попроситъ.

VI.

Вотъ почему, когда какъ-то разъ Амалия Карловна и Муза Тарасевна вдругъ открыли ему свои планы, въ надеждѣ, что и онъ раздѣлитъ ихъ радость на счетъ будущности дѣтей, Антипъ Ивановичъ совсѣмъ нахмурился и сдѣлалъ гримасу.

— Что съ вами, Антипъ Ивановичъ?—спросила баронесса.—Вы точно чѣмъ-то недовольны?

— Мнѣ кажется, Амалия Карловна, что мои дочери еще молоды и о замужествѣ ихъ еще и рѣчи быть не можетъ.

— Позвольте мнѣ тоже знать, Антипъ Ивановичъ,— съ достоинствомъ отвѣтила баронесса, — время-ли вашимъ дочерямъ выходить замужъ или нѣтъ... я вѣдь, кажется, для васъ не чужая!..

— Все это очень хорошо, добрыйшшая Амалия Карловна, но знаете что: растили мы дочерей, не досыпали, что называется, не доѣдали, себѣ во всемъ отказывали не для того, чтобы выдать ихъ такъ... зря!..

— Хорошо! хорошо! продолжайте! — воскликнула баронесса—и у ней поблѣднѣли губы. — Я отъ васъ этого не ожидала!

— Да нѣтъ, я вполне уважаю сына вашего,— поправился Антипъ Ивановичъ,—но онъ еще мальчикъ, безъ мѣста... хотѣлось-бы зятя съ положеніемъ... чтобы обезпечить судьбу!..

— На это я могу вамъ отвѣтить, — возвысила голосъ баронесса, — что ему двадцать четвертый годъ и въ моемъ домѣ ваша дочь была-бы обезпечена!..

— Гдѣ тамъ!.. Ваши дѣла не такъ блистательны, какъ вамъ кажется.

— И была-бы гораздо больше обезпечена, еслибы вы, Антипъ Ивановичъ, управляя дѣлами моими, не такъ пользовались тѣмъ, что я слабая женщина!.. Я никогда вамъ не высказывала этого... я просила за васъ у Шагренева... Но я все... все знаю!..

— Нѣтъ, ужъ позвольте теперь, Амалия Карловна, если на то пошло, позвольте! Я попросилъ-бы васъ объяснить, что значить: «не такъ пользовались», что значить «я все знаю»?

— Извольте, извольте, у меня есть нѣкоторые документы и если... если я-бы, я-бы ихъ... затѣяла-бы дѣло, то вамъ плохо-бы пришло! Вы... недобросовѣстно вели мои дѣла, Антипъ Ивановичъ! — захлебываясь

говорила Амалия Карловна, уже совсѣмъ не владѣя собою, то краснѣя какъ шонъ, то страшно блѣднѣя.

— Какая неблагодарность съ вашей стороны, Амалия Карловна, столько лѣтъ я работалъ для васъ безвозмездно, хлопоталъ, бѣгалъ, совѣтовалъ, совѣтовался...

— И все тянули, тянули... Я не спорю— съ такой дуры, какъ я, другой еще больше, больше стянулъ-бы!..

— Стянулъ?—возопилъ Антипъ Ивановичъ.—Стянулъ? Такъ знайте-же, Амалия Карловна, что вы, вы... старая солопница!

— А вы... старый шутъ! — задрожавъ воскликнула баронесса и съ достоинствомъ вышла изъ комнаты.— Припомните меня, припомните, Антипъ Ивановичъ!— крикнула она ему въ дверь.— Не теперь, можетъ быть, а когда надо будетъ!..

Муза Тарасевна совсѣмъ онѣмѣла и сидѣла разинувъ ротъ. Но, оправаясь, она сразу стала на сторону мужа и съ негодованіемъ говорила о поведеніи баронессы.

Все между ними оказалось теперь кончено и даже то окно, изъ котораго такъ хорошо было видно окно столовой баронессы, заставили высокимъ комодомъ, а самъ Антипъ Ивановичъ, проходя мимо дома баронессы, строго отвертывался и будто всякій разъ что-то разсматривалъ въ воздухѣ. Дѣвицамъ было запрещено проходить мимо сосѣдскаго дома, точно боялись, что къ нимъ пристанетъ какая-нибудь болѣзнь, и онѣ должны были, всякій разъ, когда шли на прогулку, дѣлать чуть не полверсты крюку.

Имъ было объявлено даже, что если бы Сережа Ангрифенъ вздумалъ близко подойти къ дому ихъ, то Антипъ Ивановичъ собственноручно спуститъ собаку или переломаетъ ему ноги. Всякій понималъ, что хотя ничего подобнаго онъ не сдѣлаетъ, но во всякомъ случаѣ надо бояться, такъ какъ онъ иногда шутить не любитъ.

Баронесса жила теперь уединенно и почти никого не принимала, подъ тѣмъ предлогомъ, что у ней мигрень,—а Антипъ Ивановичъ видимо похудѣлъ, осунулся и все о чемъ-то думалъ.

Очень часто замѣчали, что онъ подходилъ къ окну съ комодомъ и долго-долго стоялъ и смотрѣлъ на столовую баронессы, причемъ что-то шепталъ, а когда тамъ у окна показывалась такъ давно знакомая фигура, то онъ плевалъ и отходилъ прочь. Дочери осуждали отца.

— У насъ всегда какія нибудь истории, ни съ кѣмъ не уживаемся,—говорила Клавдія.

— Что-то бѣдный Сережа дѣлаетъ! — восклицала Евпраксія и глубоко вздыхала.

Имъ было очень скучно.

(До слѣдующаго №).

ПО БУХАРѢ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

(Продолженіе).

Отъ Репетека до Аму-Дарьи.—Сыпучіе пески Абдурахманъ-Кивиль-Кумъ.

Въ вагонѣ мы застали любопытную сцену: полковникъ и его жена, охраняя свой чай отъ лѣтѣвшихъ черезъ всѣ щели песчинокъ, закрыли свои стаканы бумагой и торопились высасывать горячее пойло черезъ отверстіе между бумагой и стекломъ, пока еще поѣздъ не тронулся и не началась тряска; полковникъ обжигалъ себѣ губы и языкъ и, кляня все на свѣтѣ, глоталъ вмѣстѣ съ чаемъ—успѣвшія попасть песчинки и кусочки размокшей бумаги.

Поѣздъ тронулся и опять потянулся однообразной ве-

реницей желтые песчаные холмы съ жалкой растительностью; песчаная вьюга не уменьшалась, скорѣе даже усилилась, такъ какъ воздухъ сталъ еще желтѣе и непрозрачнѣе и солнце, поднявшееся уже довольно высоко, оставалось тѣмъ-же желто-краснымъ тусклымъ кругомъ безъ лучей.

Полковникъ, окончивъ чаепитіе, усѣлся возлѣ окна съ подвѣтренной стороны и предался меланхолическимъ размышленіямъ; убаюкиваемый медленнымъ движеніемъ поѣзда, я задремалъ, но вскорѣ полная остановка поѣзда разбудила меня.

— Опять станція?—спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ, путь занесло пескомъ, расчищаютъ передъ нами,—замѣтилъ инженеръ.

— Сколько-же времени мы простоимъ здѣсь? до вечера что-ли?

— Не беспокойтесь, не долго, даже пяти минутъ не пройдетъ; заносъ еще небольшой—всего 2—3 дюйма песка на рельсахъ, хотя этого достаточно, чтобы свалить поѣздъ, если-бы машинистъ вздумалъ рисковать.

— Кто-же расчищаетъ намъ путь? неужели на каждой верстѣ находится казарма съ партіей рабочихъ?—спросилъ я.

— Это стоило-бы слишкомъ дорого, а тутъ устроено гораздо проще: партія рабочихъ съ лопатами ѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ первомъ вагонѣ; какъ только машинистъ замѣтитъ, что впереди рельсы занесены пескомъ, онъ даетъ свистокъ, замедляетъ ходъ поѣзда, а рабочие бѣгутъ впередъ къ заносу и въ нѣсколько минутъ расчищаютъ путь; оттого-то мы ѣдемъ такъ медленно, чтобы не наскочить на заносъ съ разбѣгу. Да вотъ—посмотрите сами.

Онъ спустилъ окно и я взглянулъ впередъ; передъ паровозомъ суежилась толпа оборванныхъ туркменъ въ грязныхъ халатахъ и огромныхъ лохматыхъ бараньихъ шапкахъ. Вдругъ раздался свистокъ и всѣ они шарахнулись въ стороны, подбѣжали къ первому вагону и вскочили въ него уже на ходу поѣзда.

— Любопытный и остроумный способъ хотя не особенно скорый,—замѣтилъ я.

— Конечно, но лучше ничего нельзя придумать; теперь поѣзда все-таки ходятъ во время песчаной вьюги и кромѣ того постоянной расчисткой не даютъ образоваться большимъ заносамъ на пути. Лучше двигаться по восьми верстѣ въ часъ, какъ мы, чѣмъ стоять гдѣ-нибудь на станціи цѣлыя сутки и дожидаться конца вьюги, а затѣмъ еще полсутки пока не расчистятъ весь путь на протяженіи шестидесяти верстѣ.

— Но зато теперь опаснѣе ѣхать, — замѣтилъ полковникъ;—того и гляди сойдемъ съ рельсъ, завязнемъ въ болышущемъ барханѣ, какъ вы называете эти ужасные холмы, и насъ засыплетъ пескомъ до крыши вагона, пока подоспѣтъ помощь.

— Вы очень преувеличиваете, полковникъ, ничего подобного не грозитъ намъ; во-первыхъ машинисты знаютъ всѣ мѣста, гдѣ бываютъ сильныя заносы, напримѣръ, всѣ значительныя выемки, во-вторыхъ мы движемся настолько медленно, что можемъ остановиться моментально. Прежде болышую опасность представляло выдуванье песка изъ подъ шпаль, такъ что концы ихъ висѣли въ воздухѣ; это труднѣе замѣтить издали и такъ какъ это случалось только на насыпяхъ, то поѣздъ рисковалъ свалиться въ котловину; но теперь нашли средство — посыпаютъ полотно кусками твердой глины или укрываютъ его откосы хворостомъ, а по краямъ утыкаютъ его пучками соломы въ видѣ бордюра, такъ что выдуванье песка изъ подъ шпаль уже невозможно.

— Какая ужасная мѣстность! — воскликнулъ полковникъ взглянувъ въ окно;—одинъ песокъ, ни куста, ни былинки!

— Да, мы недавно въѣхали въ Сахару въ миниатюрѣ, въ пески Абдурахманъ-Кизиль-Кумъ, шириной въ шестьдесятъ и длиной въ нѣсколько сотъ верстѣ, окаймляющіе лѣвый берегъ Аму-Дарьи.

Дѣйствительно мѣстность была ужасна: куда ни глянь—голые холмы желтаго песка, правильной формы, вышиной до четырехъ-пяти сажень; эти барханы мѣстами сливались въ цѣпи съ волнистымъ гребнемъ; на ихъ сыпучихъ склонахъ ни травки, ни кустика, ни деревца, только песокъ и песокъ; мнѣ казалось, что мы ѣдемъ по какому-то страшному морю съ окаменѣвшими, желтыми волнами, морю мертвому, безжизненному, готовому поглотить насъ, похоронить подъ этими горами песка, которые сыпались на полотно въ видѣ желтыхъ, извилистыхъ струекъ, летѣли по воздуху тучами. Кромѣ этихъ песчаныхъ волнъ, мимо оконъ вагона мелькали только телеграфные столбы, кое-гдѣ засыпанные почти до вершины, словно утопавшіе въ песчаномъ морѣ.

— Вотъ это настоящая пустыня,—замѣтилъ инженеръ.

— Какъ-же здѣсь прокладывали путь, какъ здѣсь ѣздили прежде?—удивлялся полковникъ.

— Уздили на верблюдѣ, который не даромъ зовется копраемъ пустыни—только онъ можетъ плыть по этимъ желтымъ волнамъ; лошади и ослы скоро выбиваются изъ силъ, взбираясь на барханы, тѣмъ болѣе, что копыта ихъ глубоко погружаются въ рыхлый песокъ. Я проѣхалъ эту пустыню

почти годъ тому назадъ, еще до проведенія желѣзной дороги и съ большимъ трудомъ сдѣлалъ въ два дня эти шестьдесятъ верстѣ, которыя мы теперь дѣлаемъ въ шесть часовъ, сидя спокойно въ вагонѣ, болтая и куря. Это было въ концѣ іюля, жара ужасная, съ ранняго утра солнце льетъ свои жгучіе лучи съ безоблачнаго неба, песокъ накаленъ, какъ чугуная печь, и отъ него тоже пышетъ жаромъ; представьте себѣ—песокъ накаленъ до 66° по Цельзію, на солнцѣ 57° и 48° въ тѣни, которой кстаги нѣтъ, развѣ воспользоваться тѣнью своей лошади. Лошади еле плетутся, мокрая, понуря голову; глаза болятъ отъ сверкающей желтизны песковъ, во рту и въ горлѣ сухо, слюна обращается въ какую-то густую клейкую массу; чтобы смочить глотку пьешь по каплямъ драгоценную влагу изъ бутылки, обшитой войлокомъ, распредѣляя ее такъ, чтобы хватило до слѣдующаго колодца, хотя хотѣлось-бы выпить всю бутылку однимъ залпомъ. Дышать трудно, голова тупѣетъ, мозгъ словно заволакивается туманомъ, ѣдешь въ какой-то дремотѣ, напрягая по временамъ свои чувства, чтобы не сбиться съ узенькой тропы, вьющейся между барханами и обозначенной верблюжьимъ навозомъ и костями погибшихъ животныхъ. А собьешься съ тропы—бѣда: мучительная смерть отъ жажды караулитъ тебя за каждымъ барханомъ.

— Пріятная перспектива! Но какъ-же сооружали желѣзную дорогу при такихъ ужасныхъ условіяхъ?

— Полотно насыпали весной, шпалы и рельсы проложили въ концѣ осени, во время зимнихъ дождей; лѣтомъ даже привычныя, закаленные туземцы отказывались работать въ пескахъ.

— Да, генераль Анненковъ сдѣлалъ то, о чемъ другіе строители и думать не смѣли — провелъ желѣзную дорогу черезъ песчаную пустыню,—замѣтилъ офицеръ, спавшій все время отъ Репетека.

— Помните, что писалъ генераль Черняевъ въ „Новомъ Времени“ во время начала этой постройки: онъ заявлялъ, что миллионы шпаль и рельсъ будутъ погребены безъ всякой пользы подъ желтыми волнами песчаного моря, которое засыпаетъ даже высокіе тополя до самой верхушки, что опытные туземцы не могутъ справиться съ песчаными заносами, засыпающими ихъ посѣвы и даже селенія; словомъ, онъ зананѣ предсказывалъ полную неудачу.

— Да, но были строители посмѣлѣе, которые, не отрицая возможности проведенія желѣзной дороги черезъ пустыни и степи Туркменіи, предлагали для этой маленькой Сахары въ шестьдесятъ верстѣ шириной, проекты одинъ другого грандіознѣе. Напримѣръ одинъ старый инженеръ брался проложить дорогу только въ томъ случаѣ, если ему ассигнуютъ сумму на постройку сплошного деревяннаго навѣса, нѣчто въ родѣ тоннеля въ шестьдесятъ верстѣ длиною, надъ полотномъ, чтобы сдѣлать всякіе заносы невозможными; эта идея обошлась-бы не дешево при необходимости привозить строевой лѣсъ для тоннеля изъ Астрахани, такъ какъ въ области нѣтъ ни одного прямого дерева, ни гладкой доски. По приблизительному расчету одинъ матеріалъ для этого сооруженія, съ доставкой въ Узунъ-Ада обошелся-бы въ полтора милліона рублей; а затѣмъ провозъ до Репетека, постройка и ежегодный ремонтъ! Того гляди, что два милліона обошлась-бы постройка а ремонтъ съ процентами на затраченный капиталъ—ежегодно двѣсти тысячъ; а при малѣйшей оплошности въ этомъ сухомъ климатѣ все сооруженіе могло-бы сгорѣть при благоприятномъ вѣтрѣ въ одну прекрасную ночь. Идея грандіозная, но совершенно непрактичная. Другой прожектерь предлагалъ провести предварительно изъ Аму-Дарьи два канала по сторонамъ предполагаемаго полотна, за каналами соорудить террасообразный валь гигантской величины въ защиту отъ наносовъ, обсадить его деревьями и только тогда начать устройство полотна въ этой искусственной долинѣ между валами, орошенной водами Аму-Дарьи!

— Дѣйствительно грандіозная идея! два канала по шестидесяти верстѣ длины и два вала такой-же длины и нѣсколько сажень вышины, обсаженные деревьями! Сколько милліоновъ стоило-бы это сооруженіе и сколько лѣтъ потребовалось-бы на исполненіе его! Мы-бы теперь еще не ѣхали въ вагонѣ черезъ эти пески, а плелись-бы на верблюдахъ или лошадяхъ, изнывая отъ жары.

— Но какова смѣлость! Мнѣ пришлось видѣть докладную записку этого прожектера; не говоря уже объ орографіи:

этотъ господинъ очевидно не имѣлъ понятія ни о мѣстности, которую предлагалъ осчастливить своимъ сооруженіемъ, ни о земляныхъ работахъ, ни о разведеніи лѣса, ни объ условіяхъ проведенія воды по каналу. Единственное объясненіе этого смѣхотворнаго проекта—то, что прожектёръ надѣялся, что строитель дороги, пораженный геніальностью идеи, пригласитъ его на службу и поручитъ ему сооруженіе каналовъ и валовъ... Не тутъ-то было! Хитрый генераль, руководствуясь извѣстнымъ изреченіемъ „veni, vidi, vici“, провелъ желѣзную дорогу безъ туннеля и валовъ, безъ каналовъ и аллей, словно на зло всѣмъ изобрѣтателямъ грандіозныхъ проектовъ и вотъ мы уже ѣздимъ въ вагонѣ по этой пустынѣ, гдѣ четыре мѣсяца тому назадъ тащились верблюды, еле передвигая ноги, и пронзительный свистъ паровоза разносится между барханами, возвѣщая имъ наступленіе новой эры.

— И, конечно, разчистка пути отъ заносовъ обходится въ одну десятую того, что стоилъ-бы ремонтъ грандіозныхъ сооружений, не говоря уже о процентахъ на затраченный капиталъ,—замѣтилъ офицеръ.

Та-же пустыня разстилалась вокругъ насъ, но вѣтеръ какъ будто затихалъ, стало свѣтлѣе, барханы меньше дымилась. Наконецъ мы прибыли на станцію Караулъ-кую, написли чистаго чаю въ лавочкѣ, помѣщавшейся въ землянкѣ изъ шпаль, закусили свѣжими яйцами, доставленными изъ Чарджуй и, чтобы сократить оставшіеся три часа ѣзды по пустынѣ, улеглись спать. Только полковникъ ходилъ изъ угла въ уголь, съ нахмуреннымъ лицомъ, постоянно поглядывая на часы. Наконецъ онъ разбудилъ насъ возгласомъ:

— Господа, всавайте, кончилось блужданіе по пустынѣ Аравійской, видна земля обѣтованная!

Я взглянулъ въ окно; на горизонтѣ, за желтымъ пространствомъ песковъ, виднѣлась узкая полоска зелени.

— Да, Чарджуйскій оазисъ,—замѣтилъ инженеръ;—черезъ полчаса пріѣдемъ.

Песчаные барханы значительно уменьшились и на нихъ появилась жалкая растительность; еще немного — и поѣздъ вырвался изъ жгучихъ объятій песчаной пустыни, прелестная мѣстность разстилалась передъ нами! Молодая бархатистая зелень полей, сочная зелень распускаящихся деревьевъ, казалась вдвое красивѣе, ласкала наши взоры, утомленные однообразной желтизной песковъ; безчисленные поля, окаймленные низкими глиняными стѣнами и рядами туговыхъ деревьевъ, тополей и вербъ, разстилались по сторонамъ пути до самаго горизонта, среди полей возвышались изукрашенныя крѣпостцы съ зубчатыми стѣнами и башенками по угламъ—отдѣльные подворья или усадьбы, заключающія въ своихъ глинобитныхъ стѣнахъ хлѣва, сакли и весь хозяйственный скарбъ и скоть сартовской (бухарской) семьи. Вдоль полотна извивалась большая пыльная дорога, пересѣченная глубокими оросительными канавами—арыками, несшими живительную влагу изъ Аму-Дарьи на поля; черезъ эти арыки были перекинуты животрепещущіе мосты изъ вѣтвей и земли.

— Что это за чудище?—воскликнулъ полковникъ, указывая на группу сартовъ въ пестрыхъ халатахъ и синихъ чалмахъ или косматыхъ бараньихъ шапкахъ, ѣхавшихъ по дорожкѣ на маленькихъ осликахъ.

— Это? да это сарты, здѣшніе жители, ѣдутъ на ишакахъ (ослахъ),—отвѣтилъ офицеръ;—неужели вы ихъ не видѣли въ Асхабадѣ, Мервѣ?

— И не подозревалъ такого варварства!—кипятился полковникъ,—какъ это русскія власти позволяютъ?

— Да что такое, какое варварство?

— Неужели вы не понимаете? влѣзетъ такая машина, въ тяжелой шапкѣ, ватномъ халатѣ, на маленькое животное и ѣдетъ на немъ, стуча его палкой съ желѣзной цѣпью по шеѣ, толкаетъ ногами въ бока! Это безчеловѣчно! мучители, варвары!

— Да что вы, полковникъ, никакого варварства нѣтъ; ишакъ выносливъ, хотя съ виду малъ и ноги тонкія; здѣсь всѣ туземцы ѣздятъ на ишакахъ, потому что ишакъ стоитъ всего три-четыре рубля и кормить его гораздо дешевле, чѣмъ лошадь, это главное рабочее животное во всей Средней Азии.

— Не могу помириться съ этимъ, какъ и вообще со всѣмъ специально азіатскимъ, что приходится видѣть; по моему это варварство и чтобы ввести здѣсь цивилизацію нужны мѣры крутыя; эти дикари уважаютъ только физическую силу, кнутъ, палку, кулакъ!

— А что вы скажете, когда увидите, во время нашей по-

ѣздки по Бухарѣ, какъ на томъ-же ишакѣ возсѣдаетъ сартъ, на рукахъ держитъ ребенка, а за нимъ, на крупѣ животнаго, сидитъ его супруга тоже съ ребенкомъ; словомъ „en famille“ на одномъ ишакѣ!

— Что? Я стащу сарта съ ишака и исколочу его въ лоскъ, чтобы онъ не мучилъ животныхъ!—воскликнулъ полковникъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

Инженеръ расхохотался.

— Я-бы посовѣтывалъ вамъ,—замѣтилъ онъ,—нѣсколько умѣрить порывы вашего гнѣва, когда мы будемъ въ благочестивой Бухарѣ, инае вы навлечете на всѣхъ насъ серьезныя непріятности. Помните, что мы въ гостяхъ и со своимъ уставомъ въ чужой монастырь нельзя соваться, особенно къ бухарцамъ-фанатикамъ; они не трусы и не спустятъ гяуру, даже въ офицерской формѣ, оскорбленія мусульманина.

Поѣздъ протяжно свистнулъ, мы стали собирать вещи и минуту спустя подкатили къ великому Оксусу древнихъ.

III.

На берегу великаго Оксуса.

Едва только поѣздъ остановился противъ станціи, какъ нашъ вагонъ окружила толпа носильщиковъ въ рубищѣ и войлочныхъ ермолкахъ, предлагая свои услуги.

— Это что за племя такое?—воскликнулъ полковникъ.

— Это амбалы, т. е. носильщики-персы; сарты неохотно идутъ на такія работы, развѣ какіе-нибудь бѣдняки, бездомные; а персы, напротивъ, цѣлыми толпами отправляются въ русскіе предѣлы на заработки и при своей выносливости и трезвости быстро сколачиваютъ копейку и возвращаются на родину; это очень сильный и ловкій народъ—во всѣхъ портахъ Каспійскаго моря они давно вытѣснили русскаго крючника, пьяницу и лѣнтяя.

— Лестная рекомендація для русскихъ!—сказалъ я.

— Что-же они не идутъ въ вагонъ?—спросилъ полковникъ.

— Это имъ не позволено, иначе багажъ разорвали-бы въ клочки и дрались-бы изъ-за каждой вещи; каждый пассажиръ зоветь сколько ему нужно и они дерутся за вагономъ, пока нагайка станціоннаго казака не усмирить соперниковъ.

Наконецъ нѣсколько амбаловъ забрали наши вещи и я съ семьей полковника отправился въ желѣзно-дорожную гостиницу; офицеръ и инженеръ ушли къ знакомымъ. Перейдя небольшую площадь, мы подошли къ непрезентабельной мазанкѣ съ навѣсомъ изъ камышевыхъ цыновокъ и съ краснымъ флагомъ на кривомъ шестѣ.

— Есть свободные номера?—спросилъ я стоявшаго у дверей мальчика съ бѣлымъ передникомъ.

— Есть, пожалуйста. И по темному и узкому коридору съ землянымъ поломъ онъ провелъ насъ въ крошечный дворикъ, заваленный всякимъ хламомъ, ящиками, бочками, пучками рожи. Посерединѣ двора стояла бочка съ водой и рыжій мужикъ перемывалъ пустыя бутылки, сваленныя въ громадную пирамиду, и складывалъ ихъ въ ящики.

„Здорово пьютъ здѣсь!“—подумалъ я, перескакивая черезъ лужу у порога флигелька, куда мальчикъ привелъ насъ.

Оба номера оказались очень невзрачными, чтобы не сказать болѣе; полъ кирпичный, покрытый дырявой кошмой (войлокомъ) передъ узкой и погнутой желѣзной кроватью съ одной только простыней сомнительнаго цвѣта; подъ окномъ столикъ съ зеркальцемъ и подсвѣчникомъ, два стула—вотъ и вся обстановка. Штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась и зияли сѣрыя пятна стѣны, сложенной изъ глины, размѣшанной на рубленой соломѣ; потолокъ камышевый на кривыхъ балкахъ.

— Что загадость!—проворчалъ полковникъ,—неужели нѣтъ ничего лучшаго?

— Никакъ нѣтъ-съ, мы одни-съ на станціи; всѣ проѣзжіе живутъ-съ и довольны-съ?

— А цѣна какая?—спросилъ я.

— За большой номеръ полтора рубля-съ въ сутки, за малый рубль съ четвертью.

— Что? полтора рубля за такой сарай, хуже хлѣва свиного!—закипятился полковникъ.

— Какъ вамъ угодно-съ, такса! Всѣ платятъ-съ и благодарятъ, что хоть какое ни на есть помѣщеніе нашли-съ. Пока насъ не было, пассажиры подъ дождемъ-съ ночевали, на площади.

— Нечего дѣлать, помѣстимся какъ-нибудь! — вмѣшалась полковница; — только есть ли у васъ лишняя кровать? — насъ двое.

— Сколько угодно съ! по четвертаку въ сутки съ за каждую. Амбалы втащили наши вещи и мы размѣстились, полковникъ съ женой въ большой комнатѣ, я — въ маленькой.

— Все-таки здѣсь лучше, чѣмъ въ вагонѣ во время песчаной вьюги, — сказалъ полковникъ, когда кувшинъ холодной воды освѣжилъ его голову и унесъ песчинки, запутавшіяся въ волосахъ.

— Но когда же мы двинемся дальше? — спросила вошедшая полковница, также уже умытая и приглаженная.

— А вотъ придетъ инженеръ, — сказалъ я, — онъ вѣдь ѣдетъ вмѣстѣ съ нами и обѣщалъ все устроить. А покуда будемъ обѣдать.

На нашъ зовъ явился мужикъ, промывавшій бутылки, и принесъ карточку; она оказалась исписанной различными блюдами съ французскими названіями, исковерканными до неузнаваемости; во время нашего совѣщанія, что выбрать, явился инженеръ и совѣтовалъ взять что попроще, такъ какъ поваръ армянинъ и готовить скверно.

Вскорѣ мы усѣлись четверомъ за столъ со скромными яствами и стали обсуждать дальнѣйшее путешествие.

— Для вещей и для барыни мы найдемъ двѣ арбы, — сказалъ инженеръ, — а сами поѣдемъ верхомъ; впрочемъ, въ арбѣ съ вещами будетъ достаточно мѣста, чтобы посадить одного изъ насъ, которому надоѣсть болтаться на сѣдлѣ; только это будетъ плохой отдыхъ, такъ какъ арба ужасно трясеть.

— Сколько дней мы будемъ тащиться до Самарканда?

— Семь или восемь дней, если не будемъ останавливаться въ пути; но слѣдовало бы провести одинъ день въ бухарской столицѣ, чтобы осмотрѣть этотъ любопытный городъ съ его оригинальной азіатской жизнью.

— Да и отдохнемъ немного послѣ первыхъ дней непривычнаго путешествія. Я стараюсь не думать о предстоящемъ, чтобы не разстраивать себя, — сказала полковница; — послѣ всего, что мы испытали на морѣ и въ вагонѣ, переѣздъ черезъ эту дикую страну въ арбѣ кажется мнѣ ужаснымъ.

— Ничего ужаснаго нѣтъ, сударыня, — возразилъ инженеръ, — напротивъ, очень интересное путешествіе, если поступиться нѣкоторыми удобствами, къ которымъ вы привыкли при городской жизни, не считая ихъ необходимыми.

— Для васъ это конечно легко, — замѣтилъ полковникъ, — для васъ, потому что вы вотъ уже два года кочуете по пустынѣ, съ утра до вечера на конѣ подъ жгучимъ солнцемъ или подъ дождемъ, ночуете на кошмѣ подъ звѣзднымъ небомъ у костра, кушаете похлебку изъ риса, дичь на вертелѣ и хлѣбъ, испеченный въ золѣ, пьете воду изъ всякой грязной лужицы.

— Да, сравнительно съ тѣмъ, что я перенесъ, эта поѣздка черезъ Бухару кажется мнѣ увеселительной прогулкой; здѣсь всюду есть караванъ-сарай, кишлаки (деревни), всюду можно найти кровъ и пищу.

— И неужели вамъ не надоѣла эта бродячая жизнь? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я успѣлъ уже пристраститься; сначала было очень тяжело отказывать себѣ во всемъ, къ чему привыкъ и считалъ необходимымъ для жизни, но теперь я такъ люблю эту свободу, эту жизнь бродяги-пionера, что послѣ мѣсяца, прожитаго въ населенномъ пунктѣ, хоть бы на этой жалкой станціи, меня опять начинаетъ тянуть на просторъ, въ пески и степи, подальше отъ людей съ ихъ обычаями и порядками, на лоно природы. Никогда во время шумной городской жизни, напрягающей всѣ нервы, какъ струны, не приходилось мнѣ испытывать такого душевнаго мира, какъ въ пустынѣ, лежа у пылающаго костра, послѣ утомительнаго дневного переезда, и созерцая ясное небо съ его безчисленными свѣточами, темнѣющей горизонтъ пустыни, вслушиваясь въ ея голоса, стараясь разгадать ея тайны...

— Господа, — вмѣшался полковникъ, — мы отвлеклись отъ существеннаго... и такъ — мы нанимаемъ двѣ арбы и трехъ лошадей.

— Нѣтъ, двухъ лошадей, у меня есть казенная; кромѣ того, со мной будутъ два человѣка, также верхами, армянинъ-поваръ и нагайскій татаринъ-конюхъ; это мой конвой въ путешествіяхъ; одну арбу нанимаете вы, г. полковникъ, для вашей супруги и вещей, другую мы съ вами, г. корреспондентъ, пополамъ, для нашихъ вещей.

— Ахъ, у васъ будетъ поваръ, это очень пріятно! — воскликнула полковница: — вы говорите, что въ пути нѣтъ го-

стинницъ, а въ караванъ-сараяхъ готовятъ только пищу для сартовъ; безъ вашего повара намъ пришлось бы голодать.

— Не надѣйтесь слишкомъ на него, онъ умѣетъ готовить только самыя простыя кушанья: супъ какой-нибудь, бифштексъ, шашлыкъ, пилавъ.

— Ну и довольно, матушка, — замѣтилъ полковникъ, — и за то спасибо, будемъ сыты; но какъ на счетъ посуды?

— У меня есть самое необходимое, котелокъ, сковорода, тарелки.

— А самоваръ?

— Самоваръ мы найдемъ во всѣхъ караванъ-сараяхъ; эта машина въ большомъ распространеніи у сартовъ — они любители чая. Если вы ничего не имѣете противъ этого, мы можемъ тронуться завтра послѣ обѣда, за утро я все успѣю устроить.

— Но вѣдь тутъ вблизи бухарскій городъ Чарджуй, — сказалъ я, — интересно было бы посѣтить его.

— Онъ въ семи верстахъ отсюда, но не стоитъ смотрѣть — то-же самое вы увидите въ Бухарѣ, только въ большемъ масштабѣ, такъ что лучше не портить впечатлѣнія.

Обѣдъ кончился, мы заказали самоваръ и инженеръ удалился, обѣщая зайти за мной завтра утромъ, чтобы вмѣстѣ нанять арбы и лошадей.

Въ ожиданіи чая мы втроемъ направились къ Аму-Дарьѣ; она оказалась въ сотнѣ-другой шаговъ позади гостиницы.

— Однако рѣчка большая, пошире Волги будетъ, — воскликнулъ полковникъ, остановившись на берегу, надъ обрывомъ, у подошвы котораго плескалась рѣка.

Дѣйствительно великій Оксусъ представлялъ грандіозное зрѣлище; широкой полосой тянулся онъ передъ нами, убѣгая вправо и влѣво до горизонта; противоположный берегъ отстоялъ отъ насъ версты на полторы по крайней мѣрѣ и еле виднѣлся вдали. Если бы не быстрота, съ которой катились мимо насъ мутныя, коричневыя, словно шоколадныя волны, переполненныя глиной и пескомъ, я бы подумалъ, что стою на берегу большого озера или морского залива — такъ широко было водное пространство.

— И черезъ эту рѣку мы завтра будемъ переправляться въ лодочкѣ, — сказала полковница; — не знаю, рѣшусь ли на этотъ подвигъ.

— Да немного страшно, течение быстрое!

Мы пошли по берегу и вскорѣ наткнулись на любопытное зрѣлище: къ берегу подплыла большая барка, заваленная тюками хлопка; въ качествѣ пассажировъ въ кормѣ ея стояло полдюжины сѣрыхъ ишачковъ, уныло опустившихъ головы; нѣсколько полуголыхъ туземцевъ шлепали по водѣ, подтягивая барку къ берегу, на которомъ расположился караванъ верблюдовъ съ ихъ жокаками, ожидавшими грузъ.

— Куда они везутъ хлопокъ? — спросилъ я русскаго парня, глазѣваго на берегу.

— Да сюда привезли, съ того берега.

— А дальше куда повезутъ, вотъ на верблюдахъ?

— На станцію, тамъ грузятъ въ вагоны.

Въ это время барку окончательно причалили, положили помость и начали перекатывать тюки на берегъ; жокаки принимали ихъ и, подкативъ по два къ каждому верблюду, лежавшему на колѣняхъ, подтягивали тюки веревками къ неуклюжему деревянному сѣдлу, по одному тюку съ каждой стороны; навьюченный верблюдъ вставалъ и отходилъ въ сторону, уступая мѣсто слѣдующему; иныя животныя очень неохотно ложились на колѣни, понукаемыя цѣпочкой, которая оканчивалась гвоздемъ, продѣтымъ черезъ ноздри, и отчаянно ревели, пока ихъ навьючивали; выгибая свои лебединныя шеи, они оскаливали зелѣные зубы и старались укусить своихъ жокаковъ.

Солнце уже скрылось за дальней полосой деревьевъ и стало быстро смеркаться. Вслѣдъ за колонной верблюдовъ съ хлопкомъ мы направились къ станціи, посмотрѣли, какъ свалили хлопокъ къ горамъ кипъ, наваленныхъ уже вдоль полотна въ ожиданіи отправки, и пошли домой. Мы разсуждали о громадной будущности хлопковыхъ плантацій въ Средней Азіи и о количествѣ груза, которымъ будетъ завалена Закаспійская желѣзная дорога, если необходимый для русскихъ бумагопрядильнѣй хлопокъ, въ ежегодномъ количествѣ на 93 милліона рублей, будетъ доставляться по этой дорогѣ, а обратнымъ грузомъ будетъ итти красный товаръ для всей Средней Азіи.

(До слѣдующаго №).

СПЕВЕРЪ

Изданіе Всеволода Соловьѣва.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

6 мая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
» съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
» съ пересылкою во все мѣстности
Россійской Имперіи. . . . . 6 » — »
» за границу. . . . . 8 » — »
Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
во все города—21 коп.
Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
(Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 19.

1890.

Рукописи и письма, присылаемыя въ контору, должны сопровождаться полной подписью и адресомъ отправителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для редакціи необязательно. Большія литературныя произведенія возвращаются только въ случаѣ полученія конторой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакціи открыта по понедѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

Волга.—Пароходъ «Петръ Великій», общества Кавказъ и Меркурій, у пристани Спасскаго Затона.

Гравюра по фотографіи Н. Н. Апостоли.

вѣдомыхъ растений. Въ квартирѣ такъ прибрано, такъ опрятно, такъ весело; два чижа въ клѣткахъ стараются перекричать тотъ восторженный говоръ всѣхъ присутствующихъ, когда Муза Тарасьева объявила всѣмъ, что «скоро можно будетъ войти къ нему».

Всѣ толпятся около спальни, всѣхъ, всѣхъ сблизила болѣзнь уважаемаго Антипа Ивановича и страхъ, что его не станеть, что онъ въ опасности. Муза Тарасьева еле-еле успѣваетъ отвѣчать на всѣ вопросы.

Въ гостиной-же важно засѣдаетъ Свистуновъ съ баронессой Ангрифенъ, а Евпраксія и Клавдія хлопчатъ у двери больного и что-то подаютъ Музѣ Тарасьева, которая то входитъ, то выходитъ изъ его спальни. Около Клавдіи неотлучно Сережа Ангрифенъ, всѣ, всѣ чего-то ждуть и, наконецъ, по зову Музы Тарасьевны, осторожно входятъ къ Антипу Ивановичу.

Онъ неузнаваемъ. Щеки впали, борода выросла и стала ужъ теперь не темно-зеленая, а бѣлая, сѣдая. Глаза ввалились и даже носъ высматриваетъ такъ, какъ будто его уже разъ вынули и вставили вторично на свое мѣсто. Но совсѣмъ новое выраженіе доброты появилось на лицѣ его. Онъ ласково киваетъ всѣмъ головой, онъ видимо сознаетъ теперь, что былъ на порогѣ смерти и снова ожилъ. Онъ такъ радъ, такъ радъ всѣхъ видѣть, всѣхъ безъ исключенія. И всѣ кругомъ него привѣтствуютъ его, не исключая и баронессы Ангрифенъ, крѣпко жмутъ ему руку. Все бывшее между ними забыто, благодаря дѣятельному вмѣшательству Музы Тарасьевны.

Солнце льетъ свои лучи, стараясь тоже проникнуть черезъ толстыя занавѣси и привѣтствовать Антипа Ивановича, а толпа стклянокъ и баночекъ съ длинными и короткими рецептами, точно съ высунутыми языками, хоромъ выражаютъ свою радость и будто свидѣтельствуютъ свое почтеніе...

Онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Все устроилось какъ нельзя лучше: просьба Ангрифенъ была ею же взята обратно, а благодаря хлопотамъ Свистунова Антипъ Ивановичъ былъ уволенъ съ слѣдующимъ чиномъ и съ полнымъ пенсіономъ въ отставку. На его же мѣсто былъ опредѣленъ теперь Сережа Ангрифенъ, который уже бѣгалъ на службу ежедневно и началъ уже провѣлять рвеніе къ дѣятельности.

Когда Антипъ Ивановичъ поправился, то совмѣстно съ баронессой благословилъ Сережу и Клавдію на супружество, причемъ долго и много говорилъ про то, какъ все тѣнно на землѣ.

Но еще до этого у него было долгое объясненіе наединѣ съ баронессой. Въ концѣ его онъ со слезами цѣловалъ ея руки.

— Вы ангелы!—захлебываясь говорилъ онъ ей.

— Что вы... полно!—отвѣчала она, сама утирая слезы.—Я всегда, всегда любила васъ и никогда бы не начала этого дѣла; но вы такъ меня оскорбили!.. а теперь—не станемъ больше поминать объ этомъ...

Она ушла. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а старикъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, не поднимая головы. Онъ не зналъ какъ ему выйти. Ему стыдно было глядѣть на міръ Божій...

Между тѣмъ сослуживцы по «учрежденію» устроили ему проводы.

Въ солидномъ ресторанѣ былъ заказанъ обѣдъ по подпискѣ.

Пріѣздъ Антипа Ивановича былъ встрѣченъ громкимъ ура, а передъ тѣмъ какъ пить «здравицу» Свистуновъ сказалъ рѣчь, заслуженно покрытую самыми единодушными аплодисментами.

«Милостивые государи,—началь Свистуновъ,—жизнь прожить—не поле перейти. Жизнь прожить кое-какъ легко, но прожить сознательно, разумно, прожить съ пользой для отечества, для потомства—трудно, и мало кому въ удѣлъ достается наполнить свою жизнь такимъ свѣтомъ добра и пользы, какимъ наполнилъ свою жизнь нашъ почтеннѣйшій коллега, Антипъ Ивановичъ. Жизнь его поистинѣ назидательна для насъ, для будущаго поколѣнія. Сколько лѣтъ, отличаясь безкорыстной, ревностной дѣятельностью, онъ высоко несъ знамя чести и благородства...»

Далѣе слѣдовало перечисленіе этой дѣятельности, во время котораго Антипъ Ивановичъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, такъ какъ и самъ говорившій, и окружавшіе на своихъ лицахъ выразили что-то такое, отъ чего онъ вдругъ содрогнулся и ему сдѣлалось очень грустно.

«Только-бы не упомянули про «свои дѣла!»—безсознательно мелькало у него въ головѣ.

Но о «своихъ дѣлахъ» ораторъ не заикнулся.

— Ура! ура!—раздалось кругомъ.—Да здравствуетъ Антипъ Ивановичъ!

Антипъ Ивановичъ раскланивался направо и налево, силился улыбаться; но улыбка его выходила какой-то жалкой и похожей на гримасу. На душѣ у него было такъ тяжело и смутно, какъ не бывало ни разу въ жизни. И ему казалось, что всѣ, даже лакеи, разносившіе кушанья, смѣются надъ нимъ... Ему еще будто слышалось какое-то слово... такое ужасное, что онъ напрягалъ всѣ силы, чтобъ явственнѣе его не слышать.

— Да здравствуетъ нашъ добрый, нашъ благородный Антипъ Ивановичъ!—крикнулъ вновь чей-то голосъ—и къ нему присоединились другіе.

К О Н Е Ц Ъ .

ПО БУХАРЪ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

(Продолженіе).

IV.

Переправа черезъ Аму-Дарью.

Н

а слѣдующее утро инженеръ явился довольно поздно, но за то принесть извѣстіе, что его караванъ готовъ, а арбы и лошади для насъ наняты, такъ что послѣ обѣда мы можемъ двинуться въ путь.

— Гдѣ-же наши арбы? спросилъ я.

— На томъ берегу.

— Уже успѣли переправиться?

— Нѣтъ, онѣ всегда стоятъ тамъ, а здѣсь на базарѣ только хозяева ихъ.

— Сколько-же будетъ стоить наше путешествіе?—спросилъ полковникъ.

— Каждая арба отсюда до Бухары обойдется шестнадцать рублей, каждая лошадь пять рублей; въ Бухарѣ придется взять другихъ, такъ какъ здѣшніе дальше не соглашаются ѣздить; тамъ, говорятъ, цѣны значительно дешевле.

— Отчего-же здѣсь такъ дорого? вѣдь до Бухары всего сто-десять верстъ—трьѣ пути.

— Здѣсь имъ приходится запрягать по три лошади въ каждую арбу, чтобы перебраться черезъ спущіе пески, которыхъ за Бухарой больше нѣтъ.

— Оно и лучше, что въ Бухарѣ мы перемѣнимъ лошадей; получимъ опять свѣжихъ. Но какъ-же нашъ караванъ переправится черезъ рѣку?

— На хивинскомъ каюкѣ.

— На каюкѣ? Это должно быть барка, которая перевозитъ хлопокъ?

— Она самая; около двухъ часовъ отойдетъ такой каюкъ и я велѣлъ половину его оставить пустымъ, чтобы нашъ караванъ могъ помѣститься. Укладывайтесь, господа, я скоро приведу арбу, чтобы перевезти ваши вещи къ рѣкѣ.

— Позвольте,—вмѣшался полковникъ;—вы значить не видѣли ни арбъ, ни лошадей, которыхъ наняли? Намъ могутъ всучить поломанныя арбы и безногихъ коней!

— Не безпокойтесь; у сартовъ, занимающихся извозомъ, лошадей на томъ берегу много и вы выберете по своему вкусу, а арбы всѣ на одинъ ладъ и нужно только выбрать съ хорошей покрывной, чтобы дождь не промачивалъ; плохую арбу сартъ не возьметъ въ дальнюю дорогу—ему-же больше хлопотъ, если поломается, и мы можемъ оштрафовать его за неаккуратность, удержавши часть условленной платы.

Черезъ два часа, когда мы, собравши вещи, кончали завтракать, инженеръ явился въ сопровожденіи аробщика (или арбакеша, по-сартски). Пока онъ выносилъ вещи, мы вышли взглянуть на эту своеобразную туркестанскую повозку. Она состояла изъ двухъ огромныхъ колесъ, діаметромъ не менѣе сажени, безъ желѣзной шины, на тонкой деревянной оси; надъ осью помѣщалась плетеная платформа изъ ивовыхъ прутьевъ, закрытая полукруглымъ навѣсомъ изъ камышевой цыновки. Тяжелыя оглобли, почти бревна, шли наравнѣ со спиною лошади и оканчивались хомутомъ; кромѣ того, лошадь была осѣдлана азиатскимъ сѣдломъ, на которомъ покоился толстый ремень, соединявшій оглобли.

— Вотъ такъ повозка! воскликнули мы въ одинъ голосъ,—неужели намъ придется ѣхать въ этой собачьей будкѣ на мельничныхъ колесахъ?

— Конечно, это единственный экипажъ, употребляемый въ Бухарѣ.

— Но вѣдь онъ непроченъ, деревянная ось, нѣтъ шины!

— Ось изъ очень твердаго дерева, не многимъ уступаетъ желѣзной; а большія колеса очень легки, сильно пружинятся и шины ненужно для мягкой почвы степей и песковъ.

— Но зачѣмъ такая величина колесъ?

— Для облегченія движенія; малыя колеса въ пескахъ завязли-бы до оси и лошадь выбивалась-бы изъ силъ, большія колеса идутъ легко; притомъ, такъ какъ экипажъ двухколесный, вся тяжесть приходится на ось и одна лошадь свободно везетъ 30 пудовъ груза.

Наконецъ, расплатившись съ прислугой гостиницы мы двинулись къ берегу, вслѣдъ за арбой съ вещами; у рѣки мы увидѣли каюкъ и караванъ инженера, состоявшій изъ трехъ лошадей и двухъ людей; полуобнаженные хивинцы въ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ грузили тюки съ товаромъ.

— Какой это товаръ переправляется вмѣстѣ съ нами въ Бухару?

— Красный товаръ преимущественно; русскіе ситцы пользуются большимъ спросомъ въ Средней Азій, благодаря тому, что дешевле англійскихъ, цвѣта и рисунокъ болѣе яркіе, приоровленные къ азиатскому вкусу, хотя англійскій ситецъ прочнѣе. Кромѣ того, сюда привозятъ изъ Россіи мѣдъ, желѣзо, сталь и другіе металлы или издѣлія изъ нихъ, деревянныя вещи, красильныя вещества и краски, кожи и сахаръ.

— Кожи? вѣдь здѣсь своего скота много.

— Много овецъ и козъ, а крупнаго скота мало, такъ что прочныя, толстыя, хорошо выдѣланныя кожи привозятъ изъ Россіи; напимѣръ, всѣ большіе бурдюки для воды дѣлаются изъ русской юфти.

Нагрузивши тюки съ краснымъ товарамъ, наши вещи и лошадей инженера, хивинцы пригласили насъ войти въ каюкъ, засучили свои пестрые ситцевые шаровары выше колѣнъ, полѣзли въ воду и стали отчаливать каюкъ.

— Съ Богомъ въ путь-дорогу!—сказалъ полковникъ, крестясь.

На нашемъ каюкѣ было шесть лодочниковъ (каюкчей по хивински); оттолкнувши каюкъ отъ берега, они влѣзли въ него и взялись за шесты, которыми подталкивали каюкъ. На кормѣ хозяинъ каюка правилъ огромнымъ, неуклюжимъ весломъ. Быстрое течение стало сносить насъ внизъ, но вскорѣ каюкъ натолкнулся на мель и остановился; четверо каюк-

чей сняли халаты и рубашки, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ дамы, полѣзли въ воду, которая не доходила имъ до колѣнъ и, захвативши веревку, привязанную къ носу каюка, потащили его вверхъ по теченію, идя по мели и ступая такъ-же мѣрно и покачиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ русскіе бурлаки.

— Вотъ какъ! и здѣсь умѣютъ бурлачить,—сказалъ я.

— Еще-бы, всѣ каюки тянутъ вверхъ по Аму-Дарѣ такими образомъ; переправляясь черезъ эту быстрюю, но мелкую рѣчку также приходится этимъ способомъ; только это продолжается очень долго—мы будемъ переправляться около двухъ часовъ.

— Что-же такъ долго?

— А ширина какая—полторы версты поперекъ, а наискось, какъ мы ѣдемъ, около двухъ къ половиной; притомъ пока насъ тянутъ вдоль мели, мы двигаемся еще сравнительно скоро, но когда выѣдемъ на глубокое мѣсто и пойдемъ опять на шестахъ, тогда будемъ подвигаться по черепашьи, насъ будетъ сносить внизъ—до слѣдующей мели.

— Какая грязная рѣка! вода совершенно кофейнаго или вѣрнѣе шоколатнаго цвѣта.

— Да, она содержитъ массу красноватой глины, которая окрашиваетъ воду; вы вѣроятно замѣтили въ гостинницѣ, какую воду подали въ графинѣ?

— Правда, настоящій борщъ по цвѣту, я еще спрашивалъ, не помои-ли это,—замѣтилъ полковникъ.

— Они безпечны и неряшливы, какъ всѣ русскіе кабатчики,—замѣтилъ я;—только эксплуатируютъ проѣзжихъ, нисколько не заботясь объ ихъ удобствахъ; застави фильтръ стоило-бы пустажи, или просто бочку, чтобы вода отстаивалась; я процѣдилъ эти помои черезъ плотную ткань и получилась совершенно чистая вода.

Мель кончилась, бурлаки влѣзли въ каюкъ и стали работать шестами; вокругъ насъ хлопотали и бурлили шоколатныя волны.

— Это самое быстрое мѣсто, повидимому.

— Скажите пожалуйста, неужели переправа черезъ рѣку всегда останется въ этомъ примитивномъ состояніи? Я полагаю, что уже Александръ Македонскій переправлялся на каюкахъ черезъ Оксусъ, во время своего похода на Самаркандъ.

— Нѣтъ, вѣроятно построятъ временный деревянный мостъ; сначала предполагали устроить переправу на баржахъ, буксируемыхъ небольшимъ паромомъ, но потомъ разсчитали, что переправа всего количества шпалъ, рельсъ, телеграфныхъ столбовъ, прочаго строительнаго матеріала, паровозовъ и вагоновъ, необходимыхъ для 345 верствъ Самаркандскаго участка, обойдется дороже, чѣмъ постройка деревяннаго моста, который, кромѣ того, прослужитъ еще нѣкоторое время.

— Это будетъ грандіозное сооруженіе, мостъ длиною въ двѣ версты!

— Да, только не знаю, какъ они справятся съ этой рѣкой, единственной въ мірѣ по своимъ качествамъ; во-первыхъ, все дно рѣки состоитъ изъ ила и песка, нанесенныхъ рѣкой, и очень рыхлое; во-вторыхъ на глубокихъ мѣстахъ теченіе очень быстрое, около 3,5 фут. въ секунду, а во время половодья вдвое, т. е. быстрѣе Невы; но главное—это замѣчательное непостоянство русла Аму-Дары, сегодня здѣсь двѣ сажени глубины, завтра одинъ аршинъ, послѣ завтра мель; еще немного спустя опять глубоко—такъ быстро рѣка размываетъ и намываетъ свое русло; такъ-же быстро она размываетъ свои острова и берега; по словамъ одного топографа, одинъ островъ въ теченіи шести недѣль укоротился на тридцать пять сажень; сваи придется вколачивать очень глубоко, чтобы вода не вымывала ихъ въ короткое время или, по крайней мѣрѣ, не расплывалась. Затѣмъ есть еще серьезное препятствіе: для пропуска судовъ необходимо устроить разводную часть, надъ самымъ глубокимъ мѣстомъ рѣки—и вотъ черезъ недѣлю это глубокое мѣсто обращается въ мель и суда проходить не могутъ; придется постоянно углублять фарватеръ близъ разводной части моста.

— Говорятъ, что будетъ устроено пароходство по Аму-Дарѣ?

— Да, уже заказаны два плоскодонные парохода, но отсюда вверхъ по рѣкѣ едва-ли пойдутъ большіе пароходы, опять таки по причинѣ непостоянства рѣки. Я спустился на маленькомъ каюкѣ отъ Керки до Чарджуя и видѣлъ всѣ прелести великаго Оксуса. Даже опытные хивинцы, занимающіеся постоянно судоходствомъ, проводя каюки вверхъ и внизъ по

рѣкъ, не могутъ услѣдить за непрерывнымъ измѣненіемъ фарватера и часто садятся на мель со своими каюками, сидящими всего одинъ-два фута въ водѣ. Что-же будетъ съ парходомъ, который, двигаясь гораздо быстрѣе каюка, станетъ постоянно наскакивать на мель въ извилистомъ фарватерѣ, мѣняющемся ежедневно? Придется устроить частыя лоцманскія станціи для постоянного наблюденія за фарватеромъ и проводить пароходы лоцманами отъ станціи до станціи.

Во время этой бесѣды мы на шестахъ перебрались черезъ глубокое мѣсто къ низкому берегу острова и каючки стали опять тянуть бичеву, ступая по краю обрыва, отъ котораго волны то и дѣло отрывали большіе куски земли, падавшіе въ воду съ шумомъ и плескомъ.

— Какъ быстро разрушается берегъ!

— Да, этотъ островъ возникъ въ прошломъ году во время половодья, а въ нынѣшнемъ году его размоетъ еще до половодья, а тамъ возникнетъ другой островъ гдѣ-нибудь поблизости. Одинъ разъ мнѣ пришлось ночевать на такомъ разрушавшемся островѣ и, повѣрите-ли, берегъ размывался такъ быстро, что грохотъ и плескъ отъ падавшихъ глыбъ раздавались ежеминутно и по звуку походили на ружейные залпы. Для довершенія картины, мы зажгли огромныя заросли сухо-го камыша, покрывавшія островъ, и цѣлое море пламени разлилось вокругъ насъ, озаряя кровавымъ свѣтомъ широкую рѣку и высокіе холмы праваго берега, бросая багровый отблескъ на темное небо и клубы дыма, поднимившіеся надъ пожарищемъ. Оглушительный трескъ горѣвшаго камыша и свистъ пламени сливались съ грохотомъ разрушавшагося берега и когда клубы дыма порой застилали пламя, мнѣ казалось, что вокругъ меня кипитъ ожесточенная битва.

— Только запахъ пороха не похожъ на запахъ пожараща,—замѣтилъ полковникъ.

Обогнувши островъ, мы увидѣли противоположный берегъ рѣки, на которомъ виднѣлись верблюды, арбы, нѣсколько зеленыхъ палатокъ и пестрая толпа туземцевъ.

— Вотъ и пристань, мы скоро прїедемъ, самыя трудныя мѣста уже пройдены.

Однако это „скоро“ продолжалось еще болѣе получаса, тянувагося особенно долго, такъ какъ въ виду желаннаго берега, хивинцы медленно шли на шестахъ вверхъ по рѣкѣ и только поднявшись нѣсколько выше пристани, повернули каюкъ къ берегу.

— Какой лѣнливый, медлительный народъ всѣ эти азіаты!

— Да, въ Азїи придерживаются правила: „Не торопись—Аллахъ великъ и жизнь долга“. Медленно движется верблюдъ, покачиваясь съ ноги на ногу и азіатъ дремлетъ на его спинѣ; медленно тянется каюкъ по рѣкѣ, медленно совершаются торговые обороты и капиталъ азіатскаго купца оборачивается одинъ разъ въ два года и въ лучшемъ случаѣ разъ въ годъ; всякой торговой сдѣлкѣ предшествуютъ продолжительныя переговоры съ дастраханомъ (угощеніемъ) и чаепитіями. Но въ этомъ виновата знойная природа, положившая печать лѣни на азіата и создавшая безчисленныя препятствія быстрымъ сношеніямъ между людьми.

Наконецъ мы причалили къ берегу и, прежде чѣмъ каюкъ началъ разгружаться, къ намъ подошелъ высокій, статный бухарецъ въ пѣстромъ шелковомъ халатѣ, бѣлой огромной чалмѣ, отгнѣявшей красиво его смуглое лицо съ огненными глазами и густой черной бородой. Онъ оглянулъ привезенный грузъ, насъ, наши вещи и лошадей и сталъ что-то говорить хозяину каюка. Тотъ ожесточенно заспорилъ, то поднимая руки къ небу, то поглаживая ими свою лохматую бороду.

— Это что за птица такая?—спросилъ полковникъ.

— Это „сіакетчи“, т. е. сборщикъ податей; онъ требуетъ съ каючки подать за переправу.

— Развѣ у нихъ теперь время сбора податей?

— У нихъ подать собирается круглый годъ; въ Бухарѣ существуетъ система, подобная нашей древней, практиковавшейся въ старыя времена, когда воеводы получали вотчины для „кормленія“. Каждый чиновникъ сіакетчи получаетъ какой-нибудь округъ, городъ или, напримѣръ, переправу черезъ рѣку въ полное распоряженіе и долженъ представить въ казну эмира извѣстную сумму, собранную съ жителей. На переправѣ трудно предугадать, сколько взять съ каждаго каюка въ годъ, поэтому сіакетчи беретъ съ него за каждую пере-

праву, смотря по количеству груза. При этомъ конечно торгуются, каючки жалуются на плохой заработокъ, призываетъ Аллаха въ свидѣтели, клянется бородой пророка; но вообще около четверти его заработка попадаетъ въ карманъ сборщика, который не ведетъ никакой отчетности, никѣмъ не контролируется и наживается страшно. Поэтому эта должность считается самой выгодной и достается бухарскимъ сановникамъ при сильной протекціи, помощью крупныхъ взятокъ.

Наконецъ сіакетчи и хозяинъ каюка сторговались и послѣдній вынулъ изъ кожанаго мѣшка, спрятаннаго за пазухой, пригоршню „пуль“, т. е. мелкихъ мѣдныхъ бухарскихъ монетъ цѣнностью въ треть копѣйки и сталъ отсчитывать ихъ на ладонь сборщика, причемъ не обошлось безъ вторичнаго торга и брани. Только по окончаніи торга, когда сіакетчи удалился, каючки стали разгружать наши вещи и лошадей.

— Но въѣдъ эта система сбора податей представляетъ грабежъ на законномъ основаніи!—замѣтилъ полковникъ.

— Конечно, чиновникъ грабитъ немилосердно, деретъ съ живого и мертваго; для сіакетчи наиболѣе выгоденъ сборъ съ переправъ, каравановъ и торговыхъ людей, гдѣ не установленъ размѣръ подати; но и при сборахъ съ земледѣльцевъ и пастуховъ, для которыхъ установленъ размѣръ подати съ каждой головы скота и съ каждаго танаба земли ($\frac{1}{4}$ десятины), сіакетчи прибѣгаютъ къ уловкамъ. Напр., они утаиваютъ крупную часть сбора со скота, умаляя при отчетѣ количество головъ. Съ земледѣльца, если хлѣбъ дешевъ, сіакетчи требуетъ подать чистыми деньгами, если же дорогъ—онъ беретъ хлѣбомъ, таксируя его значительно ниже рыночной цѣны. Особенно жадный сіакетчи—а такихъ большинство—беретъ при каждомъ удобномъ случаѣ: купилъ саргъ лошадь или корову на базарѣ—сіакетчи беретъ и съ продавца и съ покупателя; выкопалъ новый арыкъ—опять плати, построилъ новый хлѣвокъ на своемъ дворѣ—плати, и т. д. до безконечности.

— Какъ же народъ терпитъ этотъ грабежъ?

— Бухарцы очень недовольны своимъ правительствомъ, обирающимъ ихъ до рубашки и ждуть-не дождутся покоренія Бухары русскими.

— Неужели? при всемъ своемъ фанатизмѣ?

— Этотъ фанатизмъ не великъ у простого сарта и искусственно раздувается духовенствомъ, которое вмѣстѣ съ чиновниками-грабителями конечно не сочувствуетъ водворенію русской власти: тогда ихъ вліянію настанетъ конецъ. За послѣднія двадцать лѣтъ, а особенно съ воцаренія нынѣшняго эмира, который грабитъ ожесточенно, ненависть къ гяурамъ значительно уменьшилась среди бухарцевъ. Глядя на сартовъ Туркестана, которые живутъ гораздо опезпеченнѣе подъ опекой русской власти, не трогаящей ихъ религиозныхъ убѣжденій, жители благочестивой Бухары начинаютъ возмущаться своими правителями и недовольство растетъ изо дня въ день. Проведеніе желѣзной дороги, вѣроятно, значительно ускоритъ паденіе самостоятельности Бухары.

— Да это независимое существованіе ея утратило теперь всякій смыслъ; недавно еще, когда на лѣвмомъ берегу Аму-Дарьи грабили шайки туркменъ по всей Закаспійской области, самостоятельная Бухара являлась авангардомъ, защищавшимъ Русскій Туркестанъ отъ набѣговъ туркменъ; но теперь, когда она со всѣхъ сторонъ окружена русскими владѣніями, она является государствомъ въ государствѣ.

Въ это время подѣхали двѣ арбы и аробщики стали укладывать наши вещи; хозяинъ арбъ пригласилъ насъ выбрать верховыхъ лошадей; полковникъ выбралъ себѣ вороную лошадь, а я—бѣлую, съ виду довольно плохихъ и исхудалыхъ, но очень выносливыхъ и спокойныхъ, по словамъ хозяина. Ихъ сейчасъ же осѣдали азіатскими сѣдлами съ высокой раздвоенной передней лукой и плоской кожаной подушкой. Наконецъ все было уложено. Полковница усѣлась въ одной арбѣ, обложенная подушками и мягкими вещами, аробщики вскочили на лошадей и усѣлись на корточкахъ на сѣдлѣ, поставивъ ноги на оглобли. Передавши хозяину арбъ половину условленной суммы, мы тронулись въ путь, въ глубь Бухары, конвоируя втроемъ арбу съ полковницей, тогда какъ прислуга инженера ѣхала подлѣ арбы съ вещами.

(До слѣдующаго №).

СВѢТЪ

Изданіе Всеволода Соловьева.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

13 мая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
» съ доставкою въ С.-Петербургѣ . 5 » 50 »
» съ пересылкою во всѣ мѣстности
Россійской Имперіи . . . . . 6 » — »
» за границу. . . . . 8 » — »
Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
во всѣ города—21 коп.
Объявленія принимаются по 30 к. за строчку nonpareil.
За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
(Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 20.

1890.

Рукописи и письма, присылаемые въ контору, должны сопровождаться полной подписью и адресомъ отправителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для редакціи необязательно. Большія литературныя произведенія возвращаются только въ случаѣ полученія конторой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

Сладкій сонъ.

мирились. Онѣ должны разрушиться; я чувствую, что скоро будетъ переломъ.

— И мы пойдемъ вспять, какъ раки?.. Прогрессъ идетъ впередъ.

Онѣ улыбался снисходительно, какъ наставникъ лепету ребенка.

— Я вамъ кажусь смѣшной, пусть! Ваше учение основано на наукѣ, а мое предсказанье ни на чемъ не основано; это внушеніе. Я чувствую, что такъ будетъ, а почему я это чувствую—не знаю. Совершится какое-нибудь чудо. Смѣйтесь надо мной, я жду чуда.

Не мудрено было объяснить мое предчувствіе жаждой религіозной вѣры въ сверхъестественный міръ, но такого объясненія человѣкъ ученый не допускалъ, и роль пророчицы не могла не казаться ему глупой. Его полуснисходительная, полунасмѣшливая улыбка задѣвала меня за живое. Боязнъ насмѣшки сильно дѣйствуетъ на молодость; ей приносятъ иногда въ жертву завытныя чувства.

Прошло нѣсколько времени, я искала книгу въ библиотекѣ и мнѣ попался подъ руку томъ сочиненій Бальзака. Я его открыла и вотъ первыя строки, которыя мнѣ бросились въ глаза: *Ce siecle ne finira pas sans qu'on ne revienne aux sciences occultes.*

Не могу вспомнить безъ улыбки мое тогдашнее торжество; нельзя было и предположить, что мнѣніе гениальнаго знатока человѣческаго сердца подастъ поводъ къ насмѣшкамъ,—и я поспѣшила сообщить его строки моему приятелю естественнику.

Но я ошиблась въ своемъ расчетѣ. Приятель мой пожалъ плечами, и съ той-же ненавистной мнѣ улыбкой замѣтилъ, что самыя великія умы бываютъ поддержаны страннымъ затменіемъ.—«Всего вѣроятнѣе, заключилъ онъ, что Бальзакъ не вѣрилъ этимъ пустякамъ. *C'est une boutade*, какъ говорятъ французы, — послѣдствіе плохо перевареннаго обѣда».

Черезъ годъ послѣ этого разговора, разъ вечеромъ, къ намъ заѣхалъ нашъ докторъ.

— Угадайте,—сказалъ онъ,—чѣмъ я занимался сегодня все утро:—Вертѣлъ столъ.

Посыпались вопросы: «какъ вертѣлъ столъ? Что это значитъ?»

— Новость пришла изъ Америки,—продолжалъ докторъ;—да-съ! столы заговорили, отвѣчаютъ на вопросы. Намъ собралось человѣкъ десять около стола, и всѣ видѣли, какъ онъ запатался отъ легкаго прикосновенія рукъ.

Современники помнятъ, что съ неимоверной быстротой мѣдизмизмъ распространился не только въ Москвѣ, но и по всей Европѣ. Съ тѣхъ поръ, не смотря на вопль матерьялистовъ, на вмѣшательство шарлатановъ, способныхъ все испортить, отвергнутые и осмѣянные вопросы: магнетизмъ, ясновидѣніе обратили на себя вниманіе людей истинно серьезныхъ, получили право гражданства и показали, что въ природѣ человѣка есть что-то такое, чего наша теперешняя наука не объяснить.

ПО БУХАРѢ.

Путевыя очерки.

В. Обручева.

(Продолженіе).

V.

Въ лунную ночь по пескамъ Сундукли.

Минувъвъ побережье рѣки, зеленѣвшее молодыми побѣгами камыша, и довольно широкое, грязное русло, представляющее во время половодья рукавъ Аму-Дарьи, мы вѣхали въ степь, которая заставила насъ вскрикнуть отъ изумленія — она была покрыта бѣлымъ ковромъ свѣжаго снѣга, кристаллы котораго сверкали подъ лучами вечерняго солнца. Разбросанные по степи кустики полыни и чахлыя вербы уже зеленѣли и эта весенняя зелень представляла странный контрастъ съ бѣлымъ зимнимъ покровомъ степи.

Я высказалъ это инженеру, но онъ расхохотался.

— Да вѣдь это соль, а не снѣгъ; послѣдній снѣгъ таетъ здѣсь въ концѣ января и затѣмъ больше не появляется.

— Не можетъ быть! въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огромной прѣсной рѣки такое количество соли?

— Попробуйте, если вамъ не лѣнь слѣзть съ лошади; но это не чистая поваренная соль, а преобладаетъ глауберова и горькая магнезальная.

— Но чѣмъ-же объяснить это явленіе?

— Содержаніемъ соли въ почвѣ береговъ Аму-Дарьи; во время дождей—зимой и весной—вода, всасывающаяся въ почву, растворяетъ соли, а при испареніи на поверхности почвы оставляетъ эти соли въ видѣ корочки; когда эта корочка совершенно высохнетъ, вѣтеръ уничтожитъ ее—разнесетъ по воздуху—и только тогда на этой степи появится травка.

— И это по всей долинѣ Аму-Дарьи?

— Нѣтъ, только на степяхъ и пустыряхъ; тамъ, гдѣ человѣкъ разрыхляетъ почву и засѣваетъ ее заблаговременно, эта корка не появляется.

За этой соленой степью начались поля и подворья кишлака Фарабъ; среди полей нерѣдко возвышались изящныя сѣрыя барханчики, которые прикочевали сюда съ береговъ Аму-Дарьи и причиняли земледѣльцамъ не мало хлопотъ, засыпая посѣвы при своемъ передвиженіи. Многочисленные арыки пересѣкали нашу дорогу и, передъ каждымъ изъ животрепещущихъ земляныхъ мостиковъ, полковница со страхомъ

хваталась за дуги, поддерживавшія камышевую покрывку арбы, опасаясь, что ея экипажъ продавить мостъ и провалится въ арыкъ. Мы также сначала не безъ волненія смотрѣли, какъ вѣзжала широкая колесница на узкой мостъ, колебавшійся подъ колесами и находившійся всегда выше уровня дороги, такъ что приходилось вѣзжать съ разбѣгу, рысью; мы боялись, что арбакешъ не направитъ какъ слѣдуетъ, арба попадетъ на мостъ только однимъ колесомъ и совершитъ сальтомортале, не очень пріятное для пассажировъ.

Наконецъ, это испытаніе кончилось, такъ какъ мы вѣхали кишлакъ; передъ нами разстилалась песчаная степь—предвѣстникъ близкихъ песковъ, на которой кое-гдѣ возвышались небольшіе барханчики, а въ котловинахъ сверкала корка соли подъ лучами заходящаго солнца. На горизонтѣ, озаренная пурпуромъ заката, стояла зубчатая стѣна высокыхъ песковъ; кое-гдѣ виднѣлись заброшенныя подворья, полусасыпанныя пескомъ. Близъ одного такого жилища мы увидѣли на пескѣ какую-то огромную черноватую массу, вокругъ которой сустились два оборванные сарга. Когда мы вѣхали ближе, оказалось, что это лежалъ большой верблюды съ перерѣзаннымъ горломъ, изъ котораго струилась кровь, быстро поглощаемая пескомъ.

— Что они дѣлаютъ, варвары?—воскликнулъ полковникъ. Переводчикъ инженера подѣхалъ къ сартамъ и долго бесѣдовалъ съ ними; они хохотали, покачивая головами и восклицая „якши, якши!“

— Они зарѣзали верблюда,—сообщилъ переводчикъ, догнавши насъ,—потому что онъ сломалъ себѣ ногу и началъ хворать; теперь они хотятъ снять съ него шкуру, а мясо будтъ ѣсть и продавать своимъ односельцамъ.

— Какъ, ѣсть жесткое, вонючее мясо верблюда?

— Я говорилъ имъ это, но они захохотали, увѣряя, что мясо хорошее (чошь якши) и предлагали мнѣ купить запасъ на дорогу.

— Народецъ!—сказалъ полковникъ.

Солнце сѣло и послѣдній лучъ его, скользя по зеленѣющей долинѣ Аму-Дарьи, казалось, принесъ намъ прощаль-

ный привѣтъ ея, передъ нашимъ вступленіемъ въ пустыню Сундукли; вокругъ насъ начались уже сплошные пески и барханы вздымались все выше и выше; послѣдніе кустики полыни и пучки желтой прошлогодней травы „селинг“ остались уже позади насъ.

Караванная дорога, по которой мы ѣхали, извивалась среди бархановъ, огибая ихъ, переходя во встрѣчавшіяся котловины съ твердымъ глинистымъ дномъ, гдѣ животнымъ было легче идти; мѣстами на желтомъ фонѣ песка бѣлѣли отдѣльныя кости животныхъ, погибшихъ въ пути; изрѣдка попадался цѣлый скелетъ верблюда, лошади или ишака, обтянутый высохшей кожей, съ ключьями мяса на обнаженныхъ ребрахъ.

— Однако, тутъ довольно много этихъ ужасныхъ указателей дороги по пескамъ!—замѣтилъ полковникъ.

Обогнувши огромный барханъ, мы увидѣли въ глубокой котловинѣ, напоминавшей воронку, караванъ, расположившійся на ночлегъ; кипы хлопка, снятыя съ верблюдовъ, лежали на пескѣ; нѣсколько сартовъ, усѣвшись въ кружокъ, варили чай въ двухъ высокихъ мѣдныхъ чайникахъ, похожихъ на узко-горлые кувшины, питая огонекъ сухой прошлогодней травой и пометомъ, собраннымъ съ большимъ трудомъ на барханахъ. Развѣоченные верблюды также улеглись въ кружокъ, головами къ общей кучѣ самана (рубленой соломы), которую они пожирали съ видимымъ удовольствіемъ; стреноженные ишаки разбрелись по бархану, отыскивая себѣ стебельки сухой травы и подбирая соломенки, разбрасываемыя верблюдами.

— Отчего-же они не доѣдутъ до кишлака?—спросилъ я,—вѣдь осталось всего версты три-четыре; здѣсь ночлегъ не слишкомъ удобенъ.

— Они ѣдутъ съ хлопкомъ къ переправѣ и не поспѣютъ засвѣтло, а ночью каюки не ходятъ, ночевать-же въ пескахъ дешевле, чѣмъ въ кишлакѣ, гдѣ нужно платить за ночлегъ, фуражъ и огонь, а здѣсь все это даромъ.

Вскорѣ совершенно стемнѣло и мы предоставили арбакешу ѣхать впереди и придерживать дороги, которую трудно было различить; движеніе замедлилось, такъ какъ песокъ сталъ совершенно сыпучимъ, лошади вязли и съ трудомъ вытаскивали ноги. Огибая барханъ, арба сильно покачивалась, то въ ту, то въ другую сторону и полковница слабо вскрикивала; мы успокаивали ее, говоря, что здѣсь нельзя ушибиться, если арба перевернется: упадешь словно на перину. Наконецъ, на востокѣ, изъ-за цѣпи бархановъ, величаво всплыла луна въ видѣ багроваго круга; длинныя черныя тѣни, отбрасываемыя барханами, начали выдѣляться на желтомъ фонѣ пустыни; дорога стала опять замѣтной и лошади прибавили шагъ; становилось чувствительно холодно и мы начали жалѣть, что уложили теплую одежду въ арбу, понадѣявшись на южную ночь; полковникъ ворчалъ.

— Скоро-ли будетъ жилье, г. караванбаши (вожакъ, голова каравана)?—обратился онъ къ инженеру; — мнѣ помнится, вы обѣщали, что къ ночи мы будемъ въ караванъ-сараѣ.

— Къ ночи будемъ, т. е. къ десяти-одиннадцати часамъ, а теперь всего только семь и осталось больше полупути.

— Въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать антрактъ и достать теплыя одежды,—сказалъ я;—иначе мы перемерзнемъ до ночи, дѣло видно дойдетъ до мороза.

Мы остановили арбы, облачилились и съ новыми силами двинулись впередъ; безмолвіе пустыни, окружавшей насъ, нарушалось только поскрипываньемъ арбы и тяжелымъ пыхтѣньемъ лошадей.

Но вотъ издалека донесся къ намъ какой-то гулъ, глухой звонъ и дикіе крики; мы остановили лошадей и стали прислушиваться не безъ страха.

— Это караванъ идетъ!—замѣтилъ инженеръ, успокоивая насъ.

Дѣйствительно, скоро мы начали различать надтреснутый звонъ колокольцовъ и нестройные крики; инженеръ послалъ своего переводчика впередъ, чтобы предупредить караванъ и заставить его свернуть съ дороги.

— Иначе произойдетъ столкновение,—сказалъ онъ; — верблюды могутъ задѣть своими тюками за арбу, перевернуть ее, перепугаться и надѣлать переполохъ.

— Зачѣмъ-же эти вожаки кричатъ такъ громко, — спросилъ я.

— Они поютъ стихи изъ корана, чтобы не заснуть во время утомительнаго, однообразнаго ночного путешествія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать кое-что для спасенія души.

Какъ-бы въ отвѣтъ на доносившіеся звуки, чтобы показать землякамъ всю свою ревность по отношенію къ религіи пророка, нашъ арбакешъ такъ-же затянулъ пѣсню; онъ издавалъ то монотонные звуки, подобные стуку барабана, то громко вскрикивалъ „Аллагу акбаръ!“ (великъ Аллахъ), то испускалъ какое-то завыванье, словно сибирскій шаманъ.

Наконецъ изъ-за бархановъ показался караванъ, сворачивавшій въ котловину, чтобы пропустить насъ. Впереди всѣхъ на ишакѣ ѣхалъ съдобородый сартъ, который держалъ веревку, прикрѣпленную къ гвоздю, въ ноздряхъ перваго верблюда, украшеннаго шерстяными желто-красными лентами съ гигантскими шишками и кистями; на его толстой, длинногривой шеѣ болтался огромный колоколъ изъ листового желѣза, издававшій надтреснутый, глухой звонъ; нѣсколько маленькихъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ кистямъ недоуздки, подзванивали большому колоколу серебристымъ звономъ. Вслѣдъ за передовымъ верблюдомъ тянулась цѣлая вереница ихъ, прикрѣпленныхъ другъ-къ-другу помощью веревочекъ, свитыхъ изъ шерсти, такимъ образомъ, что веревки каждаго верблюда привязывались къ сѣдлу шедшаго впереди. Верблюды тяжело ступали, разбрасывая рыхлый песокъ и покачивая тюки; сарты на осликахъ ѣхали по сторонамъ вереницы и подгоняли животныхъ, иные пресмѣшно спали, склоняясь всѣмъ туловищемъ на шею ишака и положивъ голову между его ушей. При видѣ насъ, крикуны, прославлявшіе Аллаха, примолкли и съ любопытствомъ оглядывали нашъ караванъ.

— Караванъ-сарай яхиндери? (близко?)—крикнулъ имъ инженеръ.

— Узакме, узакме! (далеко!)—отвѣчали они.

Скоро послѣдніе звуки колокольцовъ и пѣсни вожаковъ затихли за холмами и снова безмолвная, холодная ночь начала нагнать на насъ скуку и дремоту. Высоко подымающаяся луна заливала своимъ блѣднымъ свѣтомъ голые барханы; нѣсколько звѣздъ гускло мерцали со свѣтлой выси; томительно тянулось время и разговоры давно прекратились; каждый ѣхалъ предавшись своимъ думамъ, уткнувши носъ въ воротникъ пальто и поджимая къ сѣдлу озябшія ноги.

Наконецъ, съ поворота дороги, мы увидали передъ собой огромную бѣло-снѣжную равнину, искрившуюся подъ лучами мѣсяца миллионами огоньковъ; пронзительный холодъ ночи вполне гармонировалъ съ сверкавшей пеленой и я увѣрялъ себя, что мы путешествуемъ по пустыннымъ, безбрежнымъ равнинамъ Сибири.

— Видно конецъ пескамъ,—замѣтилъ полковникъ, очнувшійся изъ какого-то забытья, при стукѣ копытъ по твердой почвѣ.

— Еще нѣтъ; это только сухое ложе соленого озера среди песковъ.

Мы соскочили съ коней, пользуясь твердой и ровной дорогой чтобы возобновить кровообращеніе въ окоченѣвшихъ ногахъ; кристаллы соли поскрипывали подъ нашими ногами, словно снѣжинки; на горизонтѣ чернѣлись барханы, окаймлявшіе равнину, словно цѣпь безмолвныхъ часовыхъ; повстрѣчался еще одинъ караванъ и караванбаши привѣтствовали насъ утѣшеніемъ, что ночлегъ недалеко.

Скоро нашъ отдыхъ кончился и опять пошли пески; лошади сильно устали и еле двигали ноги; арбакеши дремали на сѣдлахъ; полковница сладко похрапывала въ арбѣ, нагоняя сонъ и на насъ. Наконецъ на горизонтѣ, среди значительно понизившихся бархановъ появилось какое-то черное пятно; копыта коней часто встрѣчали твердую, глинистую почву; мы всѣ ожили и поѣхали скорѣе; слѣва тянулася какая-то черная масса, словно роца.

— Это заросли, окаймляющія сухое русло Зеравшана, которое здѣсь теряется въ пескахъ, — замѣтилъ инженеръ на мой вопросъ.

Отдаленный лай сабакъ донесся до насъ и снова замолкъ; мы миновали небольшой бугоръ, утыканный высокими палками, на которыхъ болталось какое-то тряпье.

— Это могила какого-то святаго,—сказалъ переводчикъ;—у всѣхъ мусульманъ Средней Азии на могилахъ ставятъ шесть съ остатками одежды покойника.

Мы подѣхали къ глиняной стѣнѣ караванъ-сарая, расположеннаго среди небольшихъ бархановъ; на горизонтѣ чернѣлась полоса деревьевъ кишлака Ходжа-Давлетъ. На нашъ усиленный стукъ въ деревянные ворота, внутри двора слышался голосъ, спрашивавшій, чего намъ нужно и кто мы?

Послѣ долгихъ переговоровъ, вызванныхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что хозяинъ не рѣшался впустить невѣрныхъ въ свое жилье, ворота отворились и сартъ, въ накинутомъ халатѣ и пестрой тубетейкѣ (ермолкѣ), впустилъ нашъ караванъ во дворъ, взявши съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы за ночлегъ заплатимъ и ничѣмъ не осквернимъ его жилище. Прозябшіе, голодные и усталые, мы готовы были произнести какія угодно клятвы, лишь бы насъ впустили на ночлегъ.

Засвѣтивши сальную свѣчу, хозяинъ ввелъ насъ въ мрачную келью сакли, причемъ пришлось изогнуться въ три погубели, чтобы пролѣзть въ низкую и узкую дверь, закрывавшуюся очень неплотно двумя створками вродѣ ставенъ, покрытыми рѣзными украшениями; вся мебелировка кельи состояла изъ камышевыхъ цыновокъ и толстаго войлока покрывавшихъ глиняный полъ; окна не было; въ нѣсколькихъ нишахъ стѣны блестѣла какая-то посуда.

Приклеивши свѣчу въ небольшой, сильно закопченной нишѣ, хозяинъ пригласилъ насъ жестомъ садиться и самъ сѣлъ первымъ у дверей, поджавши ноги подъ себя; онъ разглядывалъ насъ съ большимъ любопытствомъ и, замѣтивъ смущеніе полковника и его жены, искавшихъ глазами какого-либо сидѣнья, сталъ лукаво улыбаться.

Инженеръ сказалъ ему нѣсколько словъ и онъ принесъ охапку сухихъ вѣтвей, которую сложилъ въ углу, въ небольшое углубленіе пола и сталъ зажигать на свѣчѣ пучокъ тонкихъ хворостинокъ.

— Неужели онъ думаетъ разводить огонь прямо на полу, — воскликнула полковница; — вѣдь мы задохнемся здѣсь отъ дыма.

— Нисколько; въ крышѣ есть отверстіе и дымъ насъ не будетъ беспокоить; нужно вѣдь отогрѣться и сварить ужинъ!

Пока втаскивали наши вещи, запылалъ веселый огонекъ, разливая въ насъ пріятное ощущеніе тепла и отдыха; мнѣ казалось, что продолжительное путешествіе, верхомъ на жесткомъ азиатскомъ сѣдлѣ, по песчаной пустынѣ въ эту холодную лунную ночь—не болѣе какъ мучительный сонъ, отъ котораго я только что освободился. Протянувъ ноги къ огню, я оперся спиной о стѣну и, прищуривъ глаза, слѣдилъ машинально за игрой пламени и полѣтомъ искръ, предаваясь всѣми чувствами наслажденію отъ... Понемногу глаза начали смыкаться и я погрузился въ сладкій сонъ.

— Ужинать, ужинать! господа путешественники, ужинъ готовъ!

Я раскрылъ глаза и изумленно оглянулся, перенесенный изъ міра сладкихъ грѣзъ въ довольно грустную дѣйствитель-

ность. На двухъ сдвинутыхъ чемоданахъ была разложена большая салфетка и стеариновая свѣча въ дорожномъ подсвѣчникѣ освѣщала этотъ импровизированный столъ, на которомъ дымилась кострюля съ супомъ; кучка небольшихъ чурековъ, т. е. туземнаго пшеничнаго хлѣба въ видѣ круглыхъ лепешекъ, возвышалась на углу стола; три металлическихкія тарелки, двѣ такія же кружки, стаканъ, дорожные разнокалиберные ножи и вилки дополняли сервировку.

Горячій ароматъ супа напомнилъ мнѣ, что я голоденъ, какъ волкъ; мы усѣлись, вѣрнѣе возлегли, подобно спартанцамъ, вокругъ стола и отдали честь кулинарному искусству инженерскаго повара, который изготовилъ намъ нѣчто въ родѣ рисоваго супа съ лукомъ. Со двора доносилось отчаянное зловоніе горѣлага сала, отравляющее воздухъ всѣхъ восточныхъ городовъ: это жарился шашлыкъ изъ баранины, нанизанной на ивовые прутья.

— Подавай дальне, Артемъ!

Появился шашлыкъ; иные куски подгорѣли, другіе были посыпаны золой и пескомъ, но мы не обратили вниманія на эти пустяки и уписывали шашлыкъ съ аппетитомъ, запивая его краснымъ кахетинскимъ виномъ изъ небольшого бурдюка, которымъ мы запаслись на станціи.

Покончивши обѣдъ, мы закурили; голубоватый дымокъ потянулся къ дверямъ, откуда проникалъ уже ночной холодъ, борющийся съ тепломъ, издаваемымъ кучей углей, оставшейся отъ костра. Полковникъ устраивалъ себя и женѣ постель въ самомъ дальнемъ углу, загораживая ее чемоданами, чтобы ночью токъ холоднаго воздуха не обдавалъ непосредственно его спину.

Я вышелъ на дворъ посмотреть какъ устроились наши люди. Прямо надъ головой, въ поднебесной выси, плыла полная, свѣтлая луна, окруженная морознымъ сіяніемъ; огромное волнистое поле кудрявыхъ облаковъ покрывало южную часть горизонта; на сѣверѣ тускло мерцали созвѣздія, которыя у насъ стоятъ высоко въ зенитѣ; большой дворъ былъ залитъ молочно-бѣлымъ свѣтомъ и навѣсы для лошадей бросали рѣзкую черную тѣнь; отсюда доносилось равномерное, спокойное жеваніе.

Арбакеши улеглись среди двора, рядкомъ, укрывшись своими халатами съ головы до ногъ; поваръ и конюхъ хлопотали вокругъ одной арбы, избранной ими мѣстомъ ночлега.

Я вернулся въ нашу берлогу, откуда доносилось уже сонливое полковника, улеса поближе къ угасавшему огню и заснулъ глубокимъ сномъ.

(До слѣдующаго №).

ИНТЕРЕСНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ МІРѢ РАСТЕНІЙ.

(Очеркъ).

Въ № 12 „Сѣвера“ мы уже останавливались на одномъ интересномъ явленіи въ мірѣ растеній, — именно на ихъ плотоядности. Но среди растительнаго царства можно найти еще и другія, не менѣе интересныя явленія. О нихъ-то мы и поговоримъ въ настоящемъ очеркѣ*).

Существуетъ довольно много растеній, чрезвычайно воспримчивыхъ къ раздраженію и полувившихъ поэтому названіе „чувствительныхъ“. Растеніе, къ которому болѣе всего подходитъ такое названіе,—это стыдливая мимоза—*Mimosa pudica*. Рис. № 1. На концѣ длиннаго черешка листьевъ этого растенія вырастаютъ сперва два, а затѣмъ еще два перышка, состоящихъ изъ двѣнадцати паръ листочковъ; перышки находятся между собой почти подъ прямымъ угломъ. Если слегка дотронуться до листа этой мимозы или даже только дохнуть на него, то листочки быстро складываются своими верхними сторонами и перышки изъ перпендикулярныхъ дѣлаются горизонтальными. Нѣкоторое время листья находятся въ такомъ положеніи, затѣмъ они снова выпрямляются. Если повторять этотъ опытъ нѣсколько разъ, то складыванье листьевъ происходитъ медленно. Такое точно явленіе вызывается и сильнымъ солнечнымъ свѣтомъ.

*) При составленіи этого очерка главнѣйшимъ матеріаломъ послужило сочиненіе М. К. Кука «Замѣчательныя явленія растительной жизни». Переводъ его съ англійскаго сдѣланъ П. Е. Волкенштейномъ.

Еще интереснѣе другое растеніе, для возбужденія чувствительности котораго не нужно даже прикосновенія. Это растеніе, цвѣтущее въ Бенгалѣ, называется пѣтушечникомъ (*Desmodium gyrans*). Его листья движутся вверхъ и внизъ безъ всякаго прикосновенія цѣлый день; когда одинъ листокъ поднимается, то противоположный ему опускается. Эти движенія продолжаютъ еще около сутокъ на срѣзанномъ и поставленномъ въ воду листѣ.

Большой чувствительностью отличается также индѣйская камруна (*Averrhoa carambola*), принадлежащая къ одному семейству съ нашей лѣсной кисличкой. Листья ея состоятъ изъ очередующихся листиковъ, которые отъ малѣйшаго прикосновенія опускаются такъ низко, что противоположные листики касаются ихъ своими нижними сторонами. Если дотронуться до одного листика, то опустится онъ одинъ, если же дотронуться до вѣтки, то опустятся всѣ листочки. Лучи солнца вызываютъ въ нихъ движеніе только тогда, когда они направлены на черешокъ. Послѣ захода солнца листья сами опускаются. Вечеромъ складываются также листья и у обыкновенной кислички.

Сильное вліяніе на чувствительныя растенія имѣютъ извѣстная температура и здоровое состояніе растенія. Описанныя нами *Mimosa pudica* и *Desmodium gyrans* бываютъ болѣе чувствительны при высокой температурѣ. Очень замѣчательно то, пока еще необъяснимое, явленіе, что *Mimosa* сильнѣе раздражается отъ прикосновенія здороваго человѣка, чѣмъ больного.

ВѢСТНИКЪ

Изданіе Всеволода Голубева.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

20 мая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
 » съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
 » съ пересылкою во все мѣстности
 Россійской Имперіи. 6 » — »
 » за границу. 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во все города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку непареля.
 За перемену адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 21.

1890.

Рукописи и письма, присылаемые въ контору, долж-
 ны сопровождаться полной подписью и адресомъ отпра-
 вителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для
 редакціи необязательно. Большія литературныя произ-
 веденія возвращаются только въ случаѣ полученія кон-
 торой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ
 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по по-
 недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

1790—1796 г. 1796—1802 г. 1802—1805 г. 1811—1812 г. 1831—1845 г. 1865—1872 г. 1882—1890 г.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка.—Парадная форма полка.

ПО БУХАРЪ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

VI.

(Продолжение).

На родинѣ каракулевыхъ барашковъ.

ронзительный холодъ разбудилъ меня на слѣдующее утро; солнце уже взошло и лучи его, проникая черезъ щели дверей, пронизывали темень нашей берлоги золотистыми полосами. Полковникъ всталъ и, стуча зубами, занялся разведеніемъ костра, но руки его, дрожавшія отъ холода, переломали не одну спичку, пока запылалъ огонь; мы всѣ вскочили и столпились вокругъ живительнаго источника, отогрѣвая руки и бока, застывшіе отъ ночного холода и жесткаго ложа. Поваръ принесъ два чайника съ водой и поставилъ ихъ на огонь; пока вода закипала и чай настаивался, мы занялись уборкой вещей и туалетомъ, при помощи ледяной воды на морозномъ воздухѣ двора. Конюхъ и арбакеши повели лошадей на водопой, къ колодцу, расположенному за оградой двора.

Напившись горячаго чая съ виномъ и свѣжеиспеченными чуреками, мы призвали хозяина для расплаты; онъ спросилъ съ насъ двѣ „тенге“ (бухарская серебряная монета въ 25 коп.) за ночлегъ всего каравана и три тенге за дрова, мясо и хлѣбъ; кромѣ того, инженеру пришлось заплатить шесть тенге за прокормъ трехъ его лошадей, такъ какъ сѣно и ячмень (который замѣняетъ въ Средней Азійи овесъ) стоятъ очень дорого въ этой мѣстности, гдѣ поля засыпаются пескомъ и урожай плохой, такъ что большая часть фуража доставляется изъ Каракуля и окрестностей Бухары.

Наконецъ все было готово и мы тронулись въ путь пожавши руку хозяина, которую онъ, подобно всѣмъ азіатамъ, совалъ не сгибая ладони, въ видѣ дощечки, поглаживая борду другой рукой.

Понадѣявшись на южное солнце, свѣтившее такъ ярко и привѣтливо на безоблачномъ небѣ, я уложилъ теплое пальто вмѣстѣ съ одѣяломъ и выѣхалъ въ одномъ пиджакѣ; но только что мы выѣхали за ворота, какъ рѣзкій, холодный вѣтеръ охватилъ меня, пронизывая до костей; онъ поднималъ тучи мельчайшей глинистой пыли, взбиваемой колесами и копытами лошадей, такъ что нашъ караванъ ѣхалъ въ облакахъ сѣраго тумана.

Мѣстность, окружающая караванъ-сарай, оказалась очень безотрадной; только кое гдѣ видѣлись подворья и группы чахлахъ, полусохшихъ деревьевъ, а вокругъ нихъ, до самаго горизонта — глинистая голая степь, покрытая рядами сѣрыхъ изящныхъ барханчиковъ, которые дымилась подъ напоромъ вѣтра. Кое-гдѣ почва степи носила слѣды бывшей культуры: видѣлись низкія глиняныя ограды, окружающія обыкновенно поля, и слѣды небольшихъ арыковъ; видно было, что здѣсь когда-то разстигались зеленѣющія поля, а засыпанные остатки глиняныхъ стѣнъ жилищъ указывали на многочисленное населеніе, которое упорно боролось съ наступавшей со всѣхъ сторонъ пустыней, засыпавшей бесплоднымъ пескомъ дома и богатныя нивы, но не выдержало борьбы и покинуло свои пепелища, предоставивъ ихъ разрушенію.

Близъ одного обширнаго подворья съ высокими зубчатыми стѣнами, расположеннаго недалеко отъ дороги, видна была пестрая толпа туземцевъ. Подѣхавши ближе, мы разсмотрѣли, что нѣсколько десятковъ сартовъ разнаго возраста въ синихъ и красныхъ халатахъ, синихъ и бѣлыхъ чалмахъ, сидятъ чинно вдоль стѣны или кружками поодаль отъ нея, бормоча что-то и разглядывая ладони рукъ, раскрытыя подобно книгѣ. Цѣлый табунъ разномастныхъ лошадей и ишаковъ былъ привязанъ къ колышкамъ и деревьямъ.

— Что это? базаръ или религиозное засѣданіе? — спросилъ я.

На мой вопросъ отвѣтилъ протяжный, нечеловѣческій вопль, раздавшійся изъ-за ограды, за которымъ послѣдовалъ цѣлый ужасающій концертъ ревушихъ и воющихъ женскихъ голосовъ; при этихъ звукахъ мужчины забормотали быстрой, закачали головами, то поднимая руки къ небу, то поглаживая ими свои бороды.

— Это умеръ глава семьи, домохозяинъ, — объяснилъ переводчикъ, спросившій арбакеша, — его оплакиваютъ оставшіяся вдовы и дѣти, сосѣдки и наемныя плакальщицы, окружающія его трупъ, тогда какъ сосѣди и знакомые собира-

ются вокругъ ограды и молятся за него въ теченіи одного часа; члены семьи въ теченіи года плачутъ ежедневно по четверть часа въ часъ кончины умершаго.

Оригинальная панихида кончилась. Сарты встали, провели въ послѣдній разъ руками по бородамъ и разбрелись молчаливо къ своимъ лошадямъ и ишакамъ; пріѣхавшіе съ женами, поджидали ихъ у воротъ, не входя во дворъ. Вскорѣ пестрая толпа всадниковъ, изъ которыхъ многіе имѣли своихъ женъ позади себя на крупѣ лошади или ишака, начала обгонять нашъ караванъ. При видѣ невѣрныхъ, сартянки поспѣшно спускали на лицо покрывало изъ черной волосяной ткани, пришитое къ халату, который онѣ надѣваютъ на голову. Эготъ оригинальный халатъ, играющій роль тальмы, имѣетъ длинныя рукава, достигающіе пятъ, которые никогда не надѣваются на руки, а, постепенно сжываясь, оканчиваются тесемками. Цвѣтъ халата синій или зеленый; закутанная въ него сартянка, съ чернымъ пятномъ вмѣсто лица, имѣетъ очень неизящный видъ; видны только ноги ея, обутыя въ высокіе и мягкіе козловые сапоги безъ каблучковъ, поверхъ которыхъ надѣваются туфли изъ толстой зеленой кожи въ родѣ шагреновой.

Сарты надѣваютъ одинъ или нѣсколько халатовъ, смотря по зажиточности или времени года; нижняя одежда ихъ состоитъ изъ рубахи и широкихъ шароваръ изъ бѣлой бумажной ткани, домашняго издѣлія и рѣже изъ русскаго ярко-цвѣтнаго ситца. Поверхъ этого бѣдняки надѣваютъ одинъ, зимою два ватныхъ халата, обыкновенно синяго цвѣта или кирпично-краснаго; подкладка халата состоитъ изъ бумажной рѣдины, а верхъ изъ полушерстяной ткани туземнаго издѣлія; за послѣднее время туземныя ткани все болѣе вытѣсняются дешевыми и яркими русскими ситцами. Халатъ подпоясывается узкимъ и длиннымъ кускомъ той-же ткани, обмотаннымъ нѣсколько разъ вокругъ талии; на головѣ сарта тюбетейка, вязанная изъ шерсти или сшитая изъ ситцевыхъ лоскутьевъ и затѣмъ чалма изъ синей рѣдины туземнаго издѣлія.

Болѣе зажиточные надѣваютъ поверхъ нижней одежды одинъ или два халата, легкихъ, на подкладкѣ изъ англійскаго ситца нѣжныхъ цвѣтовъ, съ верхомъ изъ русскаго ярко-цвѣтнаго ситца. Затѣмъ зимою надѣвается ватный халатъ и поверхъ него шелковый, а лѣтомъ только шелковый на подкладкѣ изъ англійскаго ситца или болѣе дешеваго шелка. Шелкъ туземнаго издѣлія и отличается крупнымъ фантастическимъ узоромъ и сочетаніемъ необыкновенно яркихъ цвѣтовъ — краснаго, фіолетоваго, синяго, зеленого и желтаго; халатъ подпоясывается также длиннымъ кускомъ шелковой или ситцевой ткани. На головѣ зажиточнаго сарта тюбетейка изъ шелковыхъ лоскутьевъ, расшитая шелками или изъ парчи и огромная бѣлая чалма изъ англійской кисеи.

Дома сартъ надѣваетъ кожаныя туфли, коричневыя или черныя, на босую ногу; въ дальнюю дорогу надѣваютъ пестрые шерстяные носки и толстыя, неуклюжіе сапоги желтой кожи на бараньемъ мѣху, съ крошечнымъ, остроконечнымъ каблучкомъ, окованнымъ желѣзомъ; носокъ сапога оканчивается загнутымъ кверху кусочкомъ кожи.

Пока мы разглядывали пеструю толпу всадниковъ въ яркихъ костюмахъ и чучелообразныхъ амазонокъ съ закрытыми лицами, державшихся за халаты своихъ кавалеровъ, на горизонтѣ показалась зеленая полоса деревьевъ, отдѣльныя подворья участились, попадались уже зеленѣвшія поля, уцѣлѣвшія среди опустошенія и нашествія песковъ, ряды деревьевъ, окаймлявшіе арыки.

Наконецъ мы въѣхали въ узкую улицу кишлака Илять-Базаръ, извивающуюся между двумя глиняными стѣнами, разбитыми большими и малыми трещинами на отдѣльные куски. Мѣстами высокій бурханъ, громоздившійся у одной стѣны, загораживалъ половину улицы. У противоположнаго конца кишлака находились два-три караванъ-сарая; на глиняныхъ площадкахъ подъ навѣсами изъ цыновокъ, смазанныхъ глиной, на кривыхъ столбахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ воротъ съ наружной стороны подворья, дымилась большіе русскіе самовары и сарты купцы сидѣли на корточ-

кахъ среди своихъ товаровъ, состоявшихъ изъ миндаля, фи-сташекъ, кишмиша, халвы, сушеныхъ абрикосовъ и персиковъ, разложенныхъ грудями на деревянныхъ плоскихъ чашахъ или мѣдныхъ блюдахъ. Одноглазый сартъ продавалъ теплые чурки въ круглой плоской корзинѣ, покрытой грязной тряпкой.

Нѣкоторые изъ всадниковъ, прѣзжавшихъ съ панихиды, въѣзжали во дворъ караванъ-сарая, гдѣ оставляли лошадей и располагались на площадкахъ, группами по три-четыре человѣка. Имъ подавали чайники съ завареннымъ зеленымъ чаемъ (гѣкъ чай), различные сорта котораго, цѣной отъ 2-хъ до 8-ми тенге за фунтъ, исключительно употребляются во всей Средней Азій; чай этотъ даетъ свѣтло-желтый настой, болѣе горькій и менѣе ароматный чѣмъ черный чай; его пьютъ изъ круглыхъ большихъ чашекъ, подобныхъ нашимъ полоскательнымъ.

Къ нашему изумленію арбы вдругъ повернули къ одному караванъ-сарая и остановились у воротъ.

— Что за привалъ такой?—возмутился полковникъ;—чаю попить захотѣлось имъ что-ли? спросила у нихъ, Артемъ, зачѣмъ они остановились?

Оказалось, что арбакиши отпрягли изъ каждой арбы лишнюю лошадь, запряженную наканунѣ, чтобы перебраться черезъ пески, и привязали ихъ за арбами, чтобы смѣнять ими лошадей въ оглобляхъ арбъ раза два въ день.

Во время этой остановки вокругъ насъ собралась порядочная толпа сартовъ, которые разсматривали съ любопытствомъ наши костюмы и лица, въ особенности полковницу, и передавали другъ другу свои впечатлѣнія, то съ изумленіемъ, то со взрывами смѣха. Полковникъ разсердился и захотѣлъ разогнать ихъ, но въ это время арбакиши тронулись въ путь, поглядывая съ сожалѣніемъ на кипящие самовары, такъ какъ на ихъ просьбу остановиться немного для чаепитія мы отвѣтили категорическимъ отказомъ.

Потянулись опять обработанныя поля, покрытыя бархатистой зеленою молодого хлѣба; тутовыя деревья и ивы зеленѣли распускаясь листьями.

На поляхъ кипѣла работа. Сарты, иные облаченные въ шаровары и рубахи, иные обнаженные до пояса, стояли въ глубокихъ арыкахъ и небольшими заступами съ длинной ручкой копали со дна арыка и выкидывали на берега песокъ и иль, нанесенные водою въ теченіи прошлаго года и засорившіе арыкъ. Дорога наша съ обѣихъ сторонъ была окаймлена арыками и, выбрасываемые невидимой рукой изъ за насыпи, комья земли нерѣдко попадали подъ ноги нашихъ лошадей и ударялись въ колеса арбъ; лошади пугались и въ концѣ концовъ пришлось откомандировать переводчика впередъ, чтобы онъ заблаговременно, крикомъ: „явашъ“ (тише, осторожно) прекращалъ эту бомбардировку на время нашего проѣзда.

На зеленѣвшихъ поляхъ также виднѣлись сарты, которые удобряли почву слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: одни накладывали иль, выбрасываемый изъ арыковъ, богатый солями и органическими остатками, въ двѣ большія корзины, привѣшенные по обѣимъ сторонамъ сѣдла верблюда, и перевозили на поля, гдѣ сыпали его кучами; другіе лопатами разгребали эти кучки по всему полю толстыми слоемъ, распредѣляя иль между стебельками молодого хлѣба. Тамъ, гдѣ удобрения, выброшеннаго изъ арыковъ, не хватало на все поле, раскапывали какой-нибудь холмикъ, или, безъ всякой церемоніи, срывали часть большой дороги; вмѣсто верблюда на многихъ поляхъ работали арбы, причемъ ихъ тяжелыя колеса немилосердно мяли молодые всходы.

Мѣстами намъ попадались мальчишки, которые сгребали мельчайшую глинистую пыль съ большой дороги и складывали ее въ особую двукрылую корзину, перекинутую черезъ сѣдло ишака; оказалось, что эта дорожная пыль, содержащая много навоза, также перевозится на поля для удобрения. Благодаря этому сгребанію пыли, дороги среди бухарскихъ полей представляютъ обыкновенно нѣчто въ родѣ траншеи, окаймленной валами до трехъ аршинъ высотой.

Вскорѣ начались сакли окрестностей города Кара-Куль; весь оазисъ, по которому мы ѣхали съ утра, недавно еще славился особой породой барановъ съ шелковистой мягкой шерстью, преимущественно черныхъ, хотя попадались бѣлые, пепельно-сѣрые и прелестные коричневые съ золотистымъ отливомъ. Шкурки съ молоденькихъ барашковъ этой породы, подъ названіемъ „каракулекъ“, вывозились огромными пар-

тиями черезъ Казалинскъ и Оренбургъ въ Россію; однако въ послѣднее время, вслѣдствіе уменьшенія пастибищъ, постоянно засыпаемыхъ пескомъ, Каракульскій оазисъ уступилъ свое первенство въ этомъ отношеніи другимъ бухарскимъ городамъ.

Дорога потянулась теперь между арыкомъ и глиняными стѣнами отдѣльныхъ подворій, раздѣленнымъ узкими переулочками и побочными арыками. Порой изъ за стѣнъ доносились звуки домашней жизни — ревъ верблюда, отчаянный, ушераздирательный крикъ ишака, глухой шумъ и стукъ, производимый палками, посредствомъ которыхъ сартянки сбиваютъ войлокъ изъ шерсти, разостланной на дворѣ, на камышевой цыновкѣ; порой слышно было жужжанье ручной мельницы, молотшей зерно, употребляемой повсемѣстно туркменами и въ Какакульскомъ оазисѣ, вообще повсюду, гдѣ недостатокъ воды не позволяетъ устроить водяную мельницу.

Иногда встрѣчались сарты и сартянки, пѣшкомъ или на ишакахъ; при видѣ нашего каравана, женщины заблаговременно закутывались въ халаты и спускали сѣтку на лицо; инны поворачивались еще къ намъ спиною или прятались за ограды полей. Маленькіе сартѣнки, игравшіе въ переулкахъ и у стѣнъ, при нашемъ приближеніи стремглавъ, инны съ отчаянными воплями, удирали въ ворота или прятались за стѣны, изъ за которыхъ затѣмъ осторожно выглядывали смуглыя, грязныя личики наиболѣе смѣлыхъ, въ красныхъ тюбетѣйкахъ, и съ любопытствомъ слѣдили за нами своими красивыми карими или темно-сѣрыми глазами.

Недалеко отъ города намъ встрѣтился какой-то важный сановникъ въ ярко-красномъ шелковомъ халатѣ съ желтыми пятнами, въ огромной бѣлой чалмѣ, на великолѣпномъ конѣ золотистой масти, который нетерпѣливо плясалъ, сдерживаемый рукой всадника; вслѣдъ за нимъ ѣхало еще нѣсколько верховыхъ, одѣтыхъ попоуще. Сановникъ недружелюбно покосился на насъ, такъ какъ наши арбы занимали большую часть дороги и заставили его прижаться къ стѣнѣ; онъ сердито крикнулъ нѣсколько словъ своимъ спутникамъ и одинъ изъ нихъ, грозя нагайкой, обругалъ передняго арбакиши „ишакомъ“ и „прихвостнемъ невѣрныхъ собакъ“, какъ сообщилъ намъ переводчикъ. Оказалось, что это былъ бекъ (губернаторъ) Каракульскаго оазиса и разсердился за то, что мы не свернули съ дороги.

— Вотъ еще доставало! — воскликнулъ полковникъ; — что-же, намъ слѣдовало что-ли свалить арбы въ арыкъ, чтобы дать дорогу этому халатнику?! пусть устраиваетъ дороги пошире, чтобы можно было разѣхаться; а онъ вѣроятно кладетъ въ карманъ деньги, назначенныя на устройство дороги.

— Нѣтъ, у нихъ дороги сооружаются мѣстными жителями, — замѣтилъ инженеръ; — а этимъ, конечно, жаль отдавать лишній кусокъ поля подъ дорогу; арбы ходятъ здѣсь сравнительно рѣдко, а для пѣнаго и коннаго движенія ширина этой дороги достаточна.

Дѣйствительно, наши арбы причиняли нѣкоторое затрудненіе, особенно если на узкомъ мѣстѣ дороги встрѣчался длинный караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ кипами хлопка, мѣшками соломы или хлѣба; случалось что верблюдъ тюкомъ цѣплялся за колесо, задерживалъ арбу и останавливался самъ, причемъ тонкая веревка, привязывавшая его, за недоуздокъ или за гвоздь въ ноздрѣ, къ сѣдлу передняго верблюда, обрывалась и авангардъ каравана продолжалъ шествовать, а аррьергардъ налѣзалъ на остановившагося верблюда и на нашу арбу; поднимался страшный крикъ и ругань, причемъ намъ стоило не малаго труда удержать полковника, порывавшагося отхлестать жокаковъ, которые ругались съ арбакешемъ, вмѣсто того, чтобы освободить зацѣпившійся тюкъ. Встрѣчавшіяся арбы, завидя нашъ караванъ, заблаговременно сворачивали въ переулокъ или съѣзжали на поле, если не препятствовалъ арыкъ.

Всѣ эти попутныя встрѣчи и случаи развлекали насъ и коротали время, которое иначе тянулось-бы утомительно долго, вслѣдствіе однообразія окружавшей мѣстности, представлявшей одни и тѣ-же зеленыя поля и арыки, окаймленные деревьями, съ одной стороны дороги и сѣрую стѣну подворій съ другой.

Нахонецъ мы въѣхали въ улицу Каракуля, тянувшуюся опять-таки между двумя глиняными, высокими стѣнами, миновали деревянный мостъ черезъ сухое русло Зеравшана, покрытое темно-сѣрымъ пескомъ, и остановились передъ караванъ-сараяемъ на базарѣ, представлявшемъ ту-же улицу,

окаймленную нѣсколькими караванъ-сараями и жалкими лавочками подъ навѣсами изъ цыновокъ; Арбы вѣхали во дворъ, чтобы покормить лошадей. А мы расположились на кошмѣ подъ наружнымъ навѣсомъ караванъ-сарая.

Пока хозяинъ сарая, повидимому киргизъ, старикъ съ тощей желто-сѣдой бородой, скуластымъ лицомъ и узкими плутоскими глазами, подогрѣвалъ самоваръ, давнымъ-давно нечищенный, потускнѣвшій и позеленѣвшій, мы достали водку, вино и закуски, купили нѣсколько маленькихъ чурековъ у мальчика-разнощика и приступили къ трапезѣ, которая собрала порядочное количество зрителей, державшихся однако въ почтительномъ отдалении, благодаря стараніямъ переводчика, который стыдился любопытныхъ, спрашивая, неужели они не видали никогда, какъ ѣдятъ люди. Такъ какъ у мусульманъ любопытство считается порокомъ, недостойнымъ благочестиваго правовѣрнаго, то взрослые вскорѣ разошлись, распросивъ только, кто мы и куда ѣдемъ, причемъ переводчикъ навралъ имъ съ три короба, произведя полковника въ генералы, инженера въ кетге-сипахи (большого чиновника), а меня назвавъ мирзой (ученымъ).

Мы не мало хохотали при видѣ дѣйствія, произведеннаго этими титулами на наивныхъ слушателей, которые покачивали головой и почтительно разошлись, прищелкивая какъ-то особенно языкомъ, что выражаетъ у нихъ удивленіе. Остались только ребята, грязные оборвыши въ однѣхъ рубашкахъ, съ красными тюбетейками на головахъ, стоявшіе съ разинутыми рта и засунутыми въ нозь пальцами.

Мы заварили чай въ высокой чайникъ, оказавшійся изъ фабрики Кузнецова въ Москвѣ; поданныя полоскательныя чашки для питья были также русской работы; двѣ изъ нихъ были разбиты и починены замѣчательно искусно, съ помощью небольшихъ мѣдныхъ скобочекъ, соединившихъ края трещинъ; этимъ способомъ экономные сарты чинятъ всякую бѣлую посуду, придѣлываютъ къ чайникамъ мѣдные носики и ручки и вообще значительно удлиняютъ срокъ службы каждой посудыны.

Когда лошади поѣли, запасныя запряжены въ арбы, мы поѣхали дальше; хозяинъ долго кланялся намъ въ слѣдъ, нагибаясь всѣмъ тѣломъ и прижимая руки къ животу, что выражаетъ особенное почтеніе. Миновавъ базаръ и двѣ-три улицы, мы опять подъѣхали къ сухому руслу Зеравшана, по которому извивался узенькій ручей съ зеленоватой водой, переполненной водорослями.

— Неужели это великій Зеравшанъ, разливатель золота, какъ гласитъ его названіе, большая рѣка, текущая съ огромныхъ ледниковъ Тянь-Таня?—спросилъ я инженера.

— Да, это онъ; до Каракула доходятъ только жалкіе остатки великой рѣки, вода которой вся разбирается по пути отъ Самарканда до Бухары на орошеніе безчисленныхъ

полей его благодатной долины; только во время половодья, въ маѣ и іюнѣ, это русло наполняется водой.

Послѣ длиннаго деревяннаго моста дорога свернула налѣво, вдоль русла; справа возвышался рядъ желтыхъ, голыхъ холмовъ, на которыхъ было расположено городское кладбище; холмъ этотъ былъ сложенъ изъ рыхлаго песчаника, о которомъ упоминалъ инженеръ во время нашей бесѣды въ буфетѣ станціи Репетекъ, какъ о неистощимомъ источникѣ всѣхъ сыпучихъ песковъ Аму-Дарьинской долины. Дѣйствительно склоны холмовъ были сильно разрушены, песчаникъ превращался въ песокъ, который покрывалъ склоны и подошву холмовъ небольшими барханами; вслѣдствіе разрушенія почвы многія надгробныя плиты кладбища покосились, инныя повалились на бокъ или свалились со своего мѣста на дорогу; вообще это кладбище, безъ всякой ограды, лишенное признака растительности, окруженное барханами, съ покрившимися памятниками, производило безотрадное впечатлѣніе.

Русло рѣки и зеленѣющая долина ея отодвинулись влѣво и дорога пошла по каменистой степи, на которой кое-гдѣ возвышались барханы песка; на горизонтѣ съ правой стороны тянулась полоса желтыхъ, сыпучихъ песковъ. Хотя солнце уже близилось къ закату, но стало очень жарко, такъ какъ голая, каменистая почва степи отражала солнечную теплоту, а отъ бархановъ вѣяло жаромъ, словно отъ печей. Утомленный дневнымъ переходомъ и однообразной природой, я пересѣлъ въ арбу съ вещами, примостился кое-какъ между чемоданами и заснулъ, несмотря на сильную тряску и толчки колебавшіе весь корпусъ арбы.

Когда я проснулся, косые лучи заходящаго солнца золотили уже вереницы легкихъ облачковъ, разбросанныхъ по небу; степь кончилась и потянулись опять поля и подворья. Наконецъ мы остановились въ первомъ попавшемся караванъ-сарая кишлака Саятъ, съ восторгомъ соскочили съ коней и арбы, и начали разминать усталыя ноги, прохаживаясь по широкому двору, окруженному навѣсами для животныхъ; вмѣсто яслей и колодъ для каждаго животнаго предназначалась ниша въ глиняной стѣнѣ двора, куда складывался его кормъ.

Отведенная намъ комната отличалась отъ той, въ которой мы ночевали наканунѣ, только большей величиной и двумя дверьми; то-же отсутствіе оконъ и мебели, тотъ-же очагъ, т. е. углубленіе пола въ углу комнаты.

Такъ какъ было сравнительно рано, полковница сама занялась стряпней, при помощи переводчика, и въ этотъ разъ мы поужинали болѣе вкуснымъ супомъ и вареной бараниной съ рисомъ. Вмѣсто вечерняго чая, мы сварили крѣпкій кофе и распивая его съ козьимъ молокомъ на площадкѣ передъ комнатой, наслаждались отдыхомъ, глядя на дворъ, залитый луннымъ свѣтомъ, и бесѣдуя о далекой Россіи.

(До слѣдующаго №).

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Историческій романъ XVII вѣка.

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXV.

(Продолженіе).

— Что-жъ это за наказанье такое! пришелъ Вимины и показываетъ, что принесъ вѣсти важныя...

Такъ говорилъ Посниковъ съ сердитымъ и раздраженнымъ видомъ входя къ Чемоданову, который, послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, распоясанный и растегнутый, съ растрепавшейся бородой и покраснѣвшимъ лицомъ, лежалъ у себя на широкомъ восточномъ диванѣ.

— Въ чемъ же наказанье-то?—сладко и громогласно зѣвнувъ спросилъ Алексѣй Прохоровичъ и лѣниво спустилъ на коверъ одну ногу.

— Что вѣсти важныя принесъ Вимины,—это я разумѣю, а какія такія вѣсти—нешто мы съ тобой разберемъ, когда глупый нѣмецъ самаго простаго слова сказать не можетъ, а все по-нѣмецкому лопочетъ!—еще раздраженнѣе воскликнулъ Посниковъ, очевидно сгоравшій отъ нетерпѣнія скорѣе узнать вѣсти Вимины.

— А Александра нешто нѣту?

— Александръ нашъ, батюшка Алексѣй Прохорычъ, вотъ уже третій день съ ранняго утра и до поздней ночи безъ вѣсти пропадаетъ!

Чемодановъ спустилъ на коверъ и вторую ногу, даже слѣзъ совсѣмъ съ дивана; но ему очень не хотѣлось выходить изъ своего блаженнаго послѣобѣденнаго состоянія, а потому онъ даже не разсердился на Александра.

— Небось—вернется парнишка, а Вимины и подождать можетъ... Мы вотъ вѣдь ждемъ же столько дней,—снова громко зѣвая, съ полнымъ равнодушіемъ сказалъ онъ.

Посниковъ совсѣмъ разсердился, проворчалъ что-то себѣ подъ нозь—and вышелъ изъ комнаты.

По счастью, Александръ скоро вернулся. Онъ прямо

СЛОВОСЛОВЪ

Изданіе Всеволода Соловьева.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

27 мая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . 4 р. — к.
 » съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . 5 » 50 »
 » съ пересылкою во всѣ мѣстности
 Россійской Имперіи . . . 6 » — »
 » за границу . . . 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во всѣ города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
 За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 23 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 22.

1890.

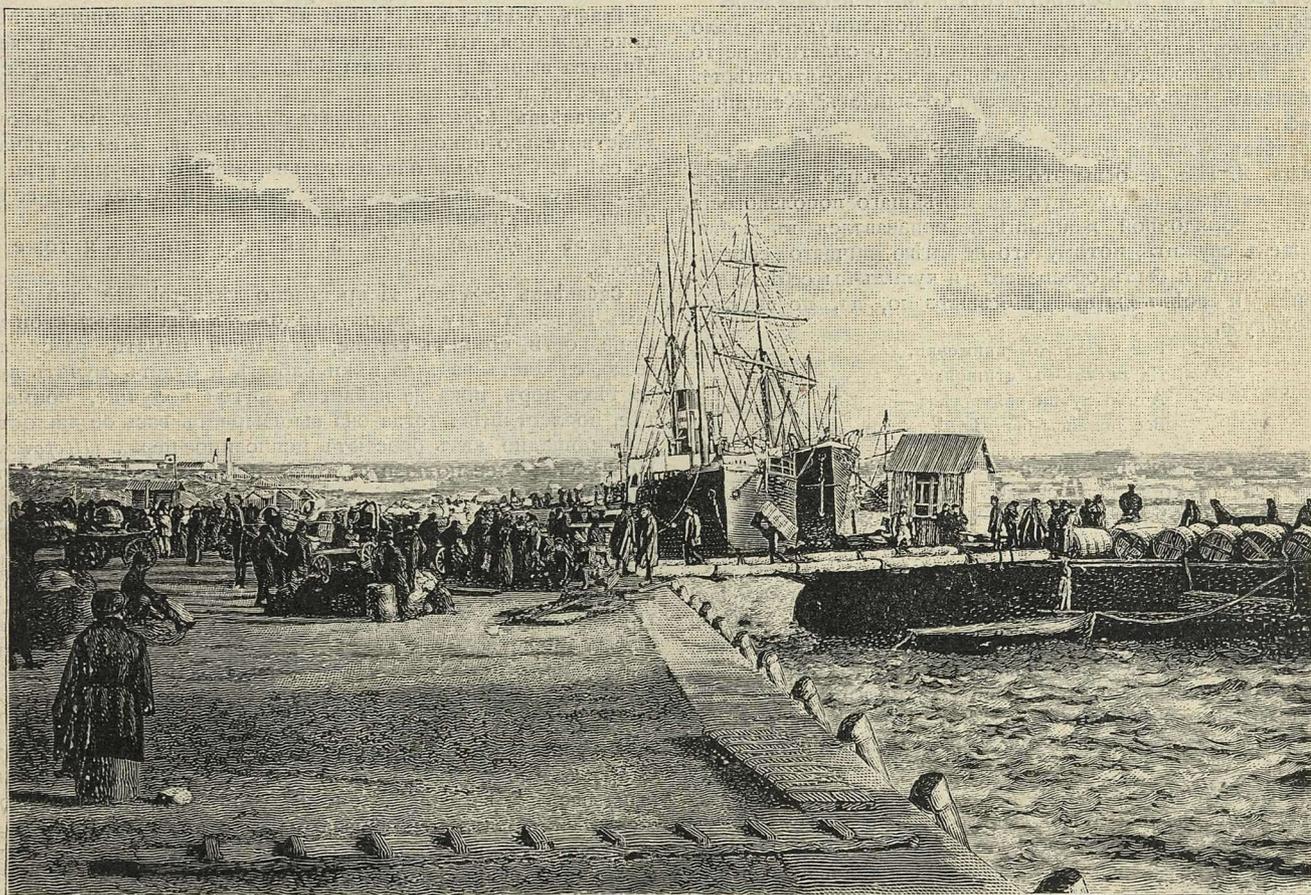
Рукописи и письма, присылаемые въ контору, долж-
 ны сопровождаться полной подписью и адресомъ отпра-
 вителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для
 редакціи необязательно. Большія литературныя произ-
 веденія возвращаются только въ случаѣ полученія кон-
 торой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ
 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по по-
 недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

Коммерческій портъ въ Николаевѣ.

По фот. съ натуры Н. Апостоли.

иногда краснорѣчивы и даже искренни! (*къ Натальѣ Львовнѣ*). Ты обладаешь всѣми талантами и даже талантомъ оживленія улыбокъ и сонныхъ секретарей посольства. Не правда-ли, Борисъ Павловичъ! (*Отходитъ къ баронессѣ*).

Странскій (*въ сторону*). Ой, ой! Откуда у нашей кроткой Лили такая язвительность?

Наталья Львовна (*въ сторону*). Неужели ревность?

Сабанѣевъ (*растерянно*). Совершенно вѣрно, Елизавета Ѳедоровна—всѣ таланты... (*Тихо фрафу*). Къ чему было меня обманывать? (*Громко*). И не удивительно: не перепелу уйти отъ ока соколяго и когтя ястребинаго. Наталья Львовна бьетъ съ налету, безъ промаху, по соколиному. (*Проводитъ рукой по лицу*). Что-жъ? Исаія ликуй! Намъ съ вами, Елизавета Ѳедоровна, остается только поздравить будущую графиню Кордичъ-Залѣсскую и юнаго счастливца, удостоившагося столь нѣжнаго отличія.

Графъ. Однако... позвольте...

Наталья Львовна (*строю*). Графъ! Я васъ прошу—ни одного слова!

(*Сабанѣевъ молча кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(*Тѣ-же безъ Сабанѣева*).

Графъ. Но вы видите сами...

Наталья Львовна. Вы помните нашъ уговоръ?

Лиза (*баронесса громко, но сдержано*). Мамаша! скажите Борису Павловичу, что сегодня я готова выслушать его предложение.

Графъ (*отчаянно Наталья Львовнѣ*). А! вы слышите?

Лиза. И скажите ему, что я сегодня же дамъ отвѣтъ.

Баронесса. Ты знаешь, моя милая Лили, что это мое искреннее желаніе. Я очень рада. Я сейчасъ же объявлю ему эту пріятную новость.

Лиза (*тихо*). Только скажите ему, чтобы онъ говорилъ го- рю, честно, какъ говорятъ люди, которые любятъ—честно и правдиво!.. которые любятъ на всю жизнь... на вѣки... иначе я ему не повѣрю... Да, не повѣрю (*съ возрастающимъ волненіемъ*) И скажите ему, что если отъ его словъ я не почувствую въ сердцѣ этого... того... ну, однимъ словомъ, вы знаете это чувство! то я... Ахъ, мамаша! какъ мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, какъ сердце бьется, какъ ноги дрожать и въ глазахъ потемнѣло. Я боюсь, мамаша, боюсь обмана. Въдъ это на всю жизнь! (*Плачетъ. Кладетъ голову на плечо къ баронессѣ*). Навсегда!.. Мамаша, никому нельзя вѣрить на свѣтѣ, а я должна вѣрить... какъ же я его люблю, если не повѣрю! (*Тоскливо*). Мамаша, мамаша, научи что дѣлать...

Баронесса (*тихо*). Да онъ въ тебя влюбленъ, ты будешь счастлива.

Лиза (*громко*). Да! я буду Елизавета Ѳедоровна Сабанѣева, буду посланницей, буду принимать, буду выѣзжать, буду счастлива. Не правда ли, мамаша? (*Оттираетъ слезы платкомъ*). Это я мамаша отъ счастья плачу! (*Уходитъ съ баронессой, склонившись къ ней на плечо*).

Странскій (*идетъ за ними. На ходу*). На вечернюю генеральную репетицію, mesdames... костюмы пораньше. Вы въ особенноти, побѣдоносный и счастливый Лоренцо, пораньше. Съ вами еще прорепетировать надо одинъ разъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

(*Графъ и Наталья Львовна*).

Графъ (*берется за голову*). Погибли!

Наталья Львовна (*быстро проходя мимо него*). Спасены!

Занавѣсъ.

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

ПО БУХАРЪ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

(*Продолженіе*).

VII.

Бухара-шерифъ.

ильный вѣтеръ, колебавшій двери нашей комнаты, разбудилъ меня на разсвѣтѣ; закутавшись въ пальто, я вышелъ на дворъ и увидѣлъ, что арбакеши и конюхъ сдѣлаютъ лошадей, а хозяинъ сарая хлопочетъ надъ самоваромъ. Переводчикъ сообщилъ мнѣ, что сегодня предстоитъ длинная дорога, и что нужно выѣхать пораньше, чтобы добраться передъ закатомъ солнца до города Бухары, иначе мы найдемъ ворота запертыми и намъ придется ночевать въ скверномъ караванъ-сараѣ внѣ города. Я поспѣшилъ разбудить все общество и черезъ часъ, когда солнце только что показалось на горизонтѣ, мы выѣзжали уже изъ кишлака опять въ степь.

Здѣсь вѣтеръ бушевалъ на просторѣ и поднималъ цѣлыя тучи песка, который летѣлъ намъ въ лицо, закрывалъ глаза, забирался въ уши и носъ и скрипѣлъ на зубахъ. Продолжавшись на сдѣлѣ четверть часа, мы настолько измучились, что пришлось укрыться въ арбы и завѣсить ихъ спереди кошмой; такимъ-образомъ мы просидѣли нѣсколько часовъ, пока не кончилась песчаная мѣстность и не начались стѣнны кишлака Якатутъ, защищавшія нѣсколько отъ вѣтра; здѣсь мы наскоро позавтракали и продолжали путь уже верхомъ, такъ какъ вѣтеръ значительно уменьшился.

Потянулись безчисленныя поля и кишлаки Бухарскаго оазиса; дорога значительно оживилась при приближеніи къ столицѣ ханства; поминутно встрѣчались пѣшеходы и всадники, ѣхавшіе въ городъ или изъ города; порой мы обгоняли цѣлыя табуны ишаковъ, нагруженныхъ выюками мелкихъ тутовыхъ и тополевыхъ дровъ или исчезавшихъ подъ цѣлой грудой снопиковъ клевернаго сѣна, такъ что видны были только ноги животнаго и казалось, что копыта сѣна сама бѣжитъ по дорогѣ. Полковникъ возмущенъ, увидѣвъ ишака, на которомъ лежалъ огромнѣйшій мѣшокъ, балан-

сировавшій на сдѣлѣ; оказалось, что это только саманъ (рубленая солома), которымъ кормятъ верблюдовъ; колесо нашей арбы зацѣпило мѣшокъ и подняло его вверхъ; испуганный ишакъ пустился бѣжать, а мѣшокъ свалился въ арыкъ; погонщикъ поднялъ страшный крикъ и сталъ сзывать прохожихъ, которые изловили ишака и помогли хозяину вытащить мѣшокъ.

Наконецъ потянулись пригородные кишлаки, многочисленные караванъ-сарай и на горизонтѣ, среди молодой зелени, показалась зубчатая стѣна Бухары-шерифъ, т. е. городской Бухары, какъ ее съ гордостью называютъ саргы, воображающіе, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ болѣе красиваго и величественнаго города.

Движеніе по большой дорогѣ еще болѣе усилилось и наши арбы производили большой переполохъ въ пестромъ потокѣ людей и животныхъ, который лился въ городъ и изъ города; при каждой остановкѣ полковникъ выходилъ изъ себя и торопилъ арбакеша, такъ какъ солнце склонялось къ закату.

Но вотъ мы подѣхали къ желаннымъ воротамъ, которыя называются деразе Кара-кель (т. е. Каракульскія ворота). Въ толстой глиняной стѣнѣ, высотой до 3½ сажень, пересѣченной многочисленными трещинами и украшенной наверху большими зубцами, было пробито огромное отверстіе, которое закрывалось двумя гигантскими створками, окованными желѣзомъ. Съ внутренней стороны къ воротамъ примыкало зданіе караульнаго поста; на высокой глиняной площадкѣ, тянувшейся по обѣимъ сторонамъ проѣзда, сидѣли и лежали бухарскіе солдаты въ красныхъ мундирахъ и предавались вполне мирнымъ занятіямъ; одни спали, другіе курили кальянъ и распивали чай, третью безцеремонно ковыряли иголкой свои мундиры, разложивши ихъ на колѣняхъ; ружья ихъ спокойно висѣли на стѣнѣ; тутъ-же въ проѣздѣ толпились туземцы и стояли торговцы съ чурками и сладостями.

— Вот так караул!—воскликнул полковник;—вот так порядки у этих халатников!

За воротами расходились три улицы и арбакемь спросил насъ, куда мы заѣдемъ; хотя всѣ проѣзжіе русскіе обыкновенно останавливаются въ гостепріимномъ русскомъ посольскомъ домѣ, но мы предпочитали захватъ въ простой бухарскій караванъ-сарай, чтобы лучше познакомиться съ жизнью и нравами бухарской столицы; поэтому мы велѣли арбакему ѣхать въ какой-нибудь караванъ-сарай, расположенный въ центрѣ города.

Онъ поѣхалъ по средней улицѣ, которая совсѣмъ не служивала этого названія: это былъ какой-то узкій проулокъ, ограниченный высокими сѣрыми стѣнами заборовъ и домовъ, безъ оконъ, карнизовъ и украшеній; только кое-гдѣ чернѣлись ворота или узкія и низкія двери, откуда доносились какіе-то таинственные звуки: топотъ животныхъ, скрипъ и страшный стукъ, плескъ воды, а въ полутьмѣ этихъ норъ двигались какія-то тѣни. Разстроенное воображеніе могло представить себѣ средне-вѣковый городъ и ужасы инквизиціи, но дѣйствительность была вполне прозаична: въ этихъ норахъ помѣщались мельницы и маслобойни (гдѣ выжималось масло изъ сѣмени куншута), приводимыя въ движеніе лошадьми, и шелковыя фабрики, гдѣ сучили и красили шелковыя нитки.

Узкая улица не имѣла мостовой и ея глинистая почва была усыпана осколками кирпича, битой посуды и всякимъ хламомъ и соромъ; наша арба занимала почти всю ширину улицы и встрѣчавшіеся безпрестанно прохоже, всадники, ишаки съ грузомъ, прижимались къ одной изъ стѣнъ, чтобы пропустить насъ причемъ не обходилось безъ столкновений, ругани и крика.

Изъ какихъ-то воротъ въ кирпичной стѣнѣ, изъ-за которой виднѣлись зеленыя вершины деревьевъ, вышла толпа молодыхъ сартовъ, по большей части безбородыхъ юношей съ чернѣвшимъ пухомъ надъ верхней губой, въ бѣлыхъ огромныхъ чалмахъ и зеленыхъ халатахъ; каждый изъ нихъ имѣлъ въ рукахъ какую-то книгу, и всѣ потянулись вереницей вдоль стѣны, слѣдуя за почтеннымъ старцемъ съ восково-желтымъ худымъ лицомъ. Арбакемь сообщил намъ, что это учитель и ученики знаменитой медресе Турзиншанъ.

— Медресе—это высшая бухарская школа, — пояснилъ намъ инженеръ; — нѣчто въ родѣ университета, въ которомъ преподаютъ коранъ и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ „мантики“, т. е. логики и „хикметъ“—философіи; такихъ медресе насчитывается въ Бухарѣ до ста и благодаря этому количеству духовныхъ школъ сложилась и поддерживается репутация Бухары, какъ оплота ислама и источника благочестія. Въ каждой медресе имѣются кельи и желающій сдѣлаться ея ученикомъ долженъ заплатить извѣстную сумму за половину кельи, въ которой онъ поселается до окончанія трехлѣтняго курса. Сумма эта зависитъ отъ знаменитости медресе и ея учителей и колеблется отъ тысячи до пяти тысячъ тенге (отъ 250 до 1,250 рублей); взаменъ этой платы каждый ученикъ получаетъ ежегодно извѣстное пособіе изъ казны эмира и отъ благочестивыхъ жертвователей и это пособіе не зависитъ отъ размѣра внесенной платы; напримѣръ внесшіе пять тысячъ тенге въ знаменитѣйшей медресе Кекелгащъ получаютъ ежегодно 250 тенге, а внесшіе три тысячи шестьсотъ тенге въ медресе Джуйбаръ, получаютъ тысячу двѣсти тенге дохода.

Штатъ каждой медресе состоитъ изъ нѣсколькихъ „ахондовъ“ (профессоровъ), получающихъ отъ пяти до семи тысячъ тенге жалованья, одного „имама“ (священника), получающаго двѣ тысячи тенге, одного „муеззина“ (читающаго молитвы), двухъ инспекторовъ (мутевали), служителей и цирюльника.

Студенты бухарскаго духовнаго университета, шедшіе по одному направленію съ нами, считали своимъ религіознымъ долгомъ коситься враждебно на невѣрныхъ; иные изъ нихъ громко кричали намъ, что давно уже слѣдовало сбросить всѣхъ гууровъ съ высокихъ башенъ благочестивой Бухары и что не сегодня-завтра великій эмиръ издастъ фирманъ, разрѣшающій грабить и убивать всѣхъ русскихъ, которые осмѣлятся появиться въ бухарскихъ предѣлахъ. Къ студентамъ вскорѣ присоединилась толпа уличныхъ мальчишекъ, которые преслѣдовали насъ громкими криками и отчаяннымъ воемъ и визгомъ; болѣе смѣлые начали было бросать

комья глины и обломки кирпича въ наши арбы, но конюхъ и переводчикъ быстро разогнали ихъ ударами нагайки.

Мы очевидно приближались къ центру города, такъ какъ движеніе на улицѣ усилилось: толпы пѣшеходовъ, всадниковъ и нагруженныхъ ишаковъ порой сталкивались, останавливались и образовывали кричащій, пестрый клубокъ чалмъ и халатовъ; особенно сильное замѣшательство произвела караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ хворостомъ, огромныя связки котораго цѣплялись за стѣны домовъ: наши арбы принуждены были свернуть въ переулокъ, чтобы пропустить караванъ.

Наконецъ передній арбакемь соскочилъ съ сѣдла и, взявъ лошадь подъ уздцы, повернулъ арбу въ узкія ворота караванъ-сарая, хозяинъ котораго, сидѣвшій на улицѣ у воротъ, привѣтствовалъ насъ поклонами.

Внутренность этого караванъ-сарая нѣсколько отличалась отъ видѣнныхъ нами ранѣе. Въ центрѣ его находилось квадратное углубленіе, окруженное навѣсами для животныхъ; къ этому двору велъ отъ воротъ очень покатый сѣздъ, такъ что наши арбы быстро скатились внизъ. Яма этого двора была окружена со всѣхъ сторонъ высокой площадкой изъ кирпича и только на этой площадкѣ возвышалось зданіе караванъ-сарая, окружавшее дворъ и площадки своими четырьмя фасадами; въ каждомъ фасадѣ былъ рядъ отдѣльныхъ келій, двери которыхъ выходили на площадки; стѣны были въ полтора аршина толщиной, изъ плоскаго квадратнаго кирпича, и каждый фасадъ раздѣлялся выступами стѣны на отдѣльныя части, соответствовавшія кельямъ. По сторонамъ дверей къ выступамъ стѣны примыкали каменные лежанки, а на аршинъ надъ узкой и низкой дверью помѣщалось окно въ мавританскомъ стилѣ, въ видѣ глубокой бойницы, закрытое снаружи узорчатой рѣзной рѣшеткой безъ стеколъ.

Кельи были невелики, каменный полъ задней половины поднять на четверть надъ поломъ передней части; давнымъ-давно небѣлныя стѣны и сводчатый потолокъ покрылись вѣковой пылью и длинныя паутины свѣшивались со свода, касаясь двухъ балокъ, соединявшихъ боковыя стѣны и игравшихъ роль вѣшалокъ для одежды, сѣделъ и сбруи; вся мебель состояла изъ циновки въ задней половинѣ кельи; судя по грязно-сѣрому цвѣту наружныхъ стѣнъ, по прочности цемента и по архитектурѣ, не одно столѣтіе прошло надъ этимъ мрачнымъ зданіемъ, напоминавшимъ тюрьму.

— Какъ этотъ народецъ не любитъ свѣта, — замѣтилъ полковникъ;—всѣ ихъ жилища какія-то темныя берлоги, безъ оныхъ, безъ всякихъ удобствъ.

— Сартъ приводитъ цѣлый день на улицѣ и приходитъ домой только вечеромъ; необходимая ему мебель — тюфякъ набитый ватой, такая-же мутака (валекъ) и одѣяло.

Мы размѣстились въ двухъ кельяхъ, чтобы удобнѣе помыться и очистить дорожную грязь и пыль, тѣмъ болѣе, что мы предполагали провести цѣлый день въ столицѣ.

Вмѣстѣ съ нашими вещами, къ намъ явился хозяинъ и освѣдомился, кто мы и куда ѣдемъ, чтобы сообщить это вакановису, т. е. чиновнику, собирающему свѣдѣнія о всѣхъ пріѣзжающихъ въ Бухару чужеземцахъ. Онъ сообщил намъ также, что если намъ нужно купить что-либо на базарѣ, — сѣно, ячмень, хлѣбъ, мясо, — то слѣдуетъ поторопиться, такъ какъ спустя два часа послѣ заката солнца всѣ давки и дома запираются и всякаго, кто осмѣлится ходить по улицамъ, забираютъ миршебы (ночныя сторожа).

— Вотъ такъ новости!—воскликнулъ я;—что мы, въ осажденномъ городѣ что-ли?

— Нѣтъ, мы въ благочестивой Бухарѣ!—возразилъ инженеръ;—какъ только стемнѣетъ, набожный мусульманинъ долженъ сидѣть дома, въ семейномъ кругу; нощью больной можетъ умереть безъ доктора и лекарствъ; въ соседнемъ домѣ можетъ случиться пожаръ или убійство—и никто не явится на помощь, не отвѣтятся на крики жертвъ.

Въ ожиданіи возвращенія нашихъ людей, посланныхъ за фуражемъ и припасами, мы усѣлись на лежанкахъ у входа въ келью. Вмѣстѣ съ наступавшей темнотой, пустынный дворъ караванъ-сарая сталъ наполняться обитателями; возвращались кушцы, болтавшіеся цѣлый день по базару, сошершая свои торговыя сдѣлки. Оставивъ своихъ лошадей или ишаковъ на дворѣ они поднимались на площадку и отпирали свои кельи, запертыя русскими замками. Въ кельяхъ они жили сами и хранили болѣе цѣнный товаръ — шелка,

кисей, чай, сахаръ, опиумъ. На площадкѣ, у дверей многихъ келій, были нагромождены мѣшки съ табакомъ, рисомъ, фисташками, миндалемъ, сушеными абрикосами, кишмишемъ и тюки съ краснымъ товаромъ. Болѣе благочестивые торговцы немедленно разстлали свои халаты на площадкѣ и, снявъ туфли и обратившись къ юго-западу, въ сторону Мекки, совершали свою вечернюю молитву.

На одномъ изъ выступовъ стѣны—мы замѣтили огромную красную афишу и надъ ней высокій шестъ съ привязаннымъ къ нему конскимъ хвостомъ и какимъ-то сосудомъ; мы подошли ближе, чтобы разсмотрѣть, что это такое. Оказалось, что афиша состояла изъ большого куска русскаго кумача и была покрыта какой-то надписью на узбекскомъ языкѣ. Подошедшій къ намъ купецъ объяснилъ, что здѣсь похороненъ его братъ.

— Да развѣ здѣсь кладбище?—воскликнула полковница, какъ это позволяють хоронитъ мертвецовъ въ домахъ!

— Это здѣшній обычай,—сообщилъ купецъ;—въ Бухарѣ богатые благочестивые люди не вывозятъ трупы своихъ родственниковъ на загородныя кладбища, а замуровываютъ ихъ въ стѣнахъ своихъ домовъ, поближе къ себѣ; надъ склепомъ въ стѣнахъ шестъ съ конскимъ хвостомъ и пустой тыквой—кальяномъ покойника, а на афишѣ, служащей могильной надписью, перечисляются его предки до седьмого колѣна и прославляются его поступки. Поддерживать этотъ шестъ и надпись считается священной обязанностью.

Въ это время вернулись конюхъ и переводчикъ въ сопровожденіи сарта, котораго велъ ишака, исчезавшаго подъ конной сѣна и мѣшкомъ ячменя. Переводчикъ доложилъ намъ, что мяса уже достать нельзя, но что вблизи есть трактиръ, гдѣ намъ сдѣлаютъ шашлыкъ по-бухарски. Мы согласились, велѣли заказать побольше, такъ какъ приходилось обходиться безъ супа, и пошли въ келью закусьвать.

Заказавъ шашлыкъ, переводчикъ принесъ намъ на пробу нѣсколько пирожковъ съ мясомъ и рисомъ, поджаренныхъ на бараньемъ салѣ. Они понравились намъ и мы послали за новой порціей. Шашлыкъ оказался также очень вкуснымъ и имѣлъ курьезный видъ: на маленькомъ шампурѣ (железномъ прутикѣ) было нанизано четыре кусочка мяса, достаточныхъ по одному на глотокъ; такой шампуръ стоилъ двѣ „пули“ или всѣ тридцать шампуровъ, принесенные намъ, стоили двугривенный.

Было только восемь часовъ вечера, но стало такъ тихо, точно мы находились гдѣ-нибудь въ степи, а не въ центрѣ многолюднаго города; ни шума, ни крика, ни грохота экипажей, нарушающихъ въ европейскихъ городахъ ночную тишину; здѣсь все население уже поспало въ свои кельи и сонъ царилъ надъ благочестивою Бухарой. Напившись чаю, мы долго еще сидѣли въ кельѣ, освѣщенной мерцавшей свѣчей, и затѣмъ на дворѣ, залитомъ серебристымъ свѣтомъ поднявшейся луны.

На слѣдующее утро, мы расплатились съ нашими арбаками, поручивъ имъ прислать другихъ, которые взяли бы доставить насъ до Катта-Кургана, откуда ходитъ уже русская почта, и отправились осматривать городъ.

Мы начали съ базара. Онъ расположенъ въ центрѣ города и представляетъ тѣ-же немощныя улицы, донельзя узкія; по сторонамъ ихъ, въ стѣнахъ домовъ, ютятся многочисленные лавочки, заваленныя товаромъ; купецъ сидитъ на полу, на коврикѣ или на войлокѣ, возлѣ него небольшой сундукъ, окованный желѣзомъ, содержащій деньги. Въ защиту отъ дождей базарныя улицы покрыты крышей изъ циновокъ на жердяхъ, переброшенныхъ черезъ улицу, такъ что весь базаръ имѣетъ отдаленное сходство съ нашими пассажами. У перекрестка нѣсколькихъ улицъ стоитъ обыкновенно каменное, сводчатое зданіе въ мавританскомъ стилѣ; подъ его сводами помѣщаются торговцы тибетейками и бухарскими шапками изъ синяго и краснаго сукна, отороченными мѣхомъ, подобно древнимъ русскимъ боярскимъ шапкамъ; этотъ пестрый товаръ развѣшанъ по стѣнамъ зданія до сводовъ. Цѣлая улица торгуетъ обыкновенно однимъ и тѣмъ-же товаромъ. Мы прошли Базаръ-латта, т. е. рядъ краснаго товара, гдѣ у входа въ каждую лавочку навалены груды русскихъ и англійскихъ ситцевъ, туземныхъ тканей и кисей; затѣмъ шелковый рядъ; далѣе Чилингеранъ—рядъ металлическихъ издѣлій: замковъ, гвоздей, пряжекъ, чугунныхъ котловъ русской работы и бухарскихъ высокихъ мѣдныхъ

чайниковъ, плоскихъ блюдовъ изъ красной мѣди и жестяныхъ котловъ, напояющихъ по своей формѣ шапку русскаго извозчика. Далѣе рядъ кожаный и мѣховый, съ выдѣланными и невыдѣланными кожами и шкурами барановъ и козъ, начиная отъ длинношерстой, грубой и грязной шкуры простаго барана цѣною въ одну тенге, до нѣжной маленькой каракульки въ 20 тенге; мѣха туземныхъ лисицъ и шакаловъ, очень дешевые, но не грѣбущіе, такъ какъ мѣхъ пушныхъ звѣрей Средней Азіи состоитъ только изъ волоса и совершенно лишенъ пуха. Оптовая торговля хлопкомъ, шерстью и краснымъ товаромъ помѣщается во дворахъ обширныхъ караванъ-сараявъ, а продажа сѣна, ячменя, муки и зерна, дровъ и строевого лѣса производится въ болѣе отдаленныхъ частяхъ города. Мы видѣли также рядъ Зергеранъ гдѣ находятся лавочки золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ, рядъ Канныди, гдѣ возвышаются горы всякихъ сластей и сахара, обольстительныя для сарта, любящаго полакомиться; базаръ Чай-фуруши съ торговыми чая, преимущественно зеленаго, употребляемаго во всей Средней Азіи, и табака; наконецъ базаръ Саррафанъ, гдѣ торгуютъ книгопродавцы и мѣнялы; послѣдніе состоятъ преимущественно изъ индусовъ, и въ ихъ крошечныхъ лавочкахъ возвышаются груды мелкихъ мѣдныхъ „пули“, которыя они отсчитываютъ очень быстро, выдавая шестьдесятъ-четыре пули на одну тенге.

По узкимъ и полутемнымъ пассажамъ базаровъ сновала и волновалась пестрая толпа бухарцевъ въ халатахъ разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ синяго и краснаго цвѣта, рѣже зеленаго и коричневаго. Насколько я могъ замѣтить, половина изъ нихъ была празднующаяся, вышедшіе на улицу только потолкаться въ толпѣ, на людей посмотрѣть и себя показать, услышать городскія и политическія новости, повидать друзей, попить съ ними чайку и поболтать въ чайныхъ лавкахъ и караванъ-сараяхъ. Поэтому половина толпы не сновала взадъ и впередъ, какъ на улицахъ европейскихъ городовъ, а стояла кружками и группами, загораживая улицу; изрѣдка появлялась женщина, закутанная въ свой безобразный халатъ, съ закрытымъ лицомъ; она не оставалась въ бесѣдующихъ группахъ, а торопливо ходила по лавкамъ. Очень часто начиналась давка, вызванная появленіемъ нѣсколькихъ всадниковъ, табуна ишаковъ, каравана верблюдовъ съ тюками товаровъ, сѣна или дровъ. Толпа жалась къ стѣнамъ, разступалась въ лавочки, опрокидывая наваленныя у дверей товары, проскальзывая подъ брюхомъ верблюда; особенное безпокойство производили арбы, которыя занимали всю ширину улицы; чтобы не попасть подъ колесо, приходилось заходить въ лавки или спастись въ переулки и ворота караванъ-сараявъ. Вообще на улицахъ благородной Бухары прохожій испытываетъ непріятное чувство постоянной тревоги: то и дѣло приходится расталкивать толпу рогозѣвъ, пачкать и тереть свое платье о грязныя халаты, тюки и кули, выставленные у лавочекъ, давать дорогу всаднику, каравану или арбѣ, оглядываться назадъ, чтобы кто-нибудь не наѣхалъ сзади. Въ довершеніе всѣхъ этихъ прелестей въ ушахъ стоитъ говоръ, гулъ и крики, а воздухъ улицъ пропитанъ всякими миазмами, запахомъ навоза, горѣлаго сала и растительнаго масла, распространяемыми общественными трактирами, которые находятся на всѣхъ улицахъ.

Мы заглянули въ одинъ такой трактиръ, помѣщавшійся въ темной и грязной норѣ; на длинной, низкой плитѣ стояло нѣсколько котловъ упомянутой шапочной формы; въ одномъ варился на салѣ густой пилавъ съ лукомъ и желтой сладкой морковью, въ другомъ дымилась какая-то мутная похлѣбка, въ третьемъ жарились куски рыбы на кунжутномъ маслѣ, распространяя отвратительную вонь; въ концѣ плиты, надъ кучей горячихъ угольевъ жарился шашлыкъ на десяткѣ маленькихъ шампуровъ. У противоположной стѣны, на грязномъ войлокѣ, покрывавшемъ полъ, обѣдали четыре сарта; они сидѣли вокругъ большого плоскаго блюда съ густымъ пилавомъ, блестящимъ отъ обилія сала, и загребали его въ пригоршни своихъ грязныхъ рукъ, закусьвая чурекомъ. Это зрѣлище и отвратительная вонь отбили у насъ желаніе пообѣдать въ бухарскомъ трактирѣ.

Чтобы немного отдохнуть, мы зашли, по указанію одного сарта, во дворъ „леби-хоуза“, т. е. берега пруда; это довольно большой квадратъ, въ центрѣ котораго находится прудъ (хоузъ) съ зеленоватой, грязной водой, выложенный камнемъ

и окаймленный ступенями. Дворъ отъненъ густыми вязами и ивами, а по тремъ сторонамъ его, подъ навъсами изъ камышевыхъ цыновокъ, находятся чайныя лавочки съ гигантскими самоварами, хлѣбомъ, сладостями, овощами и болѣе простыми кушаньями; на четвертой сторонѣ двора всегда помѣщается мечеть.

Мы собирались напиться чаю въ одной изъ лавочекъ, но въ это время оборванный сартъ спустился по ступенямъ къ пруду, помылъ себѣ ноги и тутъ же напился этой воды. Полковница вскрикнула отъ отвращенія; мы конечно не рѣшились пить чай, заваренный на подобной водѣ, а спросили себѣ хлѣба и нѣсколько шампуровъ съ свѣжеподжареннымъ шашлыкомъ.

Неудивительно, что въ Бухарѣ свирѣпствуетъ ришта (волосатикъ), мучительный паразитъ, который поражаетъ десять процентовъ населенія ежегодно; въ застоявшейся водѣ хоузовъ и медленно текущихъ арыковъ зародыши ришты находятся въ большомъ количествѣ, а сарты пьютъ эту воду безъ стѣсненія...

Въ это время въ дворъ леби-хоуза ворвалась толпа какихъ-то людей въ бѣлыхъ халатахъ, подпоясанныхъ веревками, въ высочайшихъ конусообразныхъ шапкахъ, съ развѣвающимися волосами, съ длинными жезлами въ рукахъ. Отвратительно кривляясь, вращая бѣлками глазъ и завывая хоромъ какую-то дикую пѣсню, они стали обходить всѣ лавочки двора, собирая милостыню со всѣхъ набожныхъ слушателей. Это были дервиши; предводитель ихъ, съ длинными желто-сѣдыми волосами и изможденнымъ восково-желтымъ лицомъ, направился было къ нашему кружку, но узнавъ по костюму невѣрныхъ, круто повернулъ въ сторону и дикая толпа скрылась за воротами леби-хоуза.

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказалъ полковникъ;—можно подумать, что они вырвались изъ желтаго дома.

Уходя изъ леби-хоуза, мы замѣтили въ одной изъ лавочекъ какого-то юношу съ идиотскимъ лицомъ и странно сверкавшими глазами; это былъ медва (разсказчикъ) и наспѣвъ, съ неестественной мимикой и дикими жестами, повѣствовалъ кружку внимательныхъ слушателей о подвигахъ различныхъ героевъ и святыхъ.

Послѣ завтрака мы продолжали осмотръ города и видѣли двѣ важныя мечети: месдиши Келанъ, построенную хромымъ Тимуромъ въ XIII вѣкѣ, и месдиши Миреканъ. Внутри насъ не пустили и мы полюбовались только на красивыя башни и витые купола въ мавританскомъ стилѣ, облицованные зеленымъ и синимъ глазированнымъ кирпичемъ. Съ высокихъ башенъ мечетей обрываются преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь. По словамъ туземцевъ, въ благочестивой Бухарѣ около двухсотъ мечетей.

Мы зашли также въ одинъ изъ большихъ караванъ-сараявъ,

служащей оптовымъ складомъ краснаго товара; въ его дворѣ лежали цѣлыя кипы всевозможныхъ ситцевъ и кисей; безпрерывно привозили на ишакахъ и на лошадяхъ новыя кипы товаровъ и увозили другія. Привезенные товары разбирались тутъ же на площадкѣ двора и уносились въ келы какими-то людьми въ черныхъ шапочкахъ, отороченныхъ барашкомъ и похожихъ на польскія конфедератки, съ еврейскимъ типомъ лица, подпоясанными веревкой или ремнемъ.

Мы узнали, что это дѣйствительно бухарскіе евреи, происходящіе по прямой линіи отъ персидскихъ евреевъ перваго плѣненія. Въ ихъ рукахъ находится вся оптовая торговля бухарскаго ханства, такъ какъ сарты слишкомъ лѣнны и мало смѣтливы для обширныхъ торговыхъ операций. Кромѣ того, бухарскіе евреи занимаются шелководствомъ и выдѣлкой шелка и шелковыхъ тканей.

Бухарскій законъ запрещаетъ евреямъ, какъ и всѣмъ не мусульманскимъ подданнымъ эмира, носить на головѣ чалму и подпоясываться кускомъ ткани, подобно правовѣрнымъ, чтобы послѣдніе не ошиблись и не привѣтствовали гяура словами „селама алейкумъ“ (миръ вамъ), такъ какъ это привѣтствие должно употребляться только между мусульманами. Далѣе въ предѣлахъ города еврею запрещено ѣздить верхомъ, а входя въ домъ правовѣрнаго онъ долженъ остановиться у порога. Кромѣ шапочки и веревки, костюмъ еврея ничѣмъ не отличается отъ костюма сарта. Они только не брѣютъ головы и ихъ гладкіе или волнистые, блестящіе, черные волосы разсыпаются изъ подъ шапочки. Они строго придерживаются законовъ Моисея, не заимствуя отъ сартовъ ничего относительно устройства семьи и общины, и говорятъ между собою на древне-еврейскомъ языкѣ.

Такимъ же стѣсненіямъ относительно костюма въ Бухарѣ подвержены шиты-персы и индусы; послѣдніе отличаются почти совершенно черной кожей и занимаются ростовщицествомъ. Коренное населеніе бухарскаго ханства состоитъ изъ узбековъ и таджиковъ. Узбеки малочисленны, но храбры и стоятъ во главѣ управленія ханствомъ, такъ какъ самъ эмиръ изъ узбековъ. Большинство же населенія — таджики (сарты), первоначальные обитатели Средней Азии. Малочисленные киргизы и арабы также относятся къ пришлецамъ.

Вернувшись подъ вечеръ домой, мы застали уже двухъ арбакешей, которые пришли предложить свои услуги—доставить наши вещи до Самарканда, по десяти рублей за каждую арбу и по четыре рубля за верховую лошадь. Мы условились съ ними и занялись приготовленіемъ обѣда, отдыхая отъ разнообразныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ осмотра благочестивой Бухары. Въ общемъ жизнь и нравы обитателей столицы намъ совсѣмъ не понравились.

(До слѣдующаго №).

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Историческій романъ XVII вѣка.

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXVII.

(Продолженіе).

Послѣ приѣма у дожа послы рѣшили, что теперь нечего ужъ сидѣть въ палатахъ, а можно и людей смотрѣть, и себя имъ показывать. Первымъ дѣломъ отправились въ греческую церковь. Греческое духовенство встрѣтило царское посольство съ большою торжественностью. Послѣ амвонной молитвы молодой и краснорѣчивый дяконъ говорилъ, обращаясь къ посламъ, такую рѣчь:

«Родъ греческій, живущій въ семь преславномъ градѣ Венеціи, молишь Вседержителя: дай Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ церкви Божіей восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, утѣшитель рода христіанскаго здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце возсталъ онъ на искорененіе тьмы не-

вѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе враговъ Божіихъ; какъ второй Константинъ явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ грековъ изъ рукъ поганыхъ турокъ; молимъ всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ пораженіи и побѣжденіи были».

Послѣ обѣдни греки пригласили русскихъ пословъ къ трапезѣ и угостили ихъ на славу. Александръ, хоть и трудно это ему было, сосредоточилъ все свое вниманіе на томъ, что греки говорили обращаясь къ Чемоданову и Посникову—и переводилъ:

«Бѣдимъ мы изъ Венеціи въ Турцію со всякими товарами часто и съ турками торгуемъ; многіе турки говорили намъ: Богъ далъ московскому государю побѣду надъ поляками и другими государствами, и у насъ въ

СЛОВОСЛОВЪ

Изданіе Всеволода Соловьева.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

3 іюня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
» съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
» съ пересылкою во всѣ мѣстности
Россійской Имперіи. . . . . 6 » — »
» за границу. . . . . 8 » — »
Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
во всѣ города—21 коп.
Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
За переѣзду адреса петербургскаго на иногородный и
иногод. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
(Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 23.

1890.

Рукописи и письма, присылаемые въ контору, должны сопровождаться полной подписью и адресомъ отправителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для редакціи необязательно. Большія литературныя произведенія возвращаются только въ случаѣ получения конторой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

ВЪ ТАКУЮ НОЧЬ...

(Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ)

М. Бухарина.

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ III.

Живописный парк.—Высокіе тополи.—Полное лунное освѣщеніе.—По сторонамъ каменные скамейки.—Статуи, вазы, много зелени, бассейны съ фонтаномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Странскій въ парадномъ костюмѣ Шейлока; у него въ рукахъ книга. Графъ въ домашнемъ костюмѣ венеціанскаго патриція. Графъ задумчиво ходитъ по сценѣ).

Странскій. Что за прекрасный вечеръ! И свѣтло какъ днемъ... какая тишина! (Смотритъ на графа). Прелестный костюмъ! Шляпы на головѣ не нужно, потому что Лоренцо въ домѣ Порціи, въ Бельмонтѣ, какъ у себя дома; онъ вышелъ въ садъ съ Джессикой подышать чудной итальянской ночью. У Шекспира эта сцена чрезвычайно поэтична, когда Лоренцо говоритъ Джессикѣ: „Въ такую ночь, когда зефиръ деревья цѣловаль, не шелестя зеленою листвою...“ Ахъ, какой восторгъ! Но послушайте, Владиміръ Михайловичъ, голубчикъ мой, согласитесь сами, нельзя такъ безчувственно играть! И что это въ самомъ дѣлѣ за безобразіе! Не сумѣть разыграть любовной сцены съ такимъ прелестнымъ созданіемъ какъ Елизавета Феодоровна! Я просто не понимаю этого. Ну, представьте себѣ, что не Джессика передъ вами, а Лиза! что не Джессика, а Лиза въ васъ

влюблена и бѣжала съ вами изъ города Венеціи въ Бельмонтъ! Это такъ просто; склонитесь къ ней любовно, будьте вкрадчивы, будьте нѣжны, а главное—будьте смѣлы. Смѣлость, смѣлость съ женщинами... (Нетерпѣливое движеніе графа). Господи, Боже мой! что это за поколѣніе! Никакого, что называется, понятія о любви...

ЯВЛЕНІЕ II.

(Тѣ-же и Наталья Львовна въ костюмѣ адвоката, съ распущенными локонами изъ подъ маленькой шапки. Она въ черномъ плащѣ).

Странскій. О! упоительное видѣніе! О, дивная Порція! (Оглядывая костюмъ). Хорошо, очень хорошо. Роль знаете?

Наталья Львовна. Не бойтесь за меня, Семень Петровичъ! я знаю свою роль: она не трудная... вотъ въ жизни иногда приходится играть роль Шекспировской Порціи—это гораздо труднѣе!

Странскій. А Джессика наша готова?
Наталья Львовна. Она готова, только не хочетъ итти, говоритъ, что ей никакихъ репетицій больше не нужно, что она свою роль знаетъ—вообще съ момента, какъ она рѣшилась выйти замужъ за Сабаньева, она сама не своя, плачетъ, ссорится, капризничаетъ. (Пауза). Я понимаю ее... Въ жизни дѣвушки это такой серьезный шагъ, что поневолѣ нервы натянуты... Мнѣ кажется, что она просто боится признанія Сабаньева.

«На качеляхъ».

Сабантѣвъ. Въ такія ночи всегда я думалъ о васъ и безнадежно призывалъ васъ, какъ Данте Беатричу.

Наталья Львовна. Въ такую ночь забываются былия слезы, прощаются обиды и вѣришь безконечному счастью.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Странскій. Въ такую ночь всѣмъ такъ хочется повѣрить, что вѣрятъ даже дипломатамъ. (*Цѣлуетъ баронессу руку*). Въ такую ночь, баронесса, каждый о своемъ счастьи думаетъ...

З а н а в ѣ с ѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

ПО БУХАРѢ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

(Продолженіе).

VIII.

Кое что о бухарскомъ войскѣ.—**Степь Карнакъ-чуль.**

а слѣдующее утро мы тронулись въ путь довольно рано, но прошло много времени, пока мы проѣхали нѣсколько базарныхъ улицъ, гдѣ уже съ восхода солнца толпился народъ, открылись всѣ лавочки, и трактиры издавали свои ужащающіе ароматы. Намъ пришлось миновать лѣсной базаръ—узкую и длинную площадь, заваленную дровами, кривыми бревнами и широкими досками,—строевымъ лѣсомъ въ Бухарѣ преимущественно служатъ туговое дерево и вязъ; тополь, верба и ива больше идутъ на дрова.

Холодный утренній воздухъ оглашался, кромѣ шума уличной жизни, еще какими-то странными звуками, подобными военной музыкѣ, доносившимися изъ-за зубчатой городской стѣны, которая уже виднѣлась передъ нами въ концѣ улицы. Насъ начали обгонять бухарскіе солдаты, спѣшившіе къ городскимъ воротамъ; иные на ходу надѣвали свои красные мундиры или подпоясывали кожаные пояса съ патронташами. Мы спросили у одного изъ нихъ, куда они бѣгутъ.

— Эмиръ ѣдетъ въ Кермине, въ гости къ Мянкальскому беку и четыре батальона конвоируютъ его, — отвѣчалъ солдатъ, отдавъ полковнику честь по-русски, приложивъ руку къ своей круглой барашковой шапкѣ.

Большая часть войска бухарскаго эмира находится въ столицѣ ханства и только незначительная часть солдатъ живетъ по караульнымъ постамъ у одиннадцати городскихъ воротъ и во дворцѣ эмира. Остальные расположены на частныхъ квартирахъ и собираются на ученье по сигналамъ, которые трубятъ горнисты, проходя по улицамъ города и собирая солдатъ, какъ пастухъ собираетъ коровъ въ русскихъ городахъ. Войско не рекрутируется наборомъ изъ жителей, а набирается изъ желающихъ служить, причѣмъ каждый солдатъ получаетъ двадцать тенге (пять рублей) въ мѣсяцъ, но долженъ обмундировать и содержать себя за эти деньги. Только оружіе выдается казенное и состоитъ отчасти изъ старыхъ русскихъ ружей системы Крынка, отчасти изъ ружей, заряжающихся съ дула. Общая численность сарбазовъ (пѣхоты), артиллеріи и джигитовъ (кавалеріи) не превышаетъ бо тысячъ человѣкъ.

Наконецъ, мы проѣхали деразе Самаркандъ (ворота) и благородная Бухара осталась позади насъ. Солдаты повернули направо, на большой плацъ, гдѣ строились войска эмира.

Потянулись опять подгородные кишлаки, зеленныя поля, фруктовые сады, виноградники. Попадались еще городскіе разношники, продававшіе на лоткахъ свѣжеиспеченный чурекъ и сладкія лепешки съ морковью. Мы ѣхали въ толпѣ сартовъ, пѣшихъ и на ишакахъ, которые заночевали въ городѣ и теперь спѣшили домой.

Въ семи верстахъ отъ города мы нагнали авангардъ и обозъ отряда, сопровождавшаго эмира въ Кермине. Солдаты расположились уже на отдыхъ. Края дороги, валы арыковъ и поля были усыяны красными мундирами солдатъ и ружьями, а сами сарбазы мылись въ арыкахъ или сидѣли группами въ тѣни деревьевъ, завтракая хлѣбомъ и запивая водой изъ походныхъ фляжекъ. Отдѣльные часове въ мундирахъ, охранявшіе порядокъ привала, отдавали полковнику честь, салютуя ружьемъ на плечо. Возлѣ небольшого караванъ-сарая, гдѣ расположились офицеры авангарда, вся дорога была запружена солдатскимъ обозомъ, который состоялъ изъ верблюдовъ, нагруженныхъ палатками, припасами и ружьями обозныхъ солдатъ, которые исполняли роль погонщиковъ.

Обозъ началъ уже трогаться въ путь и намъ необходимо было обогнать его, такъ какъ онъ двигался очень медленно. Около часа мы испытывали неприятыя столкновенія съ верблюдами, пока обогнали этотъ караванъ изъ трехсотъ головъ.

Вскорѣ мы подъѣхали къ берегу Зеравшана, который не представлялъ сухое русло какъ въ Каракулѣ, а довольно большую рѣку, быстро катившую свои мутныя волны, переполненные пескомъ и иломъ. Для удобства орошенія полей, рѣка текла между двумя насыпями, такъ, что уровень воды былъ на аршинъ выше дороги и послѣдняя постоянно пересѣкалась ручейками, которые просачивались черезъ насыпь и затѣмъ исчезали на поляхъ. Въ одномъ мѣстѣ на берегу рѣки была расположена лѣсная биржа—довольно обширный складъ бревень, жердей и досокъ; этотъ лѣсъ сплавляется по Зеравшану изъ Самарканда, Пенджакента и даже съ верховьевъ рѣки изъ Мачинской долины, болѣе обильныхъ строевымъ лѣсомъ, чѣмъ бухарское ханство. Дорога отошла отъ Зеравшана и стала опять однообразной. Изрѣдка попадались намъ небольшія глиняныя мазанки, похожія на собачью будку по своимъ размѣрамъ; возлѣ такой мазанки по большей части находился колодезь и деревянная колода или глиняный бассейнь для водопоя. Въ мазанкѣ обиталъ какой-нибудь бѣднякъ, который продавалъ чуреки и поилъ лошадей и ишаковъ проѣзжающихъ, получая по одной „пули“ за каждое животное. При вѣздѣ и выѣздѣ изъ кишлака, намъ попадались нерѣдко оборванные нищие, хромые или слѣпые, которые сидѣли въ тѣни какой-нибудь сакли и, завидя проѣзжаго, начинали вопить жалобнымъ голосомъ: „Тюрю, силу, силу!“ (господинъ, подайніе!), то простирая къ намъ руки, то хватаясь ими за бороды.

Среди полей кое-гдѣ возвышались курганы, раскопанные до половины, такъ какъ глинистый матеріалъ ихъ шелъ на удобреніе полей, на которыхъ шла оживленная работа, чистили арыки, возобновляли низкія глиняныя стѣны, окаймляющія многія поля, для чего размѣшивали почву полей съ водой и густое тѣсто складывали лопатами въ стѣну, утробовывая ея ногами. Кое-гдѣ пахали поля подъ поздніе посѣвы очень оригинальнымъ образомъ: бухарская соха примитивнаго устройства и не взрываетъ почву, а только царапаетъ ее. На доску, прикрѣпленную горизонтально надъ лезвіемъ сохи, становились два сарта, для увеличенія тяжести орудія, а третій велъ двухъ воловъ или верблюдовъ, привязанныхъ къ дышлу сохи.

На поляхъ, засѣянныхъ кормовой травой-люцерной, зелень поднялась уже довольно высоко. Люцерна доставляетъ единственное сѣно бухарскаго ханства, такъ какъ луговъ здѣсь нѣтъ и не орошаемая площадь порастаютъ только польностью и колочкой, служащими пищей ишакамъ, верблюдамъ и овцамъ; но поля люцерны приносятъ большой барышъ, такъ какъ при постоянномъ орошеніи ее можно снимать отъ 10 до 12 разъ въ годъ.—Подъ вечеръ мы увидѣли на горизонтѣ какія-то горы въ видѣ темносняго облака. Это были Карнакъ-тау или Дертъ-гуль, т. е. четыре цвѣтка, названные такъ по четыремъ острымъ пикамъ, увѣнчивающимъ ихъ гребень. Вышина ихъ незначительна, всего 2,500—3,000 футовъ и они тянутся параллельно Зеравшанской долинѣ до русской границы. Мы очень обрадовались этимъ горамъ, вносившимъ нѣкоторое оживленіе въ однообразный ландшафтъ зеленыхъ полей, сѣрыхъ кишлаковъ и пыльной дороги съ проѣзжими сартами, сартянками, караванами верблюдовъ и арбами съ товаромъ.

На слѣдующій день около девяти часовъ утра мы выѣхали изъ Бухарскаго оазиса въ каменистую степь Карнакъ-чуль, отдѣляющую упомянутый оазисъ отъ оазиса Мѣнгалскаго или Кермине: эта степь доходитъ почти до береговъ Зеравшана и только у самой рѣки тянется узкая полоса полей и отдѣльныя подворья, такъ какъ поверхность степи быстро повышается отъ рѣки къ югу и не позволяетъ провести арыки, оросить степь и превратить ее въ поля и сады. Поверхность степи почти лишена растительности и представляетъ невысокіе увалы, отдѣляющіеся отъ горъ Карнакъ-тау. Колеи дороги совершенно бѣлы отъ гипса, который содержится въ большомъ количествѣ въ почвѣ степи и размалывается колесами въ пыль.

Больше четырехъ часовъ мы ѣхали по этой безжизненной степи, подъ жгучими лучами солнца и въ облакахъ бѣлой пыли, сбиваемой копытами и колесами. Голые, сферические склоны горъ тянулись съ юга вдоль дороги, а „четыре цвѣтка“ были окутаны пеленой черныхъ облаковъ надвигавшейся грозы. Около полудня мы проѣхали развалины караванъ-сарая, существовавшего еще десять лѣтъ тому назадъ. Въ тѣни одной изъ стѣнъ, подъ навѣсомъ изъ цыновки на двухъ шестахъ, сидѣлъ нищій сартъ, привезшій на ишакъ два кувшина съ водой, которую онъ продавалъ проѣзжимъ. Истомленные зноемъ, мы съ наслажденіемъ напились холодной влаги изъ пористаго кувшина и щедро вознаградили бѣдняка.

На горизонтѣ показалась уже зеленая полоса кишлака Маликъ-курганъ и высокая башня древней мечети. Увалы участились и стали выше, такъ что мы непрерывно поднимались въ гору и спускались въ долины. Тяжелыя свинцовыя тучи закрыли уже половину небеснаго свода, а горы скрылись за голубоватой завѣсой низвергавагося на нихъ дождя. Мы прибавили шага, чтобы достигнуть караванъ-сарая и укрыться въ немъ отъ непогоды.

Маликъ-курганъ оказался небольшимъ кишлакомъ, расположеннымъ вокругъ развалинъ древней мечети; большая дорога была окаймлена съ обѣихъ сторонъ многочисленными караванъ-сараями и хозяева ихъ столпились вокругъ нашего каравана, выхваляя свое помѣщеніе, душистое сѣно и свѣже-испеченный хлѣбъ; нѣсколько сартовъ уцѣпились за удила лошади передней арбы и тащили ее каждый въ свою сторону, ругая и проклиная другъ друга, пока арбакешъ не разогналъ ихъ, направивъ арбу въ ближайшій караванъ-сарай, такъ какъ крупныя капли дождя загрохотали по землѣ.

Во время нашего завтрака пронеслась тропическая гроза съ непрерывными ослѣпительными молніями, оглушительными перекатами грома, сливавшимися въ сплошную канонаду тысячи орудій, и потоками воды, низвергавшейся изъ тяжелыхъ тучъ. Глинистая почва дороги не впитывала въ себя эту массу воды и вскорѣ вся улица обратилась въ грязно-желтый потокъ, заливавшій дворы и бѣжавшій черезъ переулки въ сторону Зеравшана.

Небо быстро прояснилось и солнечные лучи засверкали на многочисленныхъ ручьяхъ и лужахъ. Воздухъ оживился и мы продолжали путешествіе, что оказалось не очень приятнымъ. Толстый слой мельчайшей глинистой пыли обратился въ липкую грязь, пристававшую огромными комьями къ колесамъ арбы и копытамъ коней, которые безпрестанно скользили. Въмѣсто того, чтобы итти по ряду кишлаковъ, окаймлявшихъ Зеравшанъ, дорога пошла по степи, вдоль линіи бухарскаго телеграфа, проведеннаго изъ Бухары въ Катта-Курганъ. Такъ какъ простора было достаточно, дорога разбѣжалась широко по степи и мы могли любоваться грязью широкой дороги, однообразной линіей телеграфныхъ столбовъ и желтой поверхностью степи съ рѣдкими кустиками полыни и колючки, а на горизонтѣ—стѣной дикихъ и обнаженныхъ Карнакъ-тау, тянувшихся въ десяти верстахъ отъ насъ.

Благодаря грязи, замедлявшей движеніе, мы прибыли въ Кермине черезъ часъ послѣ заката солнца, покрытые комьями глины съ ногъ до головы, и остановились въ первомъ попавшемся караванъ-сарай, въ началѣ города. Хозяинъ сарая, очень важный сартъ въ бѣлой чалмѣ, т. е. человекъ благородный, принявъ насъ весьма недружелюбно, отвелъ небольшую конуру съ дырками въ стѣнахъ, спросилъ страшную цѣну за мясо и сѣно и вообще старался притѣснить невѣрныхъ. Но наступала уже полная темнота, арбы были распряжены и вещи снимались, такъ что мы не захо-

тѣли переимѣнить мѣсто ночлега и остались у благороднаго сарта.

IX.

Придворный экипажъ.—Русская таможня и Зербулакскія высоты.

Утромъ мы раскинулись съ негостеприимнымъ хозяиномъ, заплативши ему только половину того, что онъ требовалъ съ насъ. Онъ пришелъ въ ярость и велѣлъ своимъ работникамъ задержать арбы и не выпускать насъ со двора, пока мы не уплатимъ всего слѣдующаго и еще штрафа за оскорбленіе правовѣрнаго. Мы расхотались надъ этими претензіями и угрозами и подъ дружнымъ натискомъ пяти нашихъ коней и столькохъ-же нагаекъ, работники разступились и мы выѣхали изъ воротъ, осыпаясь проклятіями хозяина.

Городъ Кермине намъ не пришлось видѣть, такъ какъ изъ караванъ-сарая мы повернули обратно на большую дорогу, пролежавшую за городской стѣной. Впрочемъ, послѣ благородной Бухары этотъ городъ не представлялъ ничего любопытнаго—то-же самое, но въ меньшемъ масштабѣ.

Дорога тянулась по прежнему по степи, оставляя въ сторонѣ зеленую долину Зеравшана. Степь представляла „багарныя“ поля, т. е. поля не орошаемыя искусственно и приносящія жатву только въ случаѣ обильныхъ весеннихъ дождей. Тѣмъ не менѣе сарты ежегодно пахутъ и засѣваютъ ихъ, въ надеждѣ на милость Аллаха.

Вскорѣ насъ обогнала какая-то огромная, старомодная коляска-рыдванъ, вся окрашенная въ красный цвѣтъ, съ красной-же важей на запяткахъ, запряженная четверкой разномастныхъ лошадей пугомъ съ жокеями. Крайне комично было видѣть этихъ „жокеевъ“ въ пестрыхъ халатахъ и синихъ чалмахъ, кучера и лакея на козлахъ въ такомъ-же одѣяніи. Въ коляскѣ преважно развалился сановный сартъ и окинулъ нашъ караванъ презрительнымъ взглядомъ.

Переводчикъ сообщилъ намъ, со словъ хозяина караванъ-сарая, въ которомъ мы ночевали, что это одинъ изъ „придворныхъ“ экипажей и посланъ эмиромъ съ однимъ изъ придворныхъ „сипаховъ“ (чиновниковъ) за бекомъ Зіаэддинскаго округа, чтобы доставить его къ эмиру, имѣющему въ этотъ день прибыть въ Кермине.

Пустынная степь тянулась до полудня, когда мы миновали широкій оврагъ Ташъ-купрюкъ, отвѣсныя стѣны котораго въ нѣсколько сажень вышины сложены изъ лѣсса, т. е. плодороднѣйшаго желто-сѣраго суглинка, слагающаго почву всѣхъ оазисовъ и достигающаго во многихъ мѣстахъ Туркестана нѣсколькихъ сотъ футовъ толщины. Передъ городомъ Зіа-эддинъ насъ встрѣтила опять придворная коляска, въ которой вмѣстѣ съ сипахомъ ѣхалъ невзрачный, маленькій старичокъ съ восково-желтымъ лицомъ и впальми глазами—бекъ Зіа-эддина.

За Зіа-эддиномъ, жалкимъ городкомъ въ родѣ Кара-куля, потянулись опять поля и кишлаки. Арыки были многоводны и мы ѣхали въ тѣни высокихъ старыхъ ивъ, вязовъ и тутовыхъ деревьевъ. Близость русской границы замѣчалась по тому, что встрѣчавшіеся сартянки закрывались не такъ поспѣшно и старательно, такъ что нерѣдко намъ удавалось замѣтить смуглое личико съ прелестными, большими, черными глазами, которые любопытно устремлялись на насъ. Замѣчательно, что уродливыя, отжившія старухи закрывались отъ нашихъ взглядовъ гораздо тщательнѣе, чѣмъ молодья красавицы, которыя не прочь пострѣлять глазками въ чужеземцевъ, если ихъ повелители этого не могутъ видѣть.

Мы ночевали въ кишлакѣ Миръ, раскинутомъ на большомъ арыкѣ, отведенномъ изъ Зеравшана, среди многочисленныхъ фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Вообще начиная отъ Кермине замѣтна близость большой рѣки, такъ какъ всѣ арыки обильны водой, много прудовъ, отѣненныхъ высокими деревьями, вмѣсто водоемовъ съ зеленой, густой влагой, каковы бухарскіе хаузы. Здѣсь мы уже не боялись заразиться раштой, какъ до Кермине, и спокойно пили сырую воду изъ арыковъ.

Слѣдующее утро принесло намъ счастливое сознание, что это послѣдній день нашего путешествія въ арбѣ и верхомъ по владѣніямъ его высокостепенства бухарскаго эмира, въ пыли и грязи, въ жару и холодѣ; что вечеромъ мы будемъ въ русскомъ городѣ, услышимъ русскій говоръ, увидимъ со-

отечественниковъ. Благодаря этому чувству, насъ не утомляло однообразие дороги, тѣмъ болѣе, что она шла опять по полямъ и между арыками и деревьями, вмѣсто сѣрожелтой безжизненной степи.

Вслѣдствіе обилія воды, въ этой мѣстности много мельницъ, которыя очень похожи на примитивныя мельницы кавказскихъ горцевъ. Изъ большого арыка отводится маленький и вода стекаетъ сильной струей по наклонному деревянному желобу въ мельницу, расположенную въ какомъ-нибудь углубленіи почвы, въ маленькомъ оврагѣ и построенную изъ глины. Колесо подмывное, деревянное, самаго примитивнаго устройства, также и поставъ. Глиняныя стѣны мельницы нерѣдко подмываются водой и часть зданія обрушивается, прекращая работу.

Около полудня дорога повернула опять въ степь къ линіи телеграфа и, грѣясь на тепломъ солнышкѣ, мы съ досадою поглядывали на тѣнистые сады, тянувшіеся лѣвѣе насъ. Съ этой же стороны, на горизонтѣ, далеко за зеленой долиной Зеравшана, тянулася гигантская цѣпь горъ Кара-Тау Нурагинскихъ, достигающая 8,000—9,000 фут. вышины. Ея зубчатыя вершины были еще покрыты бѣлымъ саваномъ зимняго снѣга и рельефно выдѣлялись на темно-голубомъ фонѣ южнаго неба. Не смотря на пятьдесятъ верстъ, отдѣлявшія насъ отъ этого хребта, ясно видна была каждая вершина, каждый зубецъ гребня, а глубокія долины и ущелья ложились черными тѣнями на желтѣвшіе склоны. Горы Карнакъ-Тау, тянувшіяся по прежнему по правую сторону дороги, но уже подъ названіемъ Акъ-Тау, казались незначительными холмами въ сравненіи съ мощнымъ хребтомъ Кара-Тау, хотя были въ пять разъ ближе къ намъ.

Послѣ завтрака въ кишлакѣ Хаджи-Курганъ, расположенномъ среди багарныхъ полей, безъ признака зелени и деревьевъ, дорога начала становиться неровной. Появились увалы, тянувшіеся отъ горъ Акъ-Тау и чередовавшіеся съ длинными долинами. На первомъ же увалѣ столбъ на курганчикѣ, окопанномъ ровомъ.

— Ура! граница русской земли! — воскликнулъ полковникъ.

Съ одного изъ уваловъ мы увидѣли кишлакъ Зеръ-Булакъ и у ближайшаго подворья высокую зеленую мачту съ русскимъ флагомъ; это была таможня. Зданіе ея немногимъ отличалось отъ бухарскаго караванъ-сарая, только два окна со стеклами, выходившія на площадку фасада подъ навѣсомъ изъ цыновокъ на столбахъ, смотрѣли на насъ привѣтливо, словно два глаза, и мы съ удовольствіемъ прочли русскую вывѣску бѣлыми буквами по синему фону. Мы подѣхали къ воротамъ съ намѣреніемъ подчиниться строгому осмотру, но чиновникъ, появившійся при нашемъ приближеніи изъ боковой двери, облаченный въ теплый бухарскій халатъ и фуражку съ кокардой, любезно раскланялся съ нами и ограничился вопросомъ, не веземъ ли мы чаю, сахару и англійской кисеи. Получивши отрицательный отвѣтъ, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и сообщилъ, что до Катта-Кургана остается всего 12 верстъ.

Русская таможенная охрана на бухарской границѣ состоитъ изъ отдѣльныхъ постовъ, расположенныхъ по большимъ дорогамъ и изъ цѣпи джигитовъ, набираемыхъ изъ русскихъ сартовъ. Джигиты разъѣзжаютъ по границѣ, но охрана эта

достаточно только днемъ и въ ровной степи, такъ какъ число джигитовъ незначительно. Ночью, особенно въ горахъ Кара-Тюбе, Акъ-Тау и другихъ предгоріяхъ Тянь-Шаня, по которымъ проходитъ русская граница съ Горной Бухарой, одному джигиту на протяженіи пяти верстъ невозможно услѣдить за контрабандистами, проносящими товары по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, особенно чай и кисею, какъ предметы очень легкіе и цѣнные.

Широкіе и высокіе увалы тянулись по прежнему поперекъ дороги, чередуясь съ долинами, въ которыхъ дождевыя воды вырыли громадныя, извилистыя овраги съ отвѣсными стѣнами въ семь-восемь саженъ вышиной. Огибая эти овраги, дорога удлиннялась вдвое, но сократить ее постройкой мостовъ невозможно, такъ какъ обрывы сложены изъ мягкаго суглинка-лесса, который обрушивается огромными массами, подмываемый снизу водой, и овраги расширяются съ каждымъ годомъ.

На одномъ изъ уваловъ возвышался каменный памятникъ съ крестомъ надъ могилой русскихъ солдатъ, погибшихъ во время битвы съ войсками бухарскаго эмира. Это сраженіе на Зербулакскихъ высотахъ закончило покореніе Туркестана, такъ какъ эмиръ велъ свои войска, чтобы отнять Самаркандъ, недавно завоеванный русскими, но на этомъ мѣстѣ потерпѣлъ полное пораженіе.

Подъ вечеръ съ одного высокаго увала открылся прелестный видъ: подъ нами растилалась широкая, зеленѣющая долина Зеравшана, тянувшаяся до горизонта, гдѣ возвышались въ туманной дали различныя хребты, увѣнчанныя снѣговыми вершинами. Это были предгорія величественнаго Тянь-Шаня и заходящее солнце залило снѣговые пики нѣжно-розовой краской. Среди моря зелени Зеравшанской долины бѣлѣлись домики Катта-Кургана и возвышался острый шпичъ колокольни русской церкви.

Спустившись съ горы, мы миновали небольшой кишлакъ, мостъ черезъ быструю горную рѣчку и вѣхали въ черту Катта-Кургана. Скоро показалось красивое зданіе начальной школы, бульваръ, обсаженный акаціями и тополями, длинная улица, потонувшая въ зелени высокихъ деревьевъ, въ тѣни которыхъ притаились привѣтливые бѣлые дома казармъ. Встрѣчавшіеся солдаты отдавали полковнику честь и онъ отвѣчалъ имъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Шедшую по улицѣ русскую бабу мы осматрѣли съ такимъ вниманіемъ, точно увидали нѣчто особенное, но послѣ чучелообразныхъ сартянокъ съ закрытыми лицами она показалась намъ очень изящной. Наконецъ, начались лавки и мы заѣхали въ караванъ-сарай Бурнашева, представляющій переходъ отъ бухарскаго караванъ-сарая къ русской гостинницѣ и доставляющій нѣкоторыя удобства путнику, утомленному длинной дорогой по Бухарѣ, ночлегами на полу въ темныхъ конурахъ, скудными и однообразными обѣдами на чемаданѣ.

На слѣдующій день мы пересѣли въ почтовую перекладную и быстро покатали къ Самарканду, древнему городу хромого Тимура, предоставивъ нашимъ вещамъ двигаться на арбахъ, подъ конвоемъ конюха и переводчика.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Историческій романъ XVII вѣка.

Всеволода Соловьева.

(Продолженіе).

I. ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Съ каждымъ днемъ венеціанскій карнаваль становился все веселѣе, шумнѣе, фантастичнѣе. Собственно говоря, онъ начался уже давно, съ ноября мѣсяца, но до этого времени ограничивался, главнымъ образомъ, разрѣшеніемъ всему населенію Венеціи носить маски. Теперь-же, такъ какъ постъ былъ ужъ не за горами, начиналось настоящее бѣшенство народнаго веселья.

Нигдѣ во всемъ мірѣ и никогда не существовало

такого количества годовыхъ празднествъ, какъ въ Венеціи; нигдѣ и никогда не оказывалось такъ мало будничныхъ дней, какъ въ этомъ удивительномъ городѣ, гдѣ тишина воды и полное отсутствіе грохота экипажей по мостовой какъ-бы вознаграждались несмолкаемымъ гуломъ вѣчно кричащаго, смѣющагося, поющаго, играющаго на всякихъ музыкальныхъ инструментахъ и празднующаго народа.

Безчисленные народные праздники соблюдались свя-

СѢВЕРЪ

Изданіе Всеволода Соловьева.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

10 іюня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
» съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
» съ пересылкою во всѣ мѣстности
Россійской Имперіи. . . . . 6 » — »
» за границу. . . . . 8 » — »
Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
во всѣ города—21 коп.
Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
(Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 24.

1890.

Рукописи и письма, присылаемые въ контору, должны сопровождаться полной подписью и адресомъ отправителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для редакціи необязательно. Большія литературныя произведенія возвращаются только въ случаѣ полученія конторой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 6 часовъ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта по понедѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

СЕЛЬСКІЙ УЧИТЕЛЬ.

I. Повѣсть З. Прижиборы.

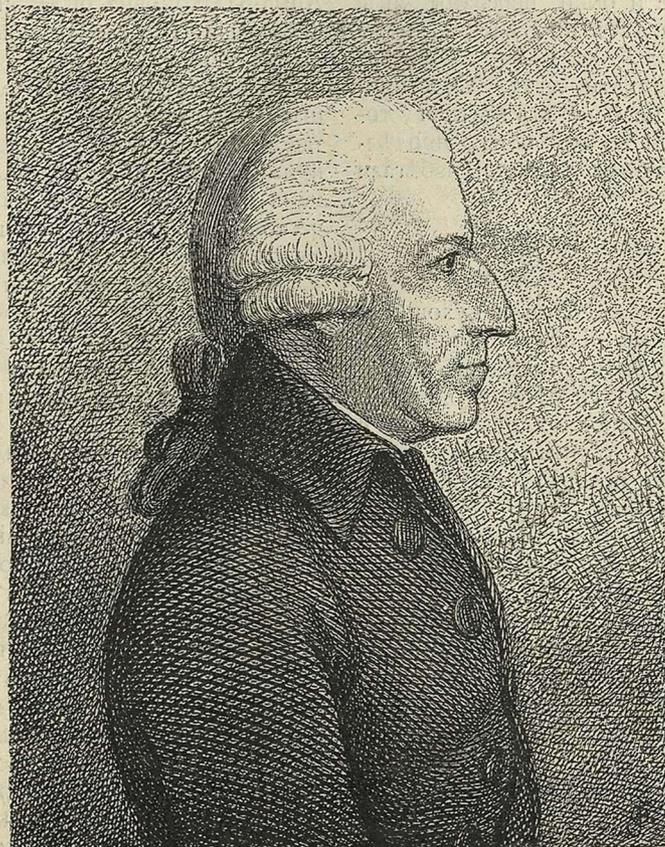
то правдивая исторія одного сельскаго учителя, простая исторія простаго человѣка.

Звали его Василій Васильевичъ Оселковъ.

Какъ сейчасъ помню его. Онъ былъ средняго роста; бѣлые волосы на головѣ и бородѣ, сверкавшіе какъ серебро, придавали ему величавый видъ; кроткое, нѣжное лицо, покрытое мелкими тонкими морщинками — признакъ добродушія и безмятежно прожитой жизни — съ прекрасными задумчивыми синими глазами, располагало каждаго въ пользу Василія Васильевича и внушало полное довѣріе. И точно, какъ любили и уважали его всѣ!

Я жилъ въ своемъ имѣніи, по близости отъ села Горловки, гдѣ Василій Васильевичъ былъ учителемъ. Онъ охотно бесѣдовалъ со мной и я привязался къ старичку. Изъ долгихъ разговоровъ съ нимъ я вынесъ много хорошаго и полезнаго для себя. Василій Васильевичъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ замѣчательный человекъ и даже отчасти философъ. Это, впрочемъ,

можно видѣть изъ его записокъ, которыя привожу почти цѣликомъ. Достались онѣ мнѣ послѣ его смерти и я нахожу нелишнимъ напечатать ихъ.

Родомъ я изъ простыхъ. Отецъ мой былъ сельскимъ дьячкомъ и жили они съ маменькой бѣдно, изо дня въ день.

Я начинаю себя помнить лѣтъ съ семи, вѣчно грязнымъ и растрепаннымъ. Немало получалъ я тогда колотушекъ отъ маменьки, больной, раздражительной женщины, и папеньки, когда онъ возвращался домой въ нетрезвомъ состояніи. Все свое время я проводилъ внѣ дома и имѣлъ обширный кругъ знакомства. Такъ, большой мой пріятель былъ церковный сторожъ Кирило, который по засаленной азбукѣ выучилъ меня читать. Я до гроба не забуду этой услуги моего перваго учителя. Другой пріятель былъ чей-то кучеръ Филиппъ. Онъ оказалъ мнѣ немалую услугу, подаривъ маленькую гармонику. Къ гармоникѣ я сразу пристрастился и дѣ-

мнѣ о ней нельзя мечтать, но я люблю ее такъ-же сильно, какъ козакъ свою дивчину. Что-же со мною будетъ? Того козака любила его дивчина, меня-же развѣ можно полкбить!

Я рѣзко оборвалъ и опустилъ смычекъ. Она то-же замолкла и задумчиво смотрѣла въ уголъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Она обернулась.

— Грустная пѣсня! Бѣдный козакъ — и дивчина то-же.

Я не отвѣчалъ.

— Василий Васильевичъ!

— Что?

— Вы когда-нибудь любили?

— Кого?—спросилъ я съ смущеніемъ.

— Кого? конечно женщину...

— Да... одну только... и теперь еще ее люблю.

— А!

Она сдѣлала быстрое движеніе и сдвинула брови.

— Нескромный вопросъ, но мы вѣдь друзья. Кто она?

— Вы!.

— Простите, Анна Платовна,—говорилъ я черезъ нѣсколько минутъ, взявъ ее за руку, — я никогда не сказалъ-бы этого, но вы сами заставили меня. Вы только не смѣйтесь, мнѣ такъ грустно, я понимаю судьбу

козака... онъ все-таки счастливѣе меня... его любили!..

Она не отнимала руки, щеки ея разгорѣлись.

— А почему я не могу любить васъ? Знаете Базя! мнѣ кажется, что я уже васъ люблю. Вы такой хорошенькій...

— Анна Платоновна, не можетъ быть? Вы, меня любите!

— Я не знаю, право. Я еще никого не любила и если кого люблю, то только васъ. Но будемъ играть, насъ спросятъ, отчего мы перестали.

Еслибъ она приказала мнѣ кинуться въ воду, я и тутъ-бы не задумался. Я былъ такъ счастливъ Она меня почти—что любить, можетъ полюбить, а это рѣшительно все равно, что любить.

Послѣ признанія, конечно, мы перестали быть прежними добрыми друзьями, въ присутствіи другихъ чувствовали себя неловко. Старики думали, что мы поссорились. Но за то мы ожидали съ нетерпѣніемъ возможности остаться вдвоемъ, чтобы на свободѣ говорить о своихъ чувствахъ. Было рѣшено, что она любитъ меня.

Однако роковой день приближался: такое счастье, какимъ была наша молодая невинная любовь, возможно развѣ только на небѣ...

(До слѣдующаго №).

ПО БУХАРЪ.

Путевые очерки.

В. Обручева.

(Окончаніе).

X

Поѣздка въ Шехрисябское бекство. — Жизнь и нравы горной Бухары.

огостивши въ Самаркандѣ цѣлую недѣлю и осмотрѣвши всѣ его достопримѣчательности, на которыхъ я не стану останавливаться, такъ какъ онѣ неоднократно описаны различными путешественниками, я собирался ѣхать въ Ташкентъ, когда инженеръ предложилъ мнѣ соуправлять ему въ экскурсіи въ горную Бухару, къ верховьямъ Карши-дары, въ долины почти не видѣнныя европейца, гдѣ онъ хотѣлъ осмотрѣть два мѣсторожденія нефти. Я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ поѣздка должна была продолжаться всего шесть дней и представляла много интереса, какъ относительно живописной природы предгорій Тянь-шаня, такъ и относительно нрвовъ жителей Шехрисябскаго бекства, слывущихъ за фанатичныхъ мусульманъ, глубоко преданныхъ эмиру и духовенству.

На слѣдующее утро мы отправились въ числѣ четырехъ человѣкъ—инженеръ, я, конюхъ и проводникъ. Переводчикъ остался въ Самаркандѣ, такъ какъ его лошадь досталась мнѣ, а его роль хорошо исполнялъ конюхъ, нагайскій татаринъ, сильный и неустрашимый человѣкъ. Проводникомъ былъ русскій сартъ, знавшій хорошо дороги въ горахъ и мѣстность, которую мы собирались посѣтить. Всѣ мы были верхами и позади сѣделъ имѣли переметныя сумы съ дорожными вещами, запасомъ чая, сахара, вина и закусокъ.

Миновавъ обширныя предмѣстья Самарканда, состоящія изъ садовъ и подворій, растянутыхъ на протяженіи многихъ квадратныхъ верствъ мы перешли черезъ арыкъ Даргомъ, текущій въ глубокомъ оврагѣ съ многочисленными развѣтвленіями и обрывистыми берегами. Затѣмъ началась каменистая степь, на которой кое-гдѣ разбросаны древніе курганы и развалины фортовъ съ глиняными валами, и стѣнами. Мы пустили лошадей рысью по ровной дорогѣ, тянувшейся по направленію къ хребту Кара-тюбе, зубчатый гребень котораго, покрытый кое-гдѣ зимнимъ снѣгомъ, стоялъ передъ нами высокой стѣной. Часа черезъ два мы достигли предгорій, представлявшихъ гранитныя увалы. Огромныя глыбы гранита торчали надъ поверхностью холмовъ и дорога изви-

валась между ними. Въ одной изъ долинъ мы увидѣли прелестную рощицу молоденькихъ деревьевъ, занимавшую нѣсколько десятинъ. Это было одно изъ мѣстныхъ насажденій генерала Королькова, представляющихъ опыты разведенія лѣса на оголенныхъ предгоріяхъ Кара-тюбе.

Съ гранитныхъ холмовъ мы спустились въ зеленѣющую долину Саганакъ-дары, на берегахъ которой расположенъ базарный кишлакъ Кара-тюбе съ тѣми-же неизмѣнными рядами караванъ-сараявъ, которые надоѣли намъ еще въ долинѣ Зеравшана. Миновавъ ихъ, мы переѣхали въ бродъ черезъ быструю горную рѣчку, и опять потянулась степная дорога по широкой долинѣ ограниченной уже впереди крутыми обрывами горнаго хребта. За таможей Кизиль-ташъ, т. е. красный камень, названной такъ по высокимъ краснымъ обрывамъ, которые высятся надъ нею, мы вступили въ бухарскіе предѣлы, и дорога пошла въ гору, извиваясь по одному изъ склоновъ ущелья Саганакъ-дары и поднимаясь все выше и выше, вмѣстѣ съ рѣкой, которая ревѣла по камнямъ у нашихъ ногъ. Дорога шла то у самой воды, такъ что брызги долетали до насъ, то поднималась на склоны ущелья, превращаясь въ узкую горную тропу, которая лѣпилась по обрывамъ. Надъ нами высились красноватыя скалы, внизу въ долинѣ шумѣла рѣка, и стѣны ущелья все болѣе сходились.

Въ незначительномъ расширеніи ущелья, подъ обрывами скалъ, мы увидѣли горный кишлакъ. Бѣдныя сакли его были сложены изъ большихъ валуновъ, скрѣпленныхъ глиной, а плоскія крыши усыпаны навозомъ, что придавало всему селенію грязно-желтый цвѣтъ; ни слѣда зелени вокругъ этого жалкаго кишлака, мужское населеніе котораго высыпало на улицу, чтобы посмотрѣть на насъ.

Вскорѣ дорога стала затруднительна, большіе камни часто заграждали путь и, избѣгая опасныхъ обрывовъ, тропа переходила съ одной стороны рѣчки на другую. Около полудня мы остановились на берегу рѣчки, въ тѣни высокой скалы, и позавтракали, пока лошади съ жадностью уничтожали снопки сѣна, захваченные изъ Самарканда и лежавшіе за сѣдломъ проводника. Холодная хрустальная вода горной рѣчки очень понравилась намъ послѣ мутной влаги арыковъ Зеравшанской долины. Тропа свернула въ боковое ущелье, миновала большой кишлакъ, отличавшійся отъ перваго значительно

большимъ количествомъ сакль и нѣсколькими ивами, окаймлявшими арыкъ, отведенный изъ рѣчки значительно выше кишлака и искусно проведенный по склону горы, на которомъ находились плохенькіе сады и виноградники. Внизу у рѣчки сарянки стирали бѣлье, и, такъ какъ шумъ рѣчки заглушалъ стукъ копытъ нашихъ коней, онѣ не замѣтили насъ, и мы могли разсмотрѣть ихъ смуглыя лица и нарядъ, состоявшій изъ широкихъ шароваръ ярко-цвѣтнаго ситца и бѣлыхъ рубахъ съ длинными рукавами. Высоко на склонахъ горы были расположены багарныя поля кишлака и сарты, пахавшіе на волахъ, казались какими-то червяками, двигающимися по черному полю.

Подъемъ становился все круче и круче, и при томъ во многихъ мѣстахъ дорога пересѣкалась ручьями, стекавшими со склоновъ, и превращалась въ липкую грязь, изъ которой лошади съ трудомъ вытаскивали ноги. На голыхъ скалахъ ущелья только кое-гдѣ лѣпились кусты ярко-зеленой туи. Въ узкомъ мѣстѣ ущелья, подъ тѣнью высокаго обрыва, мы увидѣли пелену зимняго снѣга, загрязненнаго обломками камней и землей, осыпавшимися сверху; стало довольно холодно. Саганакъ-дарья давно превратилась въ небольшой ручеекъ, журчавшій по камнямъ близъ дороги и скрывшійся наконецъ подъ гранитной глыбой. Остальная тѣснина ручья была завалена снѣгомъ до краевъ и представляла маленькій ледникъ. Съ обрывовъ повсюду струились ручьи и мѣстами низвергались живописными водопадами. На склонахъ, среди бѣлыхъ пятенъ и полей снѣга, виднѣлись черныя проталины.

Затѣмъ началось царство зимы, сплошнаго снѣга, еще не уступившаго вліянію теплыхъ лучей весенняго солнца. Пришлось сойти съ лошадей, такъ какъ дорога превратилась въ узкую и скользкую, обледенѣлую тропинку, извивающуюся по снѣгу зигзагами. Склоны хребта были усыпаны громадными валунами гранита, отчасти скрывавшимися подъ толстыми снѣжными шапками, увѣшанными ледяными сталактитами. Солнце скрылось уже за вершинами, окаймлявшими переваль, и только снѣга противоположныхъ пиковъ ослѣпительно сверкали подъ его лучами.

Наконецъ, мы взобрались на площадку, находившуюся на гребнѣ хребта, среди хаоса огромныхъ гранитныхъ валуновъ. Этотъ переваль носитъ характерное названіе „Тохта“, т. е. подожди. Дѣйствительно, взобравшись на высоту 5,500 футовъ, мы должны были подождать на площадкѣ, чтобы дать лошадямъ отдохнуть, а намъ полюбоваться замѣчательнымъ видомъ, который разстилался передъ нами. За второстепеннымъ хребтомъ, море скалъ и пиковъ котораго находилось у нашихъ ногъ, лежала обширная долина Карши-дарьи, и ея зеленый, бархатный коверъ манилъ насъ, стоявшихъ среди снѣга и льда, въ царствѣ зимы. Серебристыя ленты нѣсколькихъ рѣчекъ извивались между зеленою полемъ и садовъ, въ тѣни которыхъ раскинулись многочисленные кишлаки; за этой долиной возвышалась новая цѣпь горъ, окутанная синеватою дымкой, значительно выше, чѣмъ Кара-тюбе. Это былъ хребтъ Хазретъ-и-Султанъ, вершины котораго одѣты вѣчными снѣгами. Сливаясь въ верховьяхъ Карши-дарьи съ горами Кара-тюбе, онъ образуетъ горный узелъ, отъ котораго къ востоку тянутся уже гигантскіе хребты Зеравшанскій и Гиссарскій, достигающіе 13,000 фут. высоты и покрытые моремъ льда громаднаго Зеравшанскаго ледника. Проводникъ указалъ намъ на крошечную точку, бѣлѣвшую на склонѣ Хазретъ-и-Султанъ и сказалъ:

— Вотъ кишлакъ Шуръ-Назаръ, куда мы ѣдемъ!

Мы замѣтили, что на площадкѣ перевала на нѣсколькихъ большихъ глыбахъ гранита возвышались конусы, сложенные изъ мелкаго булыжника, очевидно рукою человѣка. Кромѣ того, нѣсколько чахлыхъ кустовъ, ютившихся между камнями, представляли странное зрѣлище: на каждой вѣточкѣ было навязано множество синихъ и красныхъ лоскутковъ, такъ что кусты исчезали подъ этой лоскутной одеждою. Мы обратились къ проводнику за разъясненіемъ этого явленія.

— Въ горной Бухарѣ существуетъ обычай, — отвѣчалъ онъ, — приносить съ собою на каждый переваль, на который приходится подниматься, камень, поднятый гдѣ-нибудь по дорогѣ. Кромѣ того, достигнувъ перевала, каждый бухарецъ отрываетъ отъ своего халата лоскутокъ ткани и навязываетъ его на кустъ, въ видѣ жертвы аллаху за благополучное восхожденіе. Кусты эти считаются священными и никто не дерзнетъ срубить ихъ, чтобы развести огонекъ — погрѣться или сварить пищу.

Передохнувши на площадкѣ Тохта, мы начали спускаться. Южный склонъ перевала былъ довольно кругъ и не представлялъ ущелья, подобно сѣверному, такъ что тропа извивалась зигзагами по снѣгу, между глыбами прелестнаго розоваго и сѣраго гранита. Но благодаря лучамъ солнца, заливавшимъ этотъ склонъ, царство снѣга скоро окончилось, и среди безпорядочно наваленныхъ глыбъ появилась молодая травка. Глубоко подъ нами, въ темномъ ущельѣ, струился и гремялъ горный ручей, и многочисленные приикои, спѣшившіе низвергнуться къ нему, пересѣкали нашу тропу. По зеленѣвшему склону противоположной горы разсыпалась отара овецъ и козъ, и толстыя, мохнатыя животныя походили издали на желтыхъ червей, медленно ползавшихъ на зелени. Спустившись съ главной гряды, тропа пошла по ущелью, по берегу горнаго потока. Къ закату солнца мы вѣхали въ большой кишлакъ Кайнары, расположенный въ широкой долинѣ и остановились у юзбаши (старшины) кишлака, знакомаго нашего проводника.

Почтенный старикъ отвелъ намъ большую, чистую келью, усланную прелестнымъ бухарскимъ ковромъ. Приказавъ приготовить „дестарханъ“ т. е. угощеніе, онъ усѣлся рядомъ съ нами и, разпросивъ, куда мы ѣдемъ, сталъ просить совѣта по поводу какой-то желудочной болѣзни, которая мучила его и особенно усиливалась при употребленіи пилава съ саломъ. Мы посоветовали ему съѣздить въ Самаркандъ къ русскому доктору, а покуда дали ему флакончикъ съ касторовымъ масломъ.

Такъ какъ всѣ азіаты до страсти любятъ лѣчиться, онъ былъ очень обрадованъ нашимъ подаркомъ и не зналъ какъ угодить намъ: когда принесли дестарханъ, состоявшій изъ бараньяго супа, пилава съ морковью и курицы жареной на вертелѣ съ лукомъ, юзбаши удалил изъ кельи всѣхъ своихъ домохозяевъ и таинственно вытащилъ изъ кармана своего халата — бутылку водки. Такъ какъ рюмки не было, онъ налилъ водку въ чайную чашку и предложилъ намъ. Наше удивленіе по поводу этого угощенія увеличилось еще болѣе, когда гостепримный хозяинъ, вслѣдъ за нами выпилъ порядочную дозу напитка, запрещеннаго Магометомъ, и сказалъ намъ, что великій пророкъ запретилъ пить виноградное вино, а это вино хлѣбное и потому дозволено.

Дестарханъ былъ поданъ на туземныхъ блюдахъ, но кромѣ того намъ принесли европейскія тарелки, ножи, вилки и ложки, хотя разноколиберныя, но достаточно чистыя. Пилава и курица были приготовлены очень вкусно, но супъ содержалъ такое количество краснаго перца, что первая-же ложка обожгла намъ языкъ и нѣбо, и мы отказались отъ супа, чѣмъ сильно огорчили хозяина, который не могъ повѣрить, что супъ нехорошъ, такъ какъ онъ ѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ.

Мы вѣхали очень рано на слѣдующее утро и, миновавъ цѣлый рядъ высокихъ холмовъ, спустились въ долину Кашка-Дарьи, первой изъ трехъ рѣкъ составляющихъ Карши-Дарью. Долина ея представляла многочисленные кишлаки, окруженные полями, садами и виноградниками. Мы повернули на востокъ, къ грядѣ холмовъ, среди которыхъ, по словамъ проводника, находилось первое мѣсто рожденія „горючаго масла“.

Къ полудню мы достигли его и вполнѣ разочаровались: въ узкомъ, живописномъ ущельѣ, окруженномъ высокими гранитными скалами, оказался ручеекъ съ желѣзистой водой, покрытой плѣнками окисловъ желѣза. Немного выше по ущелью находился священный бассейнъ, окруженный деревьями и наполненный тепловатою, слабо-щелочной водой. Сюда, по словамъ проводника, пріѣзжали больные ломотой и лихорадкой со всего Шехрисябскаго бекства, купались въ этомъ бассейнѣ и получали облегченіе. Никакихъ признаковъ горячаго масла не было и мы только потеряли нѣсколько часовъ, свернувши въ сторону отъ дороги въ Ширъ-Назаръ.

Выбравшись изъ ущелья мы повернули къ югу и пересѣкли долину Акъ-Дарьи, такъ-же занятую многочисленными кишлаками, гонувшими въ зелени садовъ. Въ этихъ кишлакахъ, расположенныхъ въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, появленіе европейцевъ вызывало всеобщее удивленіе среди мужчинъ и панической страхъ среди женщинъ и дѣтей, которыя, завидя насъ, съ громкими криками убѣгали въ ворота подворій и прятались за стѣнами. Женщины присѣдали

къ землѣ и поворачивались къ намъ задомъ, если мы застигали ихъ въ такомъ мѣстѣ улицы, гдѣ не было возможно-сти убѣжать въ ворота или переулокъ.

На окраинахъ кишлаковъ, гдѣ улицы были совершенно пустыни, намъ нерѣдко удавалось бросить бѣглый взглядъ въ интимную семейную жизнь туземцевъ, заглядывая осторожно во внутренность подворья черезъ щели воротъ или низкое мѣсто стѣны. Намъ случилось видѣть домашній нарядъ сартянокъ, состоящій изъ широкихъ цвѣтныхъ шароваръ, ситцевыхъ у бѣдныхъ, шелковыхъ у богатыхъ, бѣлой рубашки изъ туземной простой ткани и, поверхъ всего этого, шелковый или ситцевый халатъ, ничѣмъ не отличающійся отъ мужского. Волосы, черные какъ вороново крыло, заплетены обыкновенно въ нѣсколько косъ и голова украшена тюбетейкой со всякими блестящими погремучками. Въ ушахъ большія серебряныя серьги съ бирюзой, и у болѣе красивыхъ женщинъ въ правой ноздрѣ такъ-же болталось кольцо съ бирюзой, порядочныхъ размѣровъ, чѣмъ не мало безобразило ихъ, на нашъ европейскій вкусъ. Болѣе наряжены были молодыя женщины, вторыя или третьи жены, по словамъ проводника. Болѣе старыя щеголяли во дворѣ въ однихъ рубашкахъ и занимались хозяйствомъ — варили обѣдъ въ чугунныхъ котлахъ, вмаанныхъ во дворѣ въ какую-нибудь печурку изъ глины, валяли войлокъ. Дѣвушки, одѣтыя тщательно и красиво занимались производствомъ ковровъ подъ руководствомъ какой-нибудь мегеры, которая царпала на землѣ узоръ ковра и указывала сочетание красокъ.

Въ подворьяхъ одного богатого сарта мы видѣли страничку изъ гаремной жизни: на берегу небольшого пруда, въ тѣни высокыхъ тополей, былъ разложенъ большой красивый коверъ и на немъ возлежалъ хозяинъ дома, на мягкомъ тюфякѣ, окруженный шелковыми мутаками (вальками). Онъ курилъ красивый кальянъ, украшенный бирюзой, и бесѣдовалъ съ двумя молодыми женщинами, сидѣвшими у его ногъ въ довольно откровенныхъ костюмахъ. Лучи солнца, сквозившіе черезъ листву, озаряли плечи и руки красавицъ, которыя имѣли цвѣтъ потускнѣвшей бронзы.

Ребятишки, попадавшіеся намъ на улицахъ, были до-нельзя грязны и оборваны, такъ что ихъ смуглое тѣло сквозило черезъ дырку рубашекъ. Въ ушахъ и въ носу у всѣхъ дѣвочекъ также болтались серьги, а щеки ихъ нерѣдко были украшены черной или мясо-красной, огромной язвой, такъ-называемой „сартовской“ болѣзни.

Подъ вечеръ мы спустились въ долину Кемара, къ предгорьямъ хребта Хазретъ-и-Султанъ, и поѣхали вверхъ по долинѣ этой рѣки. Дорога шла по береговому холмамъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами, черезъ которые были перекинуты „чертовы“ мосты. Наши лошади храпѣли и пятились передъ такимъ мостомъ, длиною въ 2—3 сажени и состоящимъ только изъ двухъ досокъ и двухъ тонкихъ балокъ, безъ перилъ. Переѣзжая черезъ такой мостъ мы чувствовали, какъ доски колебались подъ копытами коня и старались не смотрѣть въ глубокой оврагъ, который разверзался подъ нашими ногами. Узенькая тропинка, усѣянная порогами и камнями, лѣпилась по склону оврага къ мосту.

Послѣ десяти верстъ подобной дороги проводникъ свернулъ направо, и мы стали подниматься на подгорья Хазретъ-и-Султанъ. Холмы становились все выше и выше, и на склонахъ выступали огромныя скалы кирпично-краснаго цвѣта.

Солнце уже садилось и озолотило снѣговыя вершины хребта, когда мы достигли кишлака Ширъ-Назаръ, расположеннаго на небольшомъ плато, на высотѣ 5 000 футовъ, у подошвы главнаго хребта Хазретъ-и-Султанъ; подъ нами разстилалось цѣлое море красныхъ холмовъ, на которыхъ кое-гдѣ раскинуты были горныя кишлаки, а позади холмовъ возвышалась цѣпь Кара-Тюбе и снѣговыя пики горнаго узла, залитые золотомъ и пурпуромъ.

Мы остановились у старшины селенія, который принялъ насъ очень недружелюбно. Только что мы успѣли войти въ келью и усѣсться на кошмѣ у огонька, какъ вошелъ хозяинъ дома, сопровождаемый нѣсколькими сартами. Онъ спросилъ насъ, зачѣмъ мы пріѣхали къ нимъ.

— Посмотрѣть „горящую воду“, которая течетъ на вашихъ поляхъ,—сказалъ инженеръ.

— Зачѣмъ вы тревожите насъ? къ чему вамъ эта горячая вода?—началъ жаловаться хозяинъ,—съ тѣхъ поръ какъ эта вода показалась на нашемъ полѣ, на насъ посыпались разныя бѣдствія. Губернаторъ Шехрисебса, шаарскій бекъ, узналъ, что мы показали одному русскому эту священную воду, которую намъ послалъ Аллахъ для исцѣленія нашихъ болѣзней; за это онъ арестовалъ нашего старшину, билъ его палками и бросилъ въ тюрьму, а насъ всѣхъ обложилъ штрафомъ по одной тенге съ cadaго жителя. Я новый старшина и если бекъ узнаетъ, что опять пріѣзжали русскіе насъ еще накажутъ. Поэтому я прошу васъ именемъ пророка не ходить къ священной водѣ и, переночевавши у насъ завтра же уѣхать обратно.

Окончивши эту длинную рѣчь, старшина удалился со своими спутниками.

— Бекъ знаетъ, что эта горячая вода очень нужна русскимъ для шайтанъ-арбы, —замѣтилъ проводникъ; — поэтому онъ боится, что если губернаторъ Самарканда узнаетъ про эту воду, онъ сообщитъ въ Ташкентъ, пришлютъ русскихъ солдатъ и отнимутъ у эмира все Шехрисабское бекство.

— Какой дальновидный политикъ! — воскликнулъ инженеръ;—онъ боится потерять свое губернаторство и потому старается раздуть религиозное чувство своихъ подданныхъ, называя эту нефть священной водой; но тѣмъ не менѣе мы посмотримъ ее, хотя бы это стоило его превосходительству беку нѣсколькихъ бессонныхъ ночей.

Утромъ мы заявили старшинѣ, что идемъ смотрѣть горящую воду; онъ возразилъ, что донесетъ беку о томъ, что мы не послушались его и что на насъ будутъ жаловаться самаркандскому губернатору; такъ какъ мы поступаемъ насильно, то онъ, старшина, не дастъ намъ ни проводника къ священной водѣ, ни лопатъ и другихъ инструментовъ и что ночью онъ послалъ уже всадника къ беку, доложить о нашемъ пріѣздѣ.

Мы спустились съ холма на поля кишлака и безъ особеннаго труда нашли источники нефти. Въ нѣсколькихъ ямахъ на поверхности воды собрался слой нефти и видѣлся пузырьками горячій газъ. Одна изъ ямъ была по больше и на ея краю лежала деревянная ложка для собиранія нефти, нѣсколько кусковъ каменной соли и кучка пшеничнаго зрна.

— Это приношенія жителей, — объяснилъ намъ проводникъ;—они не жгутъ эту нефть въ свѣтильникахъ, считая это большимъ грѣхомъ а мажутъ ею разныя язвы на тѣлѣ и лечатся отъ ломоты и лихорадки. Собирая нефть для этой цѣли, каждый больной жертвуетъ Аллаху кусочекъ соли и горсть зерна, въ видѣ платы за лекарство.

Мы собрали пробы нефти въ бутылочки, обошли и изслѣдовали окрестныя холмы и овраги и къ полудню вернулись въ кишлакъ. Въ нашей кельѣ насъ уже ожидалъ одинъ изъ чиновниковъ шаарскаго бека, мирахоръ (штальмейстеръ) Пиръ-Гассанъ-Ханъ. Это былъ толстый сартъ, съ глупой, самодовольной рожей, въ пышномъ шелковомъ халатѣ и бѣлой чалмѣ. Онъ сидѣлъ у огня съ нагайкой въ рукахъ, а старшина и нѣкоторые сарты стояли почтительно у дверей.

Мирахоръ привѣтствовалъ насъ отъ имени бека и спросилъ: имѣемъ ли мы законное право ѣздить по бухарскимъ владѣніямъ. Инженеръ показалъ ему пропускъ въ Шаарское бекство, выданный канцеляріей самаркандскаго губернатора, и мирахоръ успокоился, прочитавъ переводъ документа.

Чтобы разсѣять грозу, собиравшуюся надъ ни въ чемъ неповинными жителями кишлака, инженеръ сообщилъ мирахору, что горячая вода не годится, такъ какъ ее слишкомъ мало, для устройства солиднаго предпріятія и что больше нечего опасаться нашествія русскихъ на горную Бухару.

Позавтракавши, мы простились съ успокоеннымъ старшиной и отправились въ обратный путь вмѣстѣ съ мирахоромъ, который ѣхалъ со свитой изъ трехъ всадниковъ. Черезъ два дня мы благополучно вернулись въ Самаркандъ, и я распростился съ инженеромъ, который уѣхалъ обратно къ Амударьѣ, тогда какъ я укатилъ въ Ташкентъ.

СЛОВОСЛОВЪ

Изданіе Всеволода Соловьѣва.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

21 октября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
 » съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 » 50 »
 » съ пересылкою во всѣ мѣстности
 Россійской Имперіи. . . . . 6 » — »
 » за границу. . . . . 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во всѣ города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку непареля.
 За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 43.

1890.

Рукописи и письма, присылаемыя въ контору, долж-
 ны сопровождаться полной подписью и адресомъ отпра-
 вителя.
 Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для
 редакціи необязательно. Большія литературныя произ-
 веденія возвращаются только въ случаѣ полученія кон-
 торой денегъ на обратную пересылку.
 Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ
 10 до 6 часовъ.
 Для личныхъ объясненій редакція открыта по по-
 недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

СЪ НЕБА УПАЛО.

(Исторія одного милліона).

Романъ

Вас. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

XII.

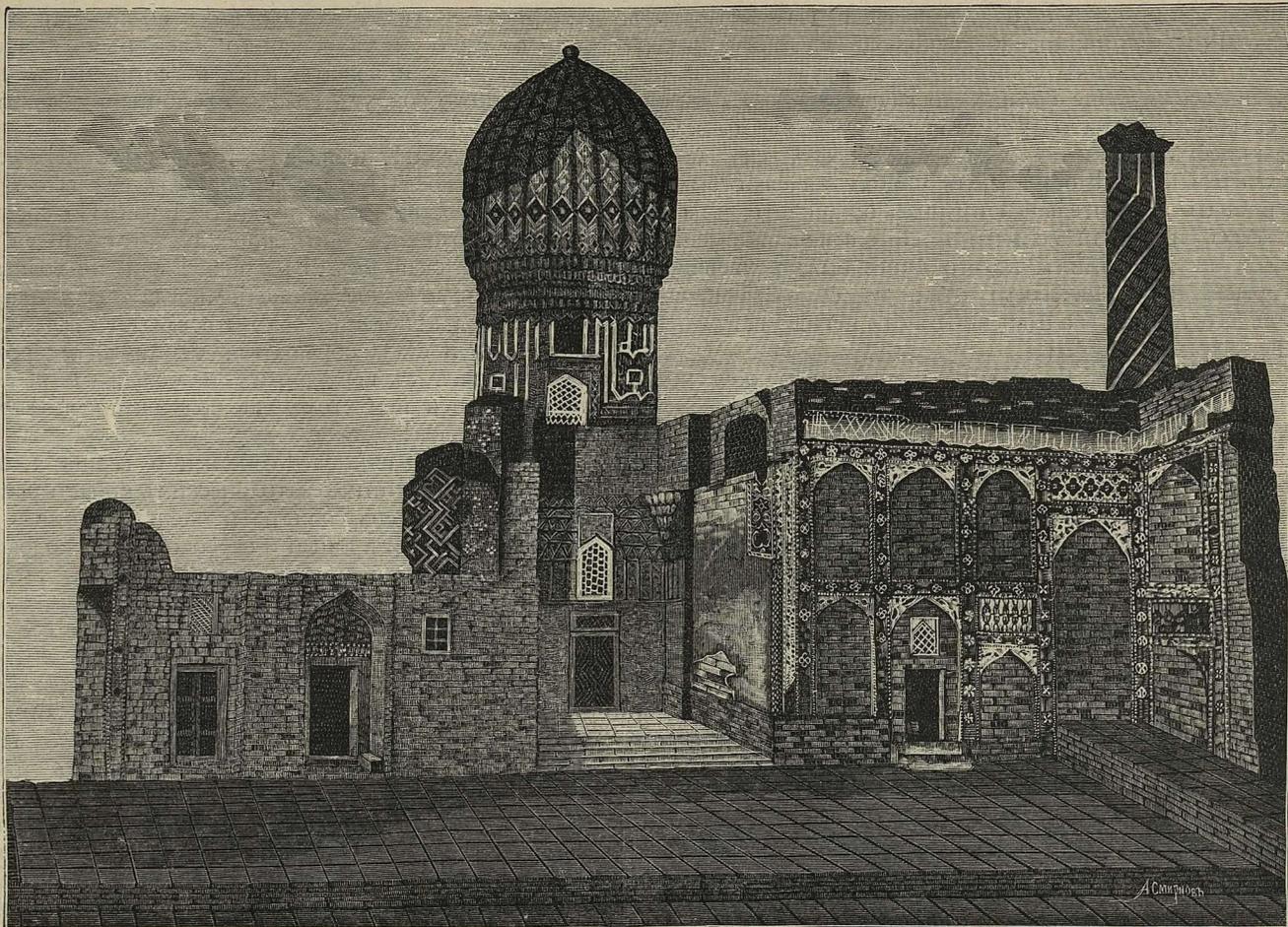
Заговоръ.

Крюдликъ все еще ждалъ. По-
 пулярность Лаубе еще подня-
 лась. Старикъ рѣшился дѣйстви-
 вать только тогда, когда для Лаубе
 окончательно не будетъ никакого
 спасенія. Ударъ долженъ быть на-
 несенъ рѣшительно, но всякому
 терпѣнію есть границы и Крюд-
 ликъ мало-по-малу чувствовалъ,
 что его нервное состояніе ро-
 стетъ, что онъ больше не въ си-
 лахъ выносить. Кстатѣ-же ему и
 во снѣ ни съ того ни съ сего сталъ
 являться Эдуардъ Поппе. Все это
 старика вывело изъ обыкновенна-
 го спокойствія и разъ, на какой-
 то выговоръ хозяйина, заключив-
 шаго его словами:

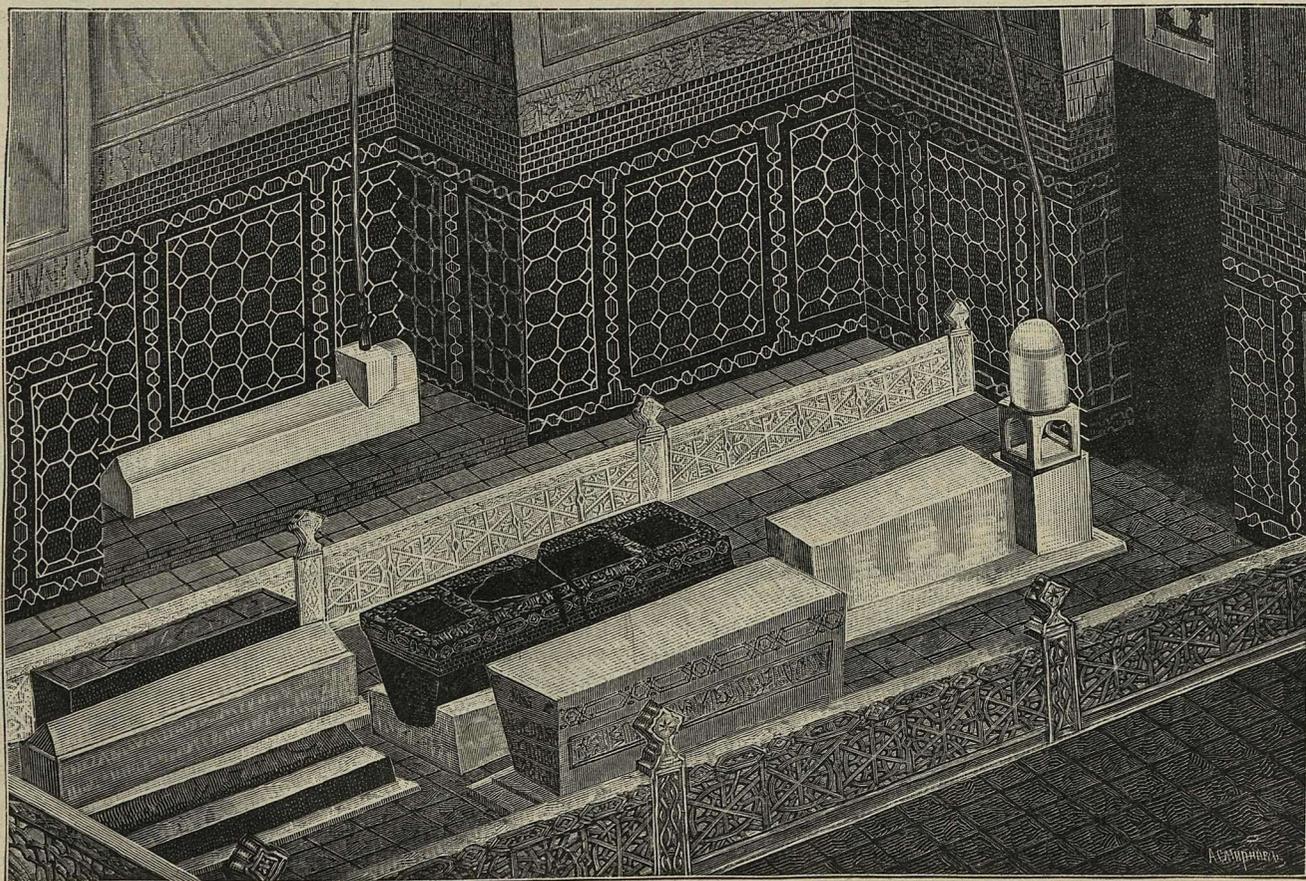
— Вы совсѣмъ были на сво-
 емъ мѣстѣ въ конторѣ глупаго
 Поппе. Тамъ не требовалось со-
 образительности.

— Да... за то тамъ служили
 честные люди!—отвѣтилъ Крюд-
 ликъ.

Входъ къ гробницѣ Тамерлана. — По фотографіи съ натурѣ.

Гробница Тамерлана. — По фотографіи съ натурѣ.

ихъ еще жгло и освѣщало. Лиззи хотѣлось, чтобы Савуровъ уѣхалъ скорѣе; она враждебно относилась къ нему, потому что еѣ постоянно тревожила мысль, что онъ еѣ осуждаетъ; она уже давно отказалась отъ намѣренія вскружить ему голову; она увѣрена была, что это невозможно. Но въ этотъ разъ Лиззи почувствовала, что Савуровъ печаленъ и — въ чемъ-бы она ни-

когда никому не призналась — безотчетную, но не побѣдимую увѣренность, что это грустное настроеніе имѣетъ отношеніе — только къ ней. Когда она взглянула въ его глаза, и лице его при этомъ внезапно измѣнилось, она неожиданно увидала, что безмолвно въ этой толпѣ они понимали другъ друга...

(До слѣдующаго №).

МОГИЛА ТАМЕРЛАНА.

Изъ всѣхъ достопримѣчательностей Самарканда едва ли не сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ гробница самаго славнаго владыки города, который, правда, существуетъ уже свыше двухъ тысячъ лѣтъ, но никогда не достигалъ большаго развитія и блеска, чѣмъ съ XIV на XV вѣкъ, когда царствовали здѣсь же погребенный воитель.

Сооруженіе надъ его прахомъ носитъ названіе „Гуръ-Эмиръ“ и прилегаетъ къ русской части Самарканда. Побѣдители раскинули свои европейскія жилища и улицы по близости отъ того мѣста, гдѣ витаетъ грозная тѣнь. Тамъ дальше, въ туземныхъ кварталахъ, и рядъ великолѣпныхъ развалинъ, и народная память объ утраченномъ величіи, — все живо говоритъ про Тамерлана, про его значеніе для края. Тутъ, у насъ, подъ сѣнью эмирава мавзолея — мертвая тишина, но тѣмъ ярче противоположность, тѣмъ краснорѣчивѣе таинственное безмолвіе и отчужденность, окружающія усопшаго.

Надмогильное зданіе виднѣется издали, живописно выдѣляясь между деревьями громаднымъ дынеобразнымъ куполомъ. Постройка до того оригинальна, что положительно должна играть роль въ исторіи архитектуры. Еще вопросъ, сдумѣли-ли бы теперь воспроизвести нѣчто подобное.

Когда Вамбери, незадолго до нашего завоеванія, посѣтилъ гробницу Тамерлана, дворъ передъ нею помѣщался за стѣнами. Теперь ихъ нѣтъ. Подходишь къ замѣчательному сооруженію, безъ малѣйшей задержки, даже не встрѣчая никого, кромѣ нищихъ мальчишекъ. Представительный туземецъ въ свѣтломъ халатѣ является, чтобы показать вамъ мѣстную святыню. При словахъ „среднеазиатскій герой, объединитель множества земель“, трудно себѣ представить, какое собственноручное поклоненіе можно воздавать человѣку, пролившему рѣчки крови, хотя бы онъ параллельно съ этимъ и дѣлался иногда покровителемъ искусства и науки. Здѣсь держатся другой точки зрѣнія. Кто переросъ современниковъ на нѣсколько головъ, кому судьба улыбалась, въ комъ люди видѣли частицу божественнаго всемогущества, — тотъ и по смерти очаровываетъ восточные умы, настраиваетъ ихъ религиозно, требуетъ сверхъестественныхъ почестей. Толпѣ импонируетъ отошедшая въ вѣчность душа, внѣ обыкновенныхъ условий все еще связанная съ возвеличенной ею мѣстностью, съ народомъ. Такъ точно въ Монголіи до нынѣ перерождается Чингисъ-ханъ (въ тѣлесной оболочкѣ ламы, буддискіаго духовнаго). Этотъ „бичъ міра“, какъ онъ самъ себя называлъ, былъ язычникъ-шаманистъ. Распространившася потомъ среди его единоплеменниковъ тибетская вѣра побудила жрецовъ выставить страшнаго монгола обновленнымъ послѣдующими *безпримѣнными* существованіями. Такая неизмѣримая психическая сила не могла обратиться въ ничто, разрушиться. Ей нужно вѣчно жить, творить. Тоже повторяется и съ Тамерланомъ. Молятся идеѣ чистоты, до которой способно дойти изъ ряду вонъ выходящее существо, олицетворенію борьбы за какой-то смутно сознаваемый идеалъ. При этомъ чувства азіатовъ не хотятъ считаться съ историческими фактами.

Важнѣйшая самаркандская могила находится въ запущенномъ состояніи. Поддерживаетъ ее русское начальство, но въ концѣ концовъ ей, пожалуй, не долго ужъ осталось стоять. Недавнее землетрясеніе поколебало зданіе, ускорило его послѣдній часъ. Если кто желаегъ полюбоваться удивительнымъ сооруженіемъ „Гуръ-эмиръ“, красую нашихъ туркестанскихъ владѣній, пусть торопится туда. Поѣздка въ тѣ края, благодаря желѣзной дорогѣ, крайне удобна и даже не дорога. Рельсовый путь въ этомъ отношеніи сослужилъ большую службу. Есть возможность легко и быстро посѣщать наши лучшія восточныя окраины.

По гладко вымощенному двору приближаешься къ чуд-

ному созданію зодчаго Абдуллы, сына Махмуда, исфаганца, Пестрые кирпичи такъ и переливаются въ лучахъ южнаго солнца: лазурный цвѣтъ спорить красотой съ бѣлымъ, желтымъ. Куполь точно составленъ изъ ломтей гигантскаго фрукта. Ихъ насчитывается чуть-ли не пятьдесятъ слишкомъ. Древне-арабскія (куфическія) надписи усугубляютъ странность картины. Особенно поражаетъ мысль, что все это заказано и сдѣлано знаменитымъ властелиномъ до своей кончины, дабы схоронить здѣсь своего наставника Миръ Сеида, который ему, юношѣ, предсказалъ невѣроятный успѣхъ. Нынѣ оба они рядомъ лежатъ во тѣмѣ подземелья. Что имъ обоимъ до памятниковъ надъ ихъ головой, до блеска изразцевъ, до содержанія надгробныхъ начертаній!

Со двора къ могиламъ ведутъ ступени, крытый ходъ. Лишь только очутишься внутри зданія, первое время въ себя не можешь притти отъ восторга. Кругомъ — нѣчто въ родѣ часовни, свѣтлой, высокой, располагающей къ умиленію. У окна — рѣдкая по исполненію рѣзьба. Бѣломраморныя плиты гробницъ, (съ темной центральной), своеобразно гармонируются съ узорами по стѣнамъ. Знамена на длинныхъ древкахъ тянутся къ куполу. Въ этомъ уединеніи Тамерлана окружаетъ нѣсколько близкихъ усопшихъ. Камень въ честь его — неимѣющій цѣны, единственный въ мірѣ (по величинѣ), зелено-вато-черный нефритъ, доставленный сюда или изъ восточнаго Туркестана, или изъ западной Монголіи. Въ серединѣ онъ расколотъ. Причину этого иные усматриваютъ въ намѣреніи побѣдоносныхъ персовъ при Надиръ-шахѣ похитить драгоценность, которая оттого и пострадала. По мнѣнію туземецевъ, она имѣетъ цѣлебныя свойства. Муллы откалываютъ мелкіе куски, толкутъ ихъ въ порошокъ и продаютъ его отъ болѣзней желудка и почекъ.

Проводникъ беретъ подсвѣчникъ и ведетъ по узкой лѣстницѣ внизъ. Какъ-то жутко проникаетъ туда въ полумракѣ и тревожитъ шагами бранные остатки именитыхъ людей. Послѣ изящества и роскоши наверху, тутъ невольно удивляешься безвкусію и убожеству обстановки. Простыя, плоскія, грязныя плиты расположены подъ землей въ одинаковомъ порядкѣ, что и въ часовнѣ. По нимъ ходишь, наступаешь на письмена, спрашиваешь себя, неужели и взаправду до того наглядно тускнѣетъ съ вѣками всякое человѣческое величіе. Можно примириться съ мыслью объ исчезновеніи слѣдовъ прежней культуры. Можно спокойно слышать повѣствованія о томъ, какъ забываются и теряются изъ виду царственные могилы. Но знать, кто погребенъ, и знать, во что обращается нѣкогда грозная гробница, — совѣстимо-ли это?

По свидѣтельству одного нѣмца, находившагося на службѣ Тамерлана, онъ въ гробу не находилъ покоя и до тѣхъ поръ вопилъ по ночамъ, пока наслѣдники не отпустили домой отовсюду согнанныхъ плѣнныхъ.

Найти забвеніе воигелю дѣйствительно, должно быть, было трудно, если припомнить, сколько жертвъ устлало его путь. Чего не коснись, — вездѣ ужасъ: наприимѣръ, въ Исфагани сооружена пирамида изъ 70,000 вражескихъ череповъ, въ другомъ мѣстѣ десять тысячъ человѣкъ заживо погребены, въ Индіи безпричинно истреблены сотни тысячъ невинныхъ, и т. д., и т. д. При тускломъ свѣтѣ, разливающимся въ склепѣ, мнѣ чудится, будто мгла дѣлается кровавой. Сколько мстительныхъ призраковъ силилось проникнуть въ зловѣщій Тамерлановъ склепъ!

Властитель умеръ, семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, въ походѣ на Небесную имперію, зимой 1405 г. Говорятъ, духъ холода остановилъ старца въ степяхъ и пресѣкъ его дни со словами: „мы оба съ тобой — исчадья ада, но только я могущественнѣе“.

Кн. Э. Ухтомскій.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 30.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

26 іюля, 1892.

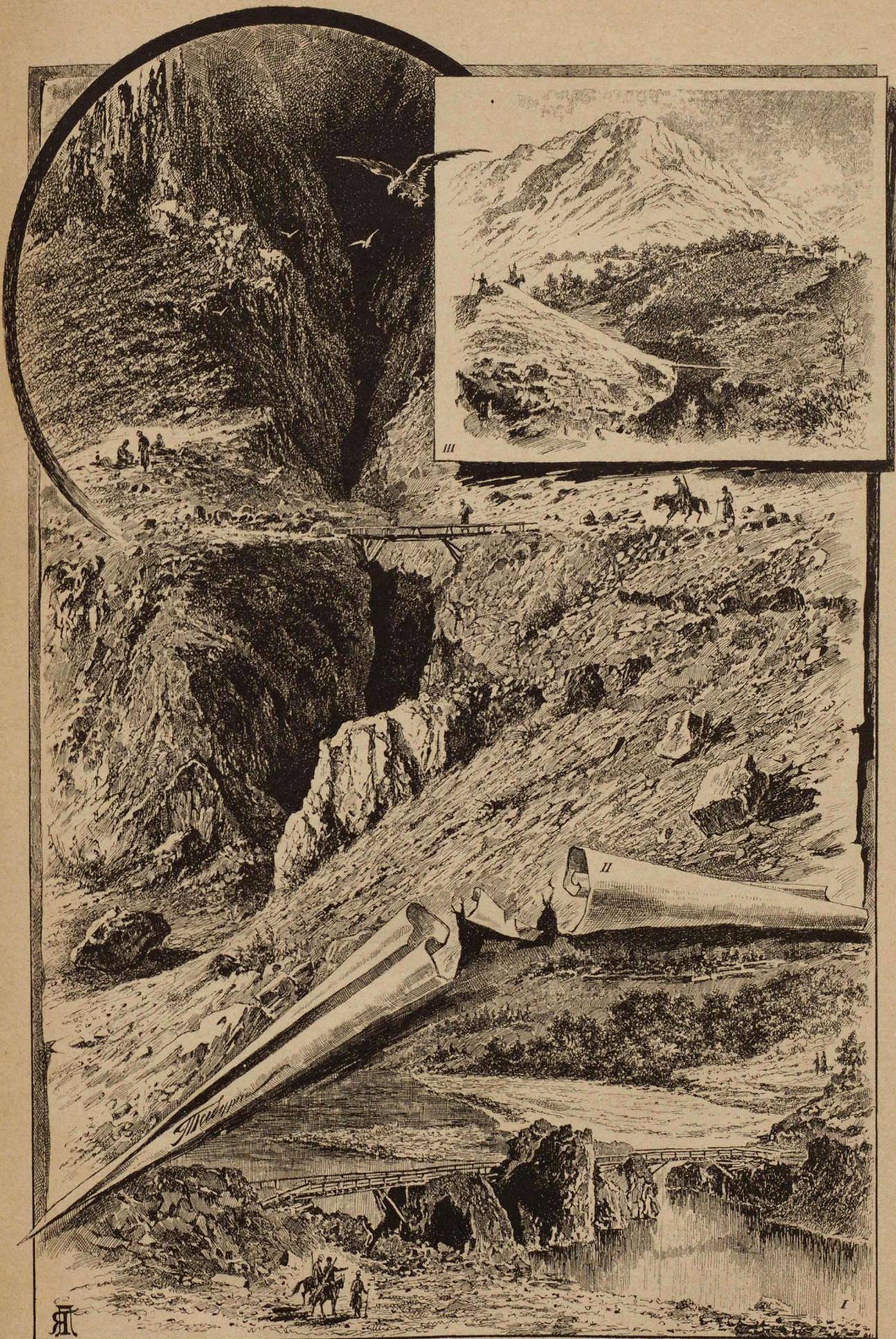
Нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ поступилъ на службу во флотъ въ 1854 г.; а въ 1871 г. онъ былъ уже капитанъ-лейтенантомъ. Н. М. Барановъ изобрѣлъ ружье, заряжающееся съ казны, которое тогда-же было введено во флотъ подъ названіемъ «барановскаго». Затѣмъ онъ занималъ мѣсто начальника морского музея при кораблестроительномъ отдѣленіи морского технического комитета.

Въ послѣднюю русско-турецкую войну Н. М. побѣдилъ охотникомъ на Черное море. Въ Николаевѣ Н. М. принялъ подъ свое командованіе пароходъ русскаго общества пароходства и торговли — «Веста». 11 іюня 1877 года «Веста» выдержала блистательный бой съ турецкимъ броненосцемъ около Кюстенджи. За этотъ бой, въ которомъ онъ былъ раненъ, Н. М. былъ награжденъ чиномъ капитана 2-го ранга, орденомъ св. Георгія 4 ст. и званіемъ флигель-адъютанта. Въ декабрь мѣсяцъ, командуя пароходомъ «Россія», Н. М. взялъ близъ Пендераклии турецкій пароходъ «Мерсину» и былъ произведенъ за это въ капитана 1-го ранга.

Нижегородскій губернаторъ генераль-маіоръ
Н. М. Барановъ.

Послѣ войны Н. М. вышелъ въ отставку, но вскорѣ опять поступилъ на военную службу въ составъ полевой пѣшей артиллеріи. Въ началѣ 1881 года Н. М. занялъ постъ ковенскаго губернатора. Въ томъ-же году по Высочайшему повелѣнію Н. М. былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ. Въ тогдѣшнее время, полное безпорядковъ, Н. М. выказалъ себя весьма энергическимъ администраторомъ. Теперь Николай Михайловичъ Барановъ имѣетъ чинъ генераль-маіора и занимаетъ постъ нижегородскаго губернатора. Въ настоящее трудное время борьбы съ эпидеміей такой постъ чрезвычайно важенъ и отвѣтственъ и надо отдать Н. М. полную справедливость, что его энергія и распорядительность не оставляютъ желать ничего лучшаго. Особенно обращаютъ на себя вниманіе его лаконически - выразительные приказы. Н. М. учредилъ на рѣкѣ Волгѣ, возлѣ Нижнего, особый плавающий холерный госпиталь, снимокъ съ котораго будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Сѣвера».

Къ статѣ «Мусульманскія святыни».

По фотографіи рисоваль для «Сѣвера» В. А. Табуринъ.

человѣкомъ, сказалъ Ибсенъ. Этого недостаточно: прежде всего она должна быть женщиной.

Такъ говорилъ Стриндбергъ. Природа, естественность, свобода — вотъ его девизъ. Съ этой точки зрѣнія понятно его отрицательное отношеніе ко всему укладу современной общественности, составляющее основной тонъ его «Фантазій въ дѣйствительности». Вся новая культура представляется ему въ видѣ искусственнаго вся-

чаго сада, покоющагося на гнилыхъ устояхъ и полного подкрашенныхъ могилъ, скелетовъ и всякихъ нечистотъ. Культура — это не что иное, какъ исковерканная природа.

Такое выводитъ Стриндберга — одного изъ повѣйшихъ учениковъ Ж. Ж. Руссо.

Александръ Рейнгольдтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МУСУЛЬМАНСКІЯ СВЯТЫНИ НА ЧИРЧИКЪ.

Очеркъ В. Фирсова.

Въ одиннадцати верстахъ отъ Ташкента протекаетъ большая рѣка Чирчикъ, питающая всю оросительную систему уѣзда. Чирчикъ образуется въ 80 верстахъ выше Ташкента, возлѣ деревни Бричь-муллы, отъ слиянія р. Чоткала и горнаго потока Укъ-су, берущихъ начало въ западныхъ отрогахъ Тянь-маня. Чирчикъ, въ своихъ верхнихъ частяхъ, одна изъ самыхъ красивыхъ рѣкъ въ мірѣ. Съ неимоверной быстротой и грохотомъ, точно одинъ непрерывный водопадъ, несетъ вода въ глубокомъ промытомъ руслѣ, кипитъ, пѣнится, катитъ гальку и тяжелые камни и въ дребезги разбиваетъ все, что вздумало-бы препятствовать ея бурному теченію. Во время таянья снѣговъ, въ маѣ и въ іюнѣ, вода въ Чирчикѣ мутно-сѣраго цвѣта и рѣка имѣетъ какой-то мрачный, зловѣщій видъ; но съ половины іюля сѣрый цвѣтъ исчезаетъ, вода становится прозрачной и рѣка пріобрѣтаетъ ярко-зеленую, искрящуюся окраску, какъ изумрудъ. Этотъ зеленый цвѣтъ воды, вмѣстѣ съ красными обрывами береговъ и безконечнымъ разнообразіемъ окружающей рѣку горной мѣстности, составляетъ главную прелесть верхняго Чирчика. Впрочемъ, такова рѣка только на протяженіи первыхъ 80 верствъ, т. е. до большого ташкентскаго моста у Куй-люка. Далѣе она выходитъ на ровную мѣстность, замедляетъ свое теченіе, становится мелкой и дробится на множество небольшихъ рукавовъ. Красота и величіе исчезаютъ: берега становятся плоски, пустыни, некрасивы; грандіозныя чинары замѣняются жиденькимъ тальникомъ, фруктовые сады — камышами, а грозный грохотъ стремнины — палобдливимъ кваканіемъ лягушекъ. И полотраста верствъ, остающихся рѣкѣ пройти до впаденія въ Сыръ-Дарью, не стоятъ любой версты ея верхняго теченія.

Мусульмане признаютъ Чирчикъ священной рѣкой, вѣрятъ въ цѣлебныя свойства его воды и съ особеннымъ удовольствіемъ совершаютъ въ немъ установленныя кораномъ омовенія. Нѣтъ сомнѣнія, что главнѣйшей причиной такого культа является роль Чирчика, какъ источника орошенія и всѣхъ богатствъ края. Тѣмъ не менѣе весьма любопытны и поэтичны старинныя легенды, связанные съ этой красивой рѣкой и относящіяся ко времени водворенія ислама въ Средней Азіи.

I.

Въ 1889 г. мнѣ пришлось съѣздить въ Бричь-муллу, и я отправился туда вмѣстѣ съ Юсуфомъ-ходжой — очень начитаннымъ муллою изъ Ходжента, отлично говорившимъ и даже писавшимъ по русски. Мы выѣхали изъ Ташкента въ тарантасѣ. Первые 40 верствъ, т. е. до Искандеръ арыка, дорога тянулась по безобразной стеной мѣстности, о которой и говорить не стоитъ. Но затѣмъ мы выѣхали къ Чирчику, и большая часть дальнѣйшей дороги оказалась проложенной по карнизамъ горъ, надъ самымъ обрывомъ къ рѣкѣ. Духъ захва-

тывало, когда экипажъ катился по узкой дорогѣ, ничѣмъ не огороженной со стороны обрыва; снизу, точно изъ подъ самыхъ колесъ, доносился грохотъ стремнины, причѣмъ рѣка такъ глубоко прорѣзалась въ горахъ, что мѣстами ея невидимо было съ середины дороги.

Противъ деревни Хаджи-кента (рисунокъ 1-й), лежащей на противоположномъ берегу, насъ попросили выйти изъ тарантаса, затормозили колеса, и мы стали спускаться по зигзагу со страшной крутизны. На экипажъ было жутко смотрѣть: заторможенные колеса скользили, какъ салазки, хомуты вытѣзли лошадямъ на самыя уши. Лошади спотыкались, мелкая галька брызгами летѣла во всѣ стороны и экипажъ, вопреки всѣмъ тормазамъ, во мгновение ока исчезъ за поворотомъ. Когда мы стали спускаться сами, намъ уже не пришлось оглядываться по сторонамъ; скользя и спотыкаясь, мы неслись по зигзагу, все быстрѣе и быстрѣе, смотри только подъ ноги и не въ силахъ будучи остановиться. Но Богъ былъ къ намъ милостивъ: мы благополучно спустились съ высоты и оказались передъ знаменитымъ хаджикентскимъ мостомъ, а нашъ тарантасъ уже спокойно взбирался на противоположный берегъ къ деревнѣ.

Хаджикентскій мостъ интересенъ тѣмъ что его единственный каменный устой ничто иное какъ утесъ, стоящій среди рѣки, а также своимъ первоначальнымъ строителемъ, самимъ Али — наиболѣе чтимымъ изъ мусульманскихъ святыхъ. Въ настоящее время мостъ перестроенъ русскими инженерами, отнесшимися съ пренебреженіемъ къ тому, что оставалось отъ хрупкой постройки Али. Не еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ каждый путешественникъ могъ подивиться на священный мостъ, совершенно гнилой и качавшійся надъ бурнымъ потокомъ, какъ перекинутая мочальная веревка. Смотрѣть на этотъ мостъ не хотѣлось, не то что ѣздить по немъ! А мусульмане доврчиво ѣздили и жидкая деревянная постройка продержалась сотни лѣтъ.

— Старый мостъ стоялъ-бы и теперь, если-бы мусульманская вѣра осталась въ чистотѣ. Но ослабѣла вѣра, и дѣло рукъ святого Али стало разрушаться! Потомъ вы, русскіе, пришли; мы полюбили ваши деньги, даже ваше шайтаново вино; и старый мостъ не устоялъ передъ вашими топорами.

Такъ говорилъ мой ученый спутникъ, когда мы переходили первый пролетъ и остановились оглянуться на утесъ. Скала была ноздреватая, испещренная большими круглыми отверстіями, точно червоточиной исполинскихъ червей. Нѣкоторыя изъ этихъ отверстій заканчивались неглубоко, простой ямой съ гладкими стѣнками; другія постепенно суживались и уходили, точно норки, въ глубь скалы; въ нѣкоторыхъ такихъ пещеркахъ видны были слѣды костровъ и мулла объявилъ, что тамъ раскладывается огонь, когда паломники проводятъ на утесѣ ночь на молитвѣ. Внизу гудѣлъ и въ бѣшенствѣ раз-

бывался объ утесъ неукротимый Чирчикъ; по объ стороны развѣтывалась живописнѣйшая мѣстность: суровая и величественная вверхъ по теченію, ласкающая взглядъ — къ низовьямъ; сейчасъ за мостомъ амфитеатромъ поднимались постройки красиваго Хаджи-кента, и между ними зеленѣли стройные тополя, огромныя чинары, пестрые сады. И падо всеѣмъ этимъ безъ того уже богатымъ красками ландшафтомъ могучее южное солнце, которое могло-бы окрасить и согрѣть самую жалкую природу...

Должно быть, искреннее восхищеніе было достаточно ярко написано на моемъ лицѣ, потому что относившійся ко мнѣ до тѣхъ поръ довольно сдержанно Ходжа посмотрѣлъ на меня ласково.

— Красивѣ этой мѣстности я, кажется, ничего не видѣлъ! сказалъ я ему.

— Красивѣ и быть не можетъ! отвѣчалъ онъ съ убѣжденіемъ. — Самъ великій Али, сеидъ и любимецъ пророка, любовался этими мѣстами такъ, что молиться забывалъ...

— Расскажите мнѣ, мулла, о великомъ Али, попросилъ я Ходжу, который при всей своей мудрости имѣлъ таки слабость охотно выказывать ученость и, какъ все сарты, отнюдь не былъ молчаливымъ.

Мулла присѣлъ на корточки, изъ чего можно было заключить, что онъ собирается рассказывать, а я занялъ мѣсто на одномъ изъ поздраватыхъ выступовъ скалы.

— Рассказывать все можно! началъ Ходжа. — На то и языкъ человѣку данъ, чтобы человѣкъ могъ прославлять Творца вселенной. Только, повѣрите-ли вы всему, что я буду рассказывать? Чудесныя дѣла прежде бывали. Теперь Аллахъ отвернулъ отъ насъ лицо свое и ему мерзко видѣть дѣла наши, не то что думать о насъ... Но прежде люди были лучше и стоили того, чтобы о нихъ заботились. Тогда бывали святые на землѣ и творились великія чудеса.

Самый большой святой былъ Али. Онъ умилялъ самого пророка своимъ благочестіемъ, именемъ Аллаха творилъ всякое чудо и былъ непобѣдимый батырь, когда выходилъ на бой съ противниками ислама. Когда онъ начиналъ проповѣдывать, онъ выросталъ и становился вдвое больше другихъ людей, а когда онъ обнажалъ мечъ — онъ выросталъ еще въ семь разъ больше. И всякій, кто его слушалъ съ вѣрой, начиналъ рассказывать въ своихъ грѣхахъ и становился хорошимъ человѣкомъ, а тотъ, кто уже отдалъ душу шайтану, слушая его, озлоблялся, терялъ рассудокъ, шелъ съ оружіемъ на него и падалъ, пораженный мечемъ проповѣдника.

Но мудрый Али мало боролся съ людьми. Онъ зналъ, кто зачинщикъ всякой мерзости на землѣ, и его то онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь безъ устали.

Али безъ труда прогналъ шайтана изъ всеѣхъ мѣстъ, гдѣ уже раздавалось слово пророка, прогналъ съ береговъ Зеравшана, Аму и Сыръ-Дарьи, прогналъ даже изъ пустынь Кизылъ-кума. Но лукавецъ спрятался въ горахъ, расположился у источниковъ воды и сталъ пускать свои козни внизъ по водѣ, такъ что гдѣ-бы люди

ни пили воду, они проглатывали заклинанія нечистаго, если не освѣщали воды молитвой.

Этого Али не могъ потерпѣть и пошелъ вверхъ по долинамъ, чтобы отнять у нечистаго источники воды. Однажды онъ шелъ по берегу Чирчика, произнося молитвы и очищая своимъ словомъ горную воду. Вся нечисть изъ рѣкъ бѣжала отъ него вверхъ противъ теченія, собиралась кучами и чуть не запрудила рѣку. Но Али произнесъ соответственное слово и все вражьи козни стали превращаться въ камни и гальку, которые и нынѣ безвредно катятся по рѣкѣ.

Такъ рѣка была очищена до этого мѣста. Здѣсь Али остановился на берегу и такъ залюбовался красотой природы, что забылъ произнести молитву и своевременно совершить намазъ. А Шайтанъ лежалъ за горой и зорко слѣдилъ за своимъ гонителемъ. Увидѣвъ, что святой не совершаетъ намаза и что Аллахъ отвернулся въ сторону, чтобы не видѣть этого унущенія своего любимца, лукавецъ улучилъ минуту, взялъ огромную скалу вонъ съ той горы, гдѣ середина точно вырвана, и бросилъ скалу въ святого, чтобы раздавить его. Но Али замѣтилъ грозившую ему опасность и во-время помянулъ имя пророка. Легѣвшая уже надъ рѣкой скала была остановлена этимъ именемъ и съ шумомъ упала среди рѣки... Вотъ, мы теперь сидимъ на этой скалѣ, и это мѣсто священо, потому что здѣсь сидѣлъ и молился великій Али. Но видите на камнѣ дыры и ямы? Это слѣды отъ пальцевъ шайтана, которые вдавились и прожгли даже камень!..

— А что-же Али? спросилъ я задумавшагося и поникшаго головой мулла.

— Святой даже не разсердился. Онъ только погрозилъ шайтану мечемъ, и лукавецъ убѣжалъ въ горы, визжа и воя, какъ ошпаренная собака. Ужъ очень ему было стыдно своего безсилія и жаль, что не удалось убить Али! Межъ тѣмъ Али былъ радъ и даже смѣялся, потому что шайтанъ ему, въ сущности, только помогъ построить мостъ. Какъ видите, отъ скалы до каждаго изъ береговъ недалеко. Али этимъ воспользовался нарвалъ большихъ чинаръ, какъ дѣти рвутъ траву для ишака, пригоршнями положилъ деревья съ берега на скалу и со скалы на берегъ, завалилъ деревья глиной — и вышелъ мостъ! Тогда Али сказалъ: «Пусть этотъ мостъ стоитъ и не гниетъ, пока чиста мусульманскія вѣра! Пусть на этомъ берегу поселятся благочестивые ходжи, для прославленія Аллаха и его пророка! И пусть это мѣсто называется Ходжи-кентомъ!» И такъ и было!

Вотъ какъ былъ построенъ этотъ мостъ и какъ образовалась деревня Ходжи-кентъ, гдѣ много вѣковъ жили въ пещерахъ благочестивые старцы, не разъ ходившіе въ Мекку. Но въ книгахъ объ этомъ не сказано, и все это извѣстно ученымъ только изъ преданій...

— Должно быть, такъ и было! сказалъ я съ увѣренностью.

— Кому Богъ далъ ученость, тотъ въ этомъ не сомнѣвается! окончательно успокоилъ меня Ходжа.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СѢВЕРЪ

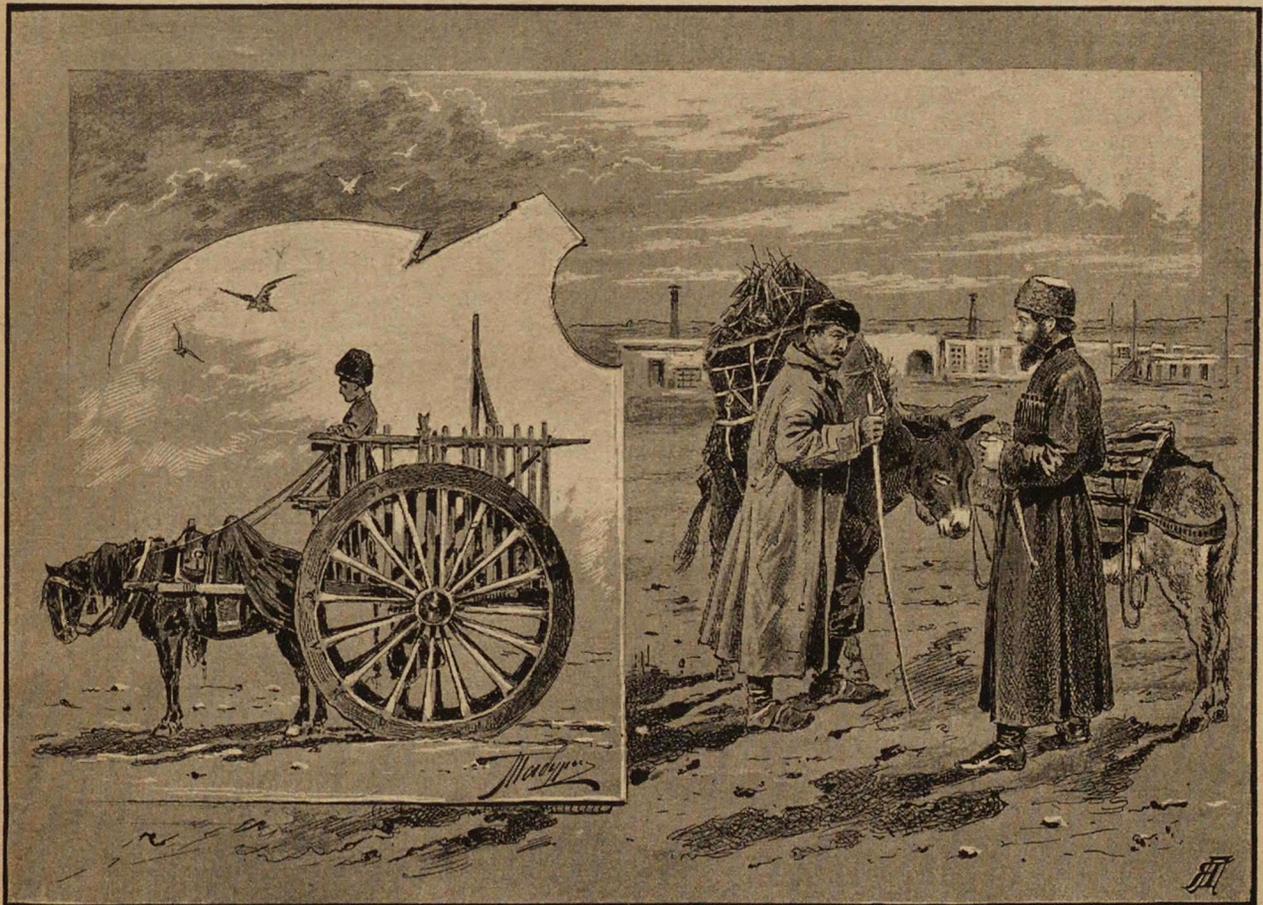
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

№. 31.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

2 августа, 1892.

БАКУ. УЛИЧНЫЕ ТИПЫ.

По фотографіи съ натуры рис. для «Сѣвера» В. А. Табуриша.

и потерять». Подобнымъ вопросомъ задавалась, между прочимъ, г-жа М. Крестовская въ своемъ безконечномъ романѣ «*Артистка*»; подобнымъ-же вопросомъ задался и авторъ романа «*По призванію*», напечатаннаго въ трехъ лѣтнихъ книгахъ «Наблюдателя». Вопросъ этотъ касается совмѣстности семейныхъ добродѣтелей съ артистическою дѣятельностью женщины. Я не буду касаться сущности даннаго вопроса и отмѣчу одну только особенность названнаго романа. Пока авторъ живописуетъ героиню, ея встрѣчу съ героемъ, ихъ сближеніе, наконецъ, женитьбу—у него не изсякаетъ краснорѣчіе. Но едва дѣло приблизилось къ роковой грани и героиня сознала, что не можетъ не осуществить своего провиденціальнаго назначенія, какъ тотчасъ-же авторъ становится лакониченъ, кончаетъ романъ и завершаетъ его... ничѣмъ. Такой-же фортель продѣлала и г-жа М. Крестовская, наплета очень много «пикантныхъ» подробностей и, подобно автору романа «*По призванію*», не сказавъ ничего положительнаго или, вѣрнѣе, ничего убѣ-

дительнаго противъ возможности совмѣщенія семейныхъ добродѣтелей съ служеніемъ искусству. А вѣдь въ этомъ-то и состояла задача обоихъ авторовъ.

Г. Гнѣдичъ, какъ я уже сказалъ, подобными вопросами не занимается. Можетъ быть, авторскія его намѣренія я истолковываю ошибочно, но судя по ихъ осуществленію, романистъ, главнымъ образомъ, былъ заинтересованъ вишнейю стороною театральнаго быта и не слишкомъ вникалъ въ «психологію». Мы не находимъ у него философіи духа, не проникаемся настроеніемъ отдѣльныхъ персонажей, но общую картину схватываемъ на столько полно, на сколько намъ помогаетъ талантъ автора. Въ этомъ отношеніи нельзя не отозваться о повѣсти г. Гнѣдича съ сочувствіемъ и нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожелать, чтобы онъ и на будущее время также безпретенціозно и искренно изображалъ явленія жизни, останавливающія на себѣ его художественное вниманіе.

К. М—скій.

МУСУЛЬМАНСКІЯ СВЯТЫНИ НА ЧИРЧИКЪ.

Очеркъ В. Фирсова.

(Окончаніе).

II.

Мы перешли на лѣвую сторону рѣки, поднялись по кривой улочкѣ между низкими сартовскими домиками, миновали дворъ хаджикентскаго волостнаго правленія и проникли въ «священный садъ хаджи», расположенный тотчасъ за дворомъ, у подножія большой сѣрой скалы. Въ саду было не болѣе десятка деревьевъ; но что это были за деревья! Любое изъ нихъ могло бы осѣнить церковный куполь. Изъ подъ скалы била обильный ключъ, и чистая какъ кристалъ вода веселыми ручейками разбѣгалаея и змѣилась между деревьями. Большая сѣрая скала была совершенно той же горной породы, какъ утесъ среди моста, и, также какъ тотъ, имѣла множество овальныхъ отверстій, чернѣвшихъ какъ исполнскія ноздри и составлявшихъ, по увѣренію жителей, природныя отдушины огромной пещеры, имѣющейя подъ горой.

Въ ближайшемъ чай-хане (кофейной) для насъ былъ заказанъ пловъ, и въ ожиданіи обѣда мы растянулись на коврѣ, посланномъ подъ огромными чинарами (платанами) у самой скалы. Гигантское дерево, подъ которымъ мы устроились, имѣло странную форму, росло въ сторону и болѣе походило на неимовѣрныхъ размѣровъ сукъ, чѣмъ на самостоятельное дерево. Внимательно осматрѣвшись, я увидѣлъ, что дерево исходило изъ большаго чернаго кольца, отъ котораго росло еще нѣсколько такихъ же деревьевъ и что черное кольцо, имѣвшее футовъ 20 въ поперечникѣ, ничто иное, какъ остатокъ сгнившаго ствола огромнаго дерева, а осѣняющія насъ чинары—только нижніе сучья погибшаго великана.

Ходжа замѣтилъ мое изумленіе передъ диковинкой и сказалъ съ улыбкой:

— Васъ поражаетъ дерево? Да, оно достойно удивленія! Эта чинара посажена здѣсь почти 1000 лѣтъ тому назадъ мусульманскимъ святымъ Хаджи-Индрисомъ, однимъ изъ первыхъ пустынныхъ, поселившихся въ хаджикентскихъ пещерахъ. Теперь главный стволъ совсѣмъ развалился и его дула совсѣмъ почти не видно. Но еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, стѣнки дула были довольно высоки и старый, сломанный сверху и

пустой внутри стволъ стоялъ какъ минареть. Дупло было такъ велико, что покойный генераль Кауфманъ— да будетъ Аллахъ милостивъ къ душѣ его— однажды велѣлъ поставить тамъ столъ и стулья, и, вмѣстѣ съ восемнадцатью другими генералами и начальниками, обѣдалъ въ деревѣ, какъ въ комнатѣ. Я былъ тогда въ Хаджикентѣ. Меня позвали къ генераламъ, и я долженъ былъ разсказать имъ объ Али, и о Хаджи-Индрисѣ, и какъ все тогда было на Чирчикѣ... Самъ яремъ-падишахъ *) хвалилъ мою ученость и подарилъ мнѣ халатъ... О, то былъ мудрый начальникъ и самъ былъ ученый человекъ!

— А куда отсюда ушелъ Али? спросилъ я Ходжу.

— Али пошелъ дальше въ горы, вслѣдъ за бѣжавшимъ лукавцемъ. Онъ вездѣ протонялъ шайтана, такъ что тотъ не зналъ куда дѣться и спрятался въ горахъ Памира. Али пошелъ за нимъ, но не дошелъ до Памиръ. Душа его соскучилась по блаженствамъ эдема, и онъ отдалъ душу Аллаху возлѣ Балка, гдѣ теперь Мазаръ иль-Шерифъ.

Но мусульмане на Чирчикѣ не забыли словъ Али, сказанныхъ послѣ постройки моста. Сюда собралось много благочестивыхъ людей. Они поселились въ пещерахъ, входъ въ которыя вы видите тамъ, за выступомъ скалы. Эти пещеры здѣсь только начинаются и тянутся подъ горой на много верстъ; но проникнуть въ нихъ теперь нельзя, потому что скала опустела, проходы завалило камнями и внутри такъ душно, что человекъ задыхается.

Самымъ старымъ и мудрымъ между хаджи, поселившимися въ пещерахъ, былъ Хаджи-Индрисъ, который посадилъ дерево. Онъ у насъ считается великимъ святымъ, вторымъ послѣ Али. И подумать, что здѣсь онъ молился, можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ! И въ этомъ ручьѣ онъ творилъ намазъ!...

Ходжа задумался и поникъ головой. Потомъ онъ вспомнилъ, должно быть, что самъ еще не сотворилъ намаза, заторопился и поспѣшилъ къ тарантасу, гдѣ оставался его молитвенный ковригъ.

*) Яремъ-падишахъ, т. е. полцаря, было почетное прозвище, данное въ Средней Азіи Кауфману.

Между тѣмъ я всталъ и началъ осматривать скалу. Всѣ входы въ пещеру дѣйствительно оказались непроходимыми и изъ нихъ исходилъ удушливый запахъ. Впослѣдствіи, однако, я услышалъ, что входъ въ хаджикентскія пещеры вовсе не со стороны сада, а откуда-то съ берега рѣки, но что мусульмане тщательно скрываютъ отъ христіанъ этотъ входъ и нарочно распространяютъ слухъ объ удушливыхъ газахъ, чтобы инверды не проникли въ главную чирчикскую святыню.

Когда наши лошади выкормились, мы выѣхали далѣе къ Бричь-муллаѣ. Дорога во все время шла вдоль обрыва къ Чирчику, а верстахъ въ пяти отъ деревни пересѣкла глубокую разщелину, надъ которой имѣлся отличный мостъ русской постройки (рисункъ 2-й).

пасть, куда и смотрѣть даже нехорошо! Тамъ они положили лошадей, спрятались за скалою и просидѣли цѣлый день, всю ночь и еще цѣлое утро до полудня. Рустемъ-бекъ непремѣнно хотѣлъ ихъ достать. Онъ пробовалъ стрѣлять внизъ, но камни мѣшали; потомъ онъ послалъ людей вокругъ сверху и снизу отъ рѣки, но казаки застрѣлили тѣхъ, которые шли сверху и задавили камнями нижнихъ. Тогда бекъ совсѣмъ разсердился и велѣлъ завалить уруссовъ камнями; но камни не попадали въ казаковъ и катились мимо нихъ прямо въ рѣку. Только одну русскую лошадь задѣло поранило камнемъ!

— Чѣмъ же кончилось?

— Ой, много мусульманъ тутъ побили! Рустемъ-бекъ

Качающийся камень около Тандиля, въ Аргентинской республикѣ.

— Ишакъ-купрюкъ! сказалъ Ходжа съ улыбкой.— Здѣсь ужъ ваши, русскія воспоминанія.

— Какъ такъ? удивился я.

— Да, это замѣчательное для русскихъ мѣсто. Здѣсь шесть казаковъ бились съ цѣлымъ войскомъ Рустемъ-бека и остались побѣдителями! На другой годъ послѣ того какъ ваши взяли Ташкентъ и когда губернаторомъ былъ генералъ Романовскій, въ здѣшнихъ мѣстахъ собралось много людей, не хотѣвшихъ помириться съ уруссами. Рустемъ-бекъ набралъ изъ нихъ войско и сталъ сильно тревожить русскихъ въ Ташкентѣ. А у Романовскаго почти всѣ войска стояли въ Ходжентѣ, такъ что противъ Рустемъ-бека можно было послать только немного казаковъ. Случилось разъ, что отрядъ казаковъ, съ которыми былъ нашъ сартъ Алимъ-бай, чтобы показывать дорогу, остановился за рѣкой у Чембайлыка, а шесть казаковъ потихоньку и не спросивъ у начальника поѣхали на эту сторону на бахчи. Вотъ здѣсь возлѣ Ишакъ-купрюка ихъ окружило все войско Рустемъ-бека, болѣе 800 человекъ. Казаки храбрые люди—это всякому извѣстно—и лошади у нихъ хорошия! А все-таки трудно даже повѣрить тому, что сдѣлали эти батыри! Они съ лошадьми спустились въ эту про-

совсѣмъ потерялъ голову и все хотѣлъ убить казаковъ, а они сидѣли, какъ въ крѣпости и сами всѣхъ убивали. Утромъ русскій начальникъ узналъ, что шесть казаковъ пропали и пошелъ ихъ искать. Когда отрядъ перешелъ на эту сторону, Рустемъ-бекъ испугался и ушелъ въ горы. И бекъ былъ такъ печаленъ отъ неудачи, что хотѣлъ обрить себѣ брови, но мулла ему сказалъ, что это будетъ грѣхъ и позоръ... Да, ваши казаки съ Урала настоящіе батыри!

— А вы не знаете, наградили-ли молодцовъ казаковъ? полюбопытствовалъ я.

— Ой-ой! какъ наградили! засмѣялся мулла.—Алимъ-бай разсказывалъ, что начальникъ на нихъ очень сердился и наказалъ ихъ, а капитанъ больно побилъ того, у котораго ранили лошадь! Хе-хе! Джюда наградили!

Я хотѣлъ было сказать что-то о дисциплинѣ и въ этомъ родѣ, но умный сартъ смотрѣлъ на меня такъ лукаво, что я счелъ болѣе удобнымъ промолчать.

III.

Къ ночи мы пріѣхали въ Бричь-мулла (видъ 3-й). Это была большая и грязная деревня съ дряннымъ базаромъ посрединѣ, самаго непоэтического вида. Но мѣст-

пость вокруг кишлака была великолѣпна, а самое возникновеніе его—связано съ поэтическимъ преданіемъ. Пѣзъ разсказовъ Юсуна-Ходжи я узнала слѣдующее:

Хаджи-Индрисъ, глава общины хаджикентскихъ пустынниковъ, задумалъ продолжать дѣло Али, т. е. насадить исламъ у истоковъ воды, чтобы затѣмъ распространять слово пророка во всѣхъ племенахъ населяющихъ горы. Повидимому, старца особенно плѣняла мысль, что съ водвореніемъ ислама на верховьяхъ рѣкъ по водѣ пойдутъ не «козны лукаваго», а благословеніе пророка. Для приведенія въ исполненіе этого проекта, онъ набралъ сотню благочестивыхъ юношей и долго обучалъ ихъ премудростямъ корана. Затѣмъ, когда всѣ молодые люди достигли желательной степени учености и стали «муллами», онъ повелъ ихъ вверхъ по Чирчику и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Бричъ-мулла (что означаетъ перекрестокъ муллъ) велѣлъ своимъ ученикамъ разойтись во всѣ стороны, отнять у шайтана всѣ «истоки воды», насадить исламъ у верховьевъ и затѣмъ спуститься вдоль рѣкъ для проповѣданія въ долинахъ. Самъ Хаджи-Индрисъ пошелъ прямо вверхъ по Чоткалу. Но работа проповѣдникамъ досталась не легкая, со вздохомъ продолжалъ Ходжа.—У истоковъ воды, гдѣ издавна обиталъ шайтанъ и гдѣ его дѣла пустили глубокіе корни, люди оказались злобные и до такой степени неразумные, что они не понимали самыхъ простыхъ словъ проповѣдниковъ. Ни одинъ изъ нихъ не вернулся внизъ. Многихъ убили свирѣбые горцы. Другимъ удалось смягчить сердца дикихъ людей, но на всю жизнь хватило работы на верховьяхъ рѣкъ. Третьи заблудились въ горахъ и погибли отъ голода или въ когтяхъ у дикихъ звѣрей. Самъ Хаджи-Индрисъ не долго прожилъ послѣ того, какъ ушелъ на верховья Чоткала и разстался со своими учениками. Ему не пришлось испытать на себѣ злобу и глупость горцевъ, потому что старецъ—ему было болѣе ста лѣтъ отъ роду—былъ такъ святъ, что самые худые люди смягчались глядя на него. Но и его обманулъ лукавый. Презрѣнный врагъ Магомета видѣлъ, что ничего не можетъ сдѣлать открытымъ зломъ и пошелъ на хитрость. Онъ такъ украсилъ цвѣтами и всякой прелестью долину Чоткала, что она стала походить на адемъ; потомъ онъ вложилъ въ сердца горцевъ притворную добродѣтель и пустил въ горахъ слухъ, что на всѣхъ истокахъ люди приняли исламъ и отреклись отъ шайтана. Въ это время Индрисъ былъ за Терсомъ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ Мазаръ-иль-Индрисъ. Умиленный извѣстіемъ, что мысль Али исполнена и горы отняты у лукаваго, очарованный вдобавокъ безпримѣрной красотой природы, святой хаджи пришелъ въ неописанный восторгъ и, пожелавъ съѣсть на «вѣчную молитву». Онъ разостлалъ свой молитвенный коврикъ, сѣлъ молиться и три дня молился не ѣвши и не пивши, приходя все въ болѣе и болѣе восторгъ. На четвертый день онъ умеръ, воздавая хвалу Творцу и прославляя его пророка.

Но лукавый ошибся въ расчетахъ. Во время послѣдней молитвы старца много людей приходило смотреть на него, и всякій, кто видѣлъ его, начиналъ каяться въ грѣхахъ и дѣлался хорошимъ мусульманиномъ. Теперь на Чоткалѣ великій мазаръ и отсюда пошло благочестіе въ горахъ. И весь Чирчикъ до того освятился, что вода его очищаетъ отъ грѣха и лѣчитъ отъ болѣзней!

Юсуфъ Ходжа замолкъ и мрачно задумался. Я увѣренъ, что онъ думалъ о пустотѣ современныхъ людей и своемъ собственномъ ничтожествѣ, сознавая себя неспособнымъ на подвиги благочестія, случавшіеся въ

старину. А надъ нами уже витала красавица южная ночь.—Мириады крупныхъ звѣздъ горѣли на совершенно черномъ небосклонѣ; горный вѣтерокъ обдавалъ насъ какимъ-то опьяняющимъ воздухомъ; грозный Чирчикъ грохоталъ и съ шумомъ катилъ свою заговоренную гальку. И я почувствовалъ, что въ этой странѣ, подъ этимъ небомъ возможны «вѣчныя молитвы» и легенды о великомъ Али.

В. Фирсовъ.

Голова гильотинированныхъ.

Очеркъ д-ра Марешала.

Многимъ, можетъ быть, извѣстенъ фантастическій разсказъ, какъ за нѣсколько дней до казни доктора де-Лапомре присужденнаго къ смерти за отравленіе г-жи де-Павъ, къ нему явился въ камеру одинъ извѣстный ученый—Вельпо.

—Докторъ, сказалъ Вельпо осужденному. Вамъ предстоитъ исполнить ваше злодѣяніе. Не рассчитывайте на помилованіе. Чѣмъ выше стоитъ преступникъ, тѣмъ строже должно быть наказаніе. Но вы, самъ ученый, можете оказать нашу большую услугу; и эта услуга будетъ впоследствии вашей славой. Черезъ нѣсколько дней вамъ отрубятъ голову... Лапомре поблѣднѣлъ.—И я пришелъ предложить вамъ помочь намъ установить тотъ фактъ, что послѣ обезглавленія, жизнь, т. е. жизнь мозга, жизнь интеллектуальная, дѣятельность мозговыхъ функций еще продолжается. Я буду присутствовать при казни. Когда шея будетъ перерублена я возьму въ руки вашу голову и позову васъ. Тогда, если вы услышите мой голосъ, если вы будете сознавать настоящее и помнить нашъ разговоръ, вы отвѣтите мнѣ троекратнымъ поднятіемъ вѣкъ; тогда, благодаря вамъ, будетъ разрѣшена такъ долго изучаемая загадка...

Пораженный Лапомре сначала отказался; но наконецъ сдался на просьбы Вельпо и торжественно заключилъ съ нимъ этотъ мрачный договоръ.

Въ день казни Вельпо взглядомъ напоминалъ о заключенномъ условіи осужденному, медленно подвигавшемуся къ гильотинѣ.

Когда раздался глухой ударъ опустившагося ножа гильотины, профессоръ схватилъ голову казеннаго и сказалъ: «Лапомре, слышите-ли вы меня? помните-ли вы? Отвѣчайте!» Онъ съ волненіемъ ждалъ... Вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ науки, правый глазъ казеннаго открылся и закрылся вполне ясно и опредѣленно. Второй разъ вѣкъ поднялось и опустилось съ трудомъ. Вельпо съ волненіемъ ждалъ...

Вѣкъ слегка дрогнуло, но уже болѣе не поднялось. Напрасно ученый повторилъ свой вопросъ.

Эта интересная исторія надѣлала много шума. Надо-ли прибавлять, что она съ начала до конца есть плодъ фантазіи ея автора, одного изъ самыхъ блестящихъ французскихъ писателей, Вилье де Лиль-Адама?

Умственная жизнь мгновенно прекращается ножомъ гильотины. Жизнь тканей еще, конечно, остается и прекращается только позднѣе; анатомическіе элементы, даже нѣкоторые органы продолжаютъ существованіе и послѣ отдѣленія головы, и каждый изъ нихъ умираетъ въ свою очередь, смотря по силѣ своего сопротивленія и жизненности.

На этомъ фактѣ и основаны физиологическіе опыты надъ трупами послѣ обезглавленія. Сократимость мускуловъ еще остается; электрическій токъ вызываетъ самыя разнообразныя мускульныя сокращенія; пропущенный черезъ липо токъ послѣдовательно вызываетъ выраженія радости, печали, страха, гнѣва и т. д., смотря по тому, какая группа мускуловъ подвергается дѣйствию тока.

Въ одномъ провинціальномъ городѣ голова гильотинированнаго была положена на столъ черезъ нѣсколько мгновеній послѣ казни. Имя преступника было громко произнесено вслухъ однимъ изъ присутствующихъ, къ которому сейчасъ же обратились глаза казеннаго.

Много разъ повторенный опытъ далъ подобные же результаты.

Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы въ этихъ актахъ принимало участіе сознание; такіе акты, называемые *рефлективными*, совершенно автоматичны; они совершаются помимо воли, помимо сознания, однимъ словомъ, безъ участія высшихъ интеллектуальныхъ центровъ, безъ участія мозга.